Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Институт права и национальной безопасности

СПЕРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

г. Москва, 8 декабря 2020 г.

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Институт права и национальной безопасности

СПЕРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей VI Международной научной конференции студентов и аспирантов

г. Москва, 8 декабря 2020 г.

Москва
Издательство «Проспект»
2021

УДК (063):342
ББК 67.400
С71

Редактор-составитель
доктор юридических наук, профессор
Лаптева Л.Е.

С71 **Сперанские чтения**: сборник статей VI Международной научной конференции студентов и аспирантов. Москва, 8 декабря 2020 г. / Ред.-сост. Л. Е. Лаптева. — М.: Издательство «Проспект», 2021. — 284 с.

ISBN 978-5-98597-488-1

В сборнике представлены статьи студентов, магистрантов и аспирантов — участников VI Международной научной конференции «Сперанские чтения», состоявшейся в Институте права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 8 декабря 2020 г. В статьях отражен широкий спектр профессиональных интересов молодых исследователей в области права, национальной и экономической безопасности, государственного управления.

УДК (063):342
ББК 67.400

ISBN 978-5-98597-488-1

© Институт права и национальной безопасности, 2021
© Авторы, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Абакумова Ю.А. Перспективы использования систем видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве 7
Асташова Ю.В. Вандализм или искусство? 10
Алексеенко Н.А. Влияния аутсорсинга на трудовые отношения в РФ: преимущества и недостатки 17
Белоногова В.К. К вопросу о недостаточности правовой регламентации ятрогенных преступлений 22
Бирюлин Д.А. Теория «реляционного договора» в корпоративном праве 26
Гатауллина Р.Р. Пределы правового регулирования цифровой трансформации 33
Грибанова А.С. Профилактика коррупции как способ обеспечения национальной безопасности РФ 39
Дитц Д.А. О роли международного таможенного права в обеспечении международной экономической интеграции 44
Добромилов Д.В. Проблемы правового регулирования труда спортсменов во время пандемии коронавируса 49
Долгополов С.С. Анализ угроз устойчивому развитию Российской Федерации от пожаров природного и техногенного характера на современном этапе 55
Емцев К.С., Лопатин И.А. Актуальные вопросы исполнения судебных актов в период действия ограничительных мер в Российской Федерации 64
Захаров А.А. Правовые последствия патологической арбитражной оговорки 68
Землянская Н.В. Угрозы, возникающие при неправомерном использовании инсайдерской информации и манипулировании рынком, и их влияние на экономическую безопасность государства 73
Зиновьева А.В. Конституционное право граждан Российской Федерации на обжалование решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих 78
Кащенко Е.Н. Правовое регулирование таргетированной рекламы 83
Кобозев С.М. Кадровое обеспечение как условие успешной диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса в контексте достижения целей национального развития Российской Федерации 89
Компанец Е.Р. Аудиопротоколирование судебного заседания в гражданском судопроизводстве 98
Кононова И.И. Применимое право в договоре транспортной экспедиции: коллизия между транспортным правом России и Таможенного союза 101
Копылова Н.А. Недобросовестная конкуренция при COVID-19 110
Кочарян В.Э. Судебные органы конституционной юстиции: тенденции и перспективы развития в свете конституционной реформы 2020 года 115
Кузнецов С.С. Некоторые проблемы гражданско-правовой защиты участников долевого строительства 121
Лаврова И.Г. Формирование светской цензуры в Российской Империи в эпоху Петра I 128

Ли А.Р. Нечеткие методы идентификации и оценки рисков при планировании и выполнении инфраструктурных проектов в контексте обеспечения экономической безопасности страны 135
Малышкин С.П. Правовая оценка перспектив внедрения цифрового рубля 143
Мжельская А.С. Проблематика реализации конституционных принципов равенства прав женщины и мужчины в России XXI века 149
Миронова А.А. Учёт рабочего времени дистанционных работников и оплата их переработок согласно трудовому законодательству РФ 154
Мишанина Д.К. Вклад Интерпола в борьбу с торговлей людьми (на примере практики бача-бази в Афганистане) 159
Мухина Е.Д. Нетарифное регулирование ЕАЭС как неотъемлемый элемент экономической безопасности 165
Несмелова В.Г. Реформирование института крупных сделок: крупные сделки — исключение или правило? 169
Пирязева Н.Е. Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в контексте вынесения решений о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства 176
Полещук М.И. Влияние геоэкономики на экономическую безопасность Российской Федерации 188
Рогашков Н.А. Рынок слияний и поглощений банковского сектора и IT-корпораций как акселератор мировой цифровой экономики 196
Ромайкин П.Д. Предложения по совершенствованию управления трудовыми ресурсами промышленных предприятий Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации 201
Сафьянова Э.М. Преступления в сфере банкротства как угроза экономической безопасности 209
Саркисян А.А., Селезнев Ю.В. Национальная безопасность Российской Федерации в Восточной Европе 216
Сенотрусова Е.М. Гражданско-правовая категория вины в отношениях по предупреждению причинения вреда 221
Смирнова Л.В. Роль Комиссии ООН по праву международной торговли в правовом регулировании переводных и простых векселей 228
Советкина М.С. Запрет определенных действий — новая мера пресечения в российском уголовном судопроизводстве 232
Сысоева Н.Н. Киберсталкинг как угроза социализации и психического здоровья подростков 237
Тимофеева В.В. Основные направления политики России по реализации своих национальных интересов в Арктике 245
Филипчук А.С. Роль ЮНСИТРАЛ в регулировании трансграничной несостоятельности 252
Чернов М.Л. Позиция России по «Курильскому вопросу»: политико-экономическое обоснование 258
Шибанова Е.П. Актуальные вопросы эксплуатации беспилотных транспортных средств 264
Шлапак М.Д. Перспективы введения международного принципа исчерпания прав и легализации параллельного импорта в России 269
Щупакова М.Е. К вопросу о понятии неосторожности в рамках договорной ответственности 276

Предисловие

Вниманию читателя предлагается очередной сборник статей участников конференции студентов, магистрантов и аспирантов Сперанские чтения, которая стала уже традиционным местом встречи преподавателей-наставников, молодых ученых и тех, кто только пробует свое перо в научном жанре.

Институт права и национальной безопасности включает в себя три факультета: национальной безопасности, таможенного дела и юридический им. М.М. Сперанского. Исторически конференция начиналась как юридическая, однако теперь охватывает и проблематику национальной безопасности, таможенного дела, государственного и муниципального управления.

Следует сказать, что большая часть докладов отличалась высокой актуальностью. В состав сборника вошли статьи, посвященные разнообразным сюжетам, начиная от таких злободневных вопросов, как дистанционная работа и труд спортсменов, исполнение судебных актов и недобросовестная конкуренция в условиях пандемии и заканчивая историей российской цензуры. Рассматривались угрозы национальной безопасности и устойчивому развитию России, которые несут в себе коррупция, манипулирование рынком и т.п. Не остались без внимания различные аспекты международных отношений, от нетарифного регулирования в ЕАЭС до проблем применимости права в договорах транспортной экспедиции.

Отрадно отметить высокий научный уровень конференции и отобранных для публикации докладов. Участникам оказались «по зубам» такие тонкости, как патологическая арбитражная оговорка, видеокон-

ференцсвязь в гражданском процессе, реляционный договор, цифровая трансформация, ятрогенные преступления.

Наряду с обучающимися в ИПиНБ в конференции приняли участие представители МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЮА им. О.Е. Кутафина, Саратовской юридической академии, Российской таможенной академии, Российского университета правосудия. Санкт-Петербургского и Иркутского филиалов Университета прокуратуры РПА Минюста Россихи, Волгоградского института управления, Тульского государственного университета, Финансового университета при Правительстве РФ, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Доклады публикуются в авторской редакции.

Редактор-составитель
доктор юридических наук, профессор
Л.Е. Лаптева

Абакумова Юлия Алексеевна,
студент Саратовской государственной юридической академии

Перспективы использования систем видеоконференцсвязи в гражданском судопроизводстве

Аннотация: *В статье рассматриваются актуальные вопросы и перспективы технического использования систем видеоконференцсвязи в российском гражданском судопроизводстве.*
Ключевые слова: *судопроизводство, видеоконференцсвязь, цифровизация.*

Yulia Alekseevna Abakumova,
student of the Saratov State Law Academy

Prospects for using video conference systems in civil proceeding

Abstract: *The article discusses topical issues of the prospects for the technical use of video conferencing systems in Russian civil proceedings.*
Keywords: *legal proceedings, video conferencing, digitalization.*

2020 год для Российской Федерации стал решающим в формировании цифрового государства. В 2012 году Правительство РФ утвердило федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», цели которой — мероприятия, направленные на развитие информационных технологий в деятельности судебной системы.

Электронное правосудие — это способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде [1].

Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» была законодательно урегулирована возможность проведения судебного заседания в судах России с помощью систем видеоконференцсвязи [2]. Внедрение видеоконференцсвязи (далее — ВКС)

в гражданский процесс свидетельствует о проявленном внимании законодателя к проблемам повышения эффективности правосудия с использованием достижений техники.

Как в любом новшестве существуют коллизии, так и в данной системе можно выделить несколько существенных пробелов. В процессе гражданского судопроизводства возможны видеоконференцсвязь и транслирование заседаний в режиме онлайн, а также ведение аудиозаписи, которая в настоящее время является обязательной — ее отсутствие считается грубым процессуальным нарушением [3]. На первый взгляд, эти возможности имеют положительные черты, поскольку позволяют экономить время и денежные средства, например, если истец и ответчик находятся в городах, удаленных друг от друга. При этом следует учитывать, что видеоконференцсвязь также создает определенные трудности, например, когда одной из сторон необходимо ознакомиться с документами, предоставленными другой стороной. Не стоит забывать о разном уровне оснащения судов в регионах, где видеокамеры могут просто отсутствовать.

Принятые весной 2020 года ограничительные меры в связи с распространением COVID-19 показали необходимость совершенствования существующих и используемых в настоящее время элементов так называемого электронного правосудия: возможности направления в суд документов в электронном виде и особенно дистанционного участия в судебных заседаниях. Так, в принятом для разъяснения порядка работы судов в период действия таких мер Постановлении Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 изначально содержалось положение об инициировании судами рассмотрения дел с применением систем ВКС, но впоследствии эта рекомендация была расширена и, в качестве возможного формата проведения судебных заседаний, в ней было обозначено использование систем веб-конференций (соответствующие изменения внесены Постановлением Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822) [4].

Первым судом, опробовавшим такой формат работы, стал Верховный Суд Российской Федерации, где в режиме веб-конференции проведены заседания по шести делам. Этот опыт — без особой конкретики, за исключением указания необходимости направления в суд заявлений в электронном виде с приложением электронных образов

документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия участников производства, для участия в судебном заседании посредством веб-конференции. Считаем необходимым внести изменения в гражданское процессуальное законодательство в части расширения возможности участников процесса участвовать в судебных заседаниях с использованием системы веб-конференции, дополнив ст. 155.1 ГПК РФ соответствующей нормой.

Подводя итог вышесказанному, стоит отметить, что в России электронное правосудие, особенно в рамках гражданского процесса, развивается все быстрее, но при этом имеет большое количество изъянов. Улучшение материально-технической базы судов, повышение образованности и информированности граждан, внесение поправок в законодательство позволят выйти электронному правосудию на новый уровень, и оно сможет в полной мере обеспечивать прозрачность и доступность судебной деятельности.

Литература

Зуб О.Ю. Видеоконференция как средство упрощения гражданского судопроизводства // Вестник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина. № 1106. Серия «Право». — 2014. — Выпуск № 17. — С. 219–222.

О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ // Российская газета. — 2013. — № 94, 30 апреля.

Силантьева И.Р. Проблемы перспективы использования систем видеоконференцсвязи в процессе правореализации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2013. — № 1 (23). — С. 246–249.

О внесении изменений в Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Совета судей Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821: Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 // Портал ГАРАНТ.РУ. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73866889/

Асташова Юлия Владимировна,
студент Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина

Вандализм или искусство?

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы правового регулирования произведений стрит-арта как объектов авторского права и их соотношения с правами собственника зданий и сооружений, на которых размещаются такие объекты. Проанализированы проблемы защиты прав собственников зданий и сооружений, а также — защиты авторских прав уличных художников.*

Ключевые слова: *стрит-арт, право интеллектуальной собственности, авторское право, произведение искусства, право собственности.*

Yulia Vladimirovna Astashova,
student of the Kutafin Moscow State Law University

Vandalism or Art?

Abstract: *This article discusses the legal regulation of street art works as objects of copyright and their relationship with the rights of the owner of buildings and structures where such objects are located. The problems of protection the rights of owners of buildings and structures, as well as protection the copyright of street artists are analyzed.*

Keywords: *street art; intellectual property right, copyright, piece of art, property right.*

Искусство в современном мире давно вышло за рамки галерей и музеев, и сейчас уже невозможно представить публичное пространство без эстетических компонентов в виде произведений уличного искусства.

Однако правовая охрана данных объектов в Российской Федерации четко не регламентирована законодателем до сих пор. В российском праве нет норм, закрепляющих правовой режим стрит-арта и обеспечивающих его охрану и защиту. По нашему мнению, прежде всего это связано с главной особенностью работ данного направления — они создаются на объектах собственности, принадлежащих не автору, а иным лицам, зачастую не дающим согласие на использование объекта, принадлежащего им на праве собственности. Данный конфликт интересов между абсолютным правом собственности и необходимостью правовой охраны произведений уличного искусства и прав авторов таких произведений обуславливает неурегулированность отношений в этой сфере, что приводит, в свою очередь,

к многочисленным спорам и полному уничтожению некоторых уникальных произведений художественного искусства.

Очевидно, что произведения стрит-арта как результаты интеллектуальной деятельности являются объектом авторских прав (ч.1 ст. 1259 ГК РФ), хотя они прямо и не перечислены в качестве таковых в указанной статье. Однако перечень объектов изобразительного искусства не является исчерпывающим, в него входят и другие произведения, соответствующие критериям охраноспособности: они созданы творческим трудом автора (ст. 1257 ГК РФ), выражены в объективной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ) и становятся общедоступными для восприятия неограниченного круга лиц. Следовательно, художник, создавший такое произведение, становится обладателем авторских прав без какой-либо их регистрации.

При этом охране подлежат именно произведения стрит-арта как самостоятельные произведения изобразительного искусства, а не граффити (с англ. hate speech — «разжигание ненависти») [1, с. 27–29]. Произведения такого рода подлежат уничтожению, а авторы привлекаются к административной [2, ст. ст. 7.17, 20.1; 3, п. 5.2 ст. 6] и уголовной [ст. ст. 167, 213, 243 УК РФ] ответственности за их создание. Подлежат правовой охране только произведения стрит-арта, пользующиеся «признанным авторитетом», имеющие социальную и культурную ценность [4, с. 326–356]. Однако степень культурной ценности зачастую определяют сами правоприменители на основании собственных предпочтений. С целью разграничения понятий «стрит-арта» и «граффити» предлагается использовать следующие признаки стрит-арта:

1) произведение уличного искусства имеет определенное смысловое содержание, сюжет, вкладываемые автором при создании;

2) стрит-арт создается исключительно в открытом городском пространстве, «на улицах»;

3) стрит-арт создают художники, обладающие специальными художественными навыками и умениями;

4) произведения стрит-арта не ограничиваются живописными изображениями, могут быть созданы в форме инсталляций, мозаики, стикеров, 3d и 2d объектов, интегрированных в окружающую среду и т.д.;

5) стрит-арт рефлексивен, он имеет своей целью отразить наиболее актуальные проблемы и идеи, царящие в обществе.

Таким образом, стрит-арт как направление искусства совершенно отличен от граффити, который в свою очередь подразумевает нанесение райтерами своего псевдонима различными шрифтами аэрозольной краской с целью возвышения себя и унижения другого райтера. Используя приведенные выше признаки, правоприменители смогут легче различать произведения этих двух направлений и обеспечивать защиту произведений стрит-арта.

Анализ имеющейся судебной практики свидетельствует о том, что национальные суды не рассматривают дела о произведениях уличного искусства, созданных вне рамок авторского заказа собственника объекта и художника, в части защиты авторских прав уличных художников. Весь имеющийся материал дел относится к категории споров о взыскании ущерба, который понесли собственники здания из-за необходимости удаления со стен их творчества [5], об обязании собственника удалить такие произведения искусства [6, 7] или о восстановлении права лица на благоприятную среду проживания, права на надлежащее содержание общественного пространства в городе, гарантированную сохранность объектов культурного наследия [8].

Материалом, на котором создаются произведения стрит-арта, являются, чаще всего, части зданий и сооружений или их функциональные элементы. В этом и состоит основная сложность регулирования возникающих правоотношений. Функциональное значение зданий или земельных участков и требования, предъявляемые к их содержанию, сталкиваются со стремлением художника выразить свои идеи посредством создания произведения искусства на частях этих зданий или земельных участков, которые, в свою очередь, не меняя функционального значения, становятся одновременно и оригиналами произведений уличного искусства.

Таким образом, произведение и материальный объект создают единое целое, как холст и изображение, однако в этом случае холст не принадлежит художнику.

Можно условно считать, что данные правоотношения могут регулироваться следующей конструкцией: собственник автоматически получает право собственности на произведение при его создании, при этом не требуется достижение согласия сторон. По общему правилу отчуждение материального носителя не ведет к автоматическому переходу исключительного права на созданное произведение, а соответ-

ственно, и собственник не имеет права распоряжаться произведением без согласия автора [9, ст. 1227]. Но из-за того, что автор зачастую неизвестен, а само произведение является незаконным, так как нарушает право собственности, то собственник может самостоятельно распоряжаться судьбой данного произведения и вправе ограничить доступ к нему. Вместе с тем следует отметить, что уличное искусство по своей правовой природе носит публичный характер, что позволяет свободно использовать произведения, постоянно находящиеся в месте, открытом для свободного посещения (ст. 1276 ГК РФ) [10]. Собственник здания или сооружения также вправе уничтожить произведение стрит-арта, при этом у него нет необходимости получать согласие автора произведения или производить какие-либо расчеты с ним. Риск неполучения возможных доходов от последующего распоряжения собственником недвижимости этим произведением лежит на авторе. Хотя зачастую произведения стрит-арта увеличивают стоимость зданий, сооружений и земельных участков в десятки раз. Так, гараж, на стенах которого за ночь появилась работа таинственного английского художника Бэнкси “С Рождеством”, был продан за цену свыше миллиона фунтов. При этом художник не получил ни цента.

Таким образом, права художников на стрит-арт распространяются только на нематериальный аспект произведения [11, с. 312].

Но собственник приобретает не только права, зачастую на нем лежит ответственность по приведению фасада здания в первоначальное состояние по распоряжению уполномоченного органа [2, ст. ст. 7.17, 20.1; 3, п. 5.2 ст. 6]. Изначально — это обязанность автора произведения, но так как чаще всего он неизвестен, собственник самостоятельно вынужден выполнять указание уполномоченного органа за счет собственных средств. В данном случае, очевидно, что художник, реализующий свое право на творчество (ст. 10 Закона Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-I «Основы законодательства Российской Федерации о культуре») и свободу художественного творчества (п. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации), поместивший изображение на чужом имуществе при отсутствии на то согласия собственника этого имущества, является лицом, злоупотребившим своим правом. Соответственно, авторские правомочия, возникшие у этого художника при указанных обстоятельствах, в силу ст. 10 ГК РФ будут лишены защиты, что фактически означает

отсутствие у нелегального произведения авторско-правовой охраноспособности [12].

Однако, несмотря на специфику отношений автора произведения и собственника здания или сооружения, очевидно, что художник не лишается права на защиту от посягательств третьих лиц на созданное им произведение, так как их право своими действиями он не нарушал.

В мировой практике существуют немногочисленные прецеденты, когда художники получали защиту своих прав от посягательств не только третьих лиц, но и самого собственника. Показательным является дело об одном из самых известных арт-пространств в мире — 5Pointz в Квинсе (США). Произведения стрит-арта были нанесены на здание с согласия собственника, но в 2013 г. собственник решил снести арт-квартал. В ответ на это решение художники обратились в суд, требуя сохранить здание и их работы. Их иск не был удовлетворен, однако ещё до сноса собственник закрасил все изображения полагая, что, если нет предмета, нет и спора. Художники не сдались и обратились в суд с иском о возмещении убытков, которые они понесли вследствие удаления их произведений, которые приносили собственнику значительную прибыль. Свои же убытки художники доказывали, ссылаясь на то, что граффити, нарисованное на 5Pointz, приносило им известность, и они получали реальные предложения от клиентов. В 2018 году Верховный суд США встал на сторону художников и взыскал с собственника убытки в размере 6,7 млн долларов [13].

Большой резонанс в Интернете получило «дело Бродского». Портрет нобелевского лауреата на стене школы №189 в Санкт-Петербурге в день его рождения написал популярный уличный художник Олег Лукьянов, известный в социальных сетях своими урбанистическими фресками на стенах зданий [14]. Однако изображение было закрашено собственником без согласия автора, несмотря на общественный протест.

Рассмотренный вопрос урегулировать на практике достаточно сложно. Сама идея стрит-арта не предполагает долгосрочного существования таких произведений и длительного согласования возможности создания изображения. Следовательно, разрешительный порядок создания произведений уличного искусства не является эффективным, так как не учитывает основополагающие идеи этого вида искусства — полной свободы творчества и анонимности авто-

ров. Таким образом, в настоящее время отношения собственников и уличных художников могут быть урегулированы только посредством предварительного или последующего достижения согласия между ними. Однако, если согласие не достигнуто, законодатель должен обеспечить защиту неимущественного права на целостность произведения, которое в случае, если изображение является общепризнанным произведением, предоставляет возможность автору требовать защиты от его уничтожения или возмещения убытков. Также представляется необходимым законодательно разграничить понятия «стрит-арт» и «граффити» и установить ответственность исключительно за размещение последних. При этом, основываясь на приведенном выше анализе, под «стрит-артом» предлагается понимать произведения изобразительного искусства, созданные художниками в рамках уличного пространства, имеющие определенное содержание, идею, зачастую отражающие актуальную социальную проблематику или обладающие эстетической ценностью, а под «граффити» — текстовые стилизованные изображения псевдонимов или высказываний авторов, нанесенные райтерами аэрозольной краской с целью возвышения себя и унижения другого райтера, не имеющие содержания и художественной ценности.

Достичь баланса интересов собственников и уличных художников сложно, однако очевидным является необходимость законодательного урегулирования указанных отношений для сохранения неповторимых произведений искусства и создания благоприятной среды для творчества.

Литература

1. *Арефьева Л.В.* Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ / Л.В. Арефьева, Г.А. Магомедов // Российский следователь. — 2012. — №19. — С. 27–29.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15 октября 2020 г., с изм. от 16.10.2020) // Российская газета. — 2001 — 31 декабря. — № 256.
3. О благоустройстве в городе Москве: закон г. Москвы от 30 апреля 2014 г. № 18 (ред. от 17 мая 2018 г.) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2014. № 29. — Т. 2. 27 мая.
4. Fischer S.F. Who’s the Vandal? The Recent Controversy over the Destruction of 5Pointz and How Much Protection Does Moral Rights Law Give to Authorized

Aerosol Art? // John Marshall Review of Intellectual Property Law. — Chicago, 2015. — Vol. 14, № 3. — P. 326-356.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 февраля 2018 г. № Ф07-1201/2018 по делу № А56-28636 // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.09.2020).
6. Решение Московского городского суда от 18 июля 2019 г. по делу № 7-7167/2019 // СПС КонсультантПлюс. — URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 02.10.2020).
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 ноября 2018 г. № Ф07-12329/2018 по делу № А56-98120/2017 // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.09.2020).
8. Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26 мая 2020 г. № 88А-8430/2020 // СПС КонсультантПлюс http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.10.2020).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // Российская газета. — 2006. 22 декабря.
10. *Кабалина Д.А.* Особенности предоставления авторских прав уличным художникам // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. — 2019. — № 12. — С. 47–52.
11. *Smith C.Y.N.* Street art: an analysis under U.S. intellectual property law and intellectual property's Negative space theory // DePaul journal of art, tecnology a. IP law. — Chicago, 2015. Vol. 24. № 2. — P. 263–316.
12. *Удалкин В.А*. Граффити: порча имущества или объект авторского права? — Текст: электронный. — URL: http://pravmisl.ru/ index.php?option=com_content&task=view&id=1209 (дата обращения: 28.09.2020).
13. *Cramer Maria*. Artists Have Final Victory in a Case of Destroyed Graffiti // The New York Times. ISSN 0362-4331. Retrieved — 2020. — 9 october.
14. *Селедкин С.* Хайп на Бродском: искусствовед объяснил, зачем закрасили граффити Бродского в Петербурге — Текст: электронный // Комсомольская правда: — URL: https://www.kp.ru/daily/27134/4224630/ (дата обращения: 13.11.2020).

Алексеенко Надежда Алексеевна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности (ИПиНБ)
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Влияния аутсорсинга на трудовые отношения в РФ: преимущества и недостатки

Аннотация: *В статье рассмотрен аутсорсинг как форма организации труда, представлены преимущества и недостатки, а также особенности влияния аутсорсинга на трудовые отношения между работниками и работодателями.*
Ключевые слова: *аутсорсинг, трудовые отношения, непрофильные задачи.*

Nadezhda Alekseevna Alekseyenko,
student of the M. M. Speransky Faculty of Law,
Institute of Law and National Security (ILNS),
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA)

The impact of outsourcing on labor relations in the Russian Federation: advantages and disadvantages

Abstract: *The article considers outsourcing as a form of labor organization, presents advantages and disadvantages, as well as features of the influence of outsourcing on labor relations between employees and employers.*
Keywords: *outsourcing, labor relations, non-core tasks.*

В настоящее время наблюдаются стремительные изменения, вызванные глобализацией, сопряженные с развитием международной торговли и внедрением новых технологий. Они приводят к переменам в организации управления трудом, например, в части изменения взаимодействия работодателей и работников в рамках новых организационных структур и договорных механизмов, а также выявляют, благодаря конкуренции, новые формы организации труда посредством совершенствования качества предлагаемых услуг.

Одной из таких форм является аутсорсинг. Применение аутсорсинга получило распространение в таких областях экономики, как: IT технологии, рекламная деятельность, юридические, транспортные, переводческие, клининговые услуги и т.д. Термин «аутсорсинг» (от англ. «outside resource using» — использование внешнего ресурса) — это привлечение специалистов извне для выполнения ряда непрофильных функций путем заключения соглашения. Другими словами, аутсорсинг — это передача одной компанией части бизнес-процессов для разработки другой.

Особенно актуален аутсорсинг для работодателей, так как он дает им возможность провести внутренние изменения путем внедрения новых гибких моделей организации труда на предприятии. Рассмотрим значение аутсорсинга в части трудовых отношений и его особенности, затрагивающие трудовую сферу.

На практике договор аутсорсинга и взаимоотношения между субъектами договора строятся следующим образом. При оказании аутсорсинговых услуг работники состоят в трудовых отношениях с организацией-исполнителем, и именно с ней заключают трудовые договоры по установленным правилам Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ) [1]. Работники не включаются в отношения между заказчиком и исполнителем, поскольку исполняют свою трудовую функцию, определенную в трудовом договоре, исходя из целей деятельности организации — аутсорсера, соответственно работник получает заработную плату у аутсорсера и подчиняется приказам и распоряжениям своего работодателя, но в то же время выполняет указания должностных лиц организации-заказчика, которые были оговорены в перечне услуг, оказываемых исполнителем.

Рассмотрим работу аутсорсинговой формы организации труда на примерах.

1. Юридический аутсорсинг востребован, когда большая компания не справляется с объёмом работы, существует «текучка» кадров, или компании вовсе не требуется штатный юрист. В таком случае, нанимая опытных юристов, основным работникам можно доверить работу с текущими делами, а квалифицированному работнику от организации-исполнителя — более сложные вопросы, требующие высокой квалификации.

Исполнитель предлагает грамотное правовое сопровождение фирмы, что позволяет сократить сроки выполнения работ, повысить конкурентоспособность и уменьшить общие операционные расходы заказчика. Компания, выбравшая аутсорсинг, сможет снизить затраты на рабочую силу: не требуется оплачивать отпуска, больничные, подавать взносы в фонды, которые составляют 43% сборов. Аутсорсинговая компания берет на себя полную ответственность за последствия сделок и судебных разбирательств, что подтверждается довольно крупной страховой суммой. Необходимо грамотно заключить с компанией договор на юридическое обслуживание, чтобы в любое время получать помощь в решении широкого спектра юридических проблем.

2. Многие работодатели задаются вопросом: нанимать бухгалтера в штат или воспользоваться услугами аутсорсинговой компании? Одним из преимуществ в выборе второго варианта можно отметить экономию времени и денежных средств на подбор квалифицированного бухгалтера. Так, в случае, если был оплачен доступ к базе бухгалтерских резюме, например, HeadHunter, произведены телефонные переговоры с соискателями для приглашения их на собеседование и, наконец, собеседования проведены, на них по статистике из 10 кандидатов придут 3 человека; помимо материальных и временных издержек работодатель не получает полной уверенности в компетенции бухгалтера, так как на собеседовании определить ее трудно. Благодаря компании-исполнителю можно также избежать обязанностей перед сотрудниками, обладающими иммунитетом от сокращения, например, беременными женщинами, если они являются штатными бухгалтерами. В целом работа бухгалтера аутсорсинговой компании основывается на передаче части непрофильных задач, но на практике он может выполнять все бухгалтерские функции, вплоть до банковских платежей и предоставления исходных документов партнерам по контракту (необходимо иметь доверенность на право подписи).

На основе сказанного выделим преимущества и недостатки влияния аутсорсинга как процесса передачи отдельных задач, подразделов или бизнес-процессов третьей стороне на трудовые отношения в РФ.

Рассмотрим преимущества и недостатки аутсорсинга вначале для работодателя (заказчика), а затем и для работника (исполнителя):

— наем работников без зачисления их в штат организации — на заказчика не ложится бремя, обязательно предусмотренное по трудовому договору (оформление отпусков, больничных, премий, взносов в ПФР, ФОМС и т. д.);

— отсутствие юридической ответственности за нанятого специалиста;

— возможность компании избежать расходов, связанных с накладными, оборудованием и технологиями;

— предоставление команды на определенное время — гарантия безотказной работы (быстрое замещение одного специалиста на другого в связи с болезнью или отпуском);

— сокращение материальных издержек по заработной плате, сокращение рабочего пространства и получение качественно выполненной работы;

— отсутствие необходимости переобучения и повышения квалификации персонала в штате компании;

— возможность полной фокусировки на профильных задачах компании, что в перспективе максимизирует прибыль.

Сотрудникам работа в аутсорсинговой компании помогает развиваться и повышать свою квалификацию, так как постоянная смена места работы требует знаний разного уровня и подготовки. Умение успешно войти в новый рабочий процесс и вывести компанию на более высокий уровень даёт возможность повысить свою значимость как сотрудника аутсорсинговой компании и увеличить свой заработок.

Несмотря на всю привлекательность, аусторсинг несет в себе ряд недостатков как для работодателя, так и для работников аутсорсинговой компании. Рассмотрим их более подробно в первую очередь для работодателя:

— снижение производительности труда сотрудников и как следствие утрата мотивации при выполнении поставленных задач или негативной оценки преобразований в структуре компании (необходимо принять меры, чтобы аутсорсинг не оказывал негативного влияния на корпоративную культуру);

— потеря контроля над конфиденциальной информацией и как итог — угроза безопасности деловой репутации компании (при составлении договора требуется указать пункт об ответственности компании-исполнителя за действия каждого своего работника);

— банкротство компании-аутсорсера (возникновение излишних материальных и временных затрат на подбор новой компании и составление новых контрактов);

— компания-заказчик не контролирует сотрудников аутсорсинга — это может существенно сказаться на качестве выполнения услуги.

У работников аутсорсера также существуют скрытые проблемы. Раскроем их на примере работников клининговой компании аутсорсинга. На практике существует немало примеров, когда сотрудников принимают на работу в аутсорсинговую компанию без заключения трудового договора, что заведомо противоречит ст. 37 п. 5 Конституции Российской Федерации [2] в части охраны труда и гарантий по оплате, получаемой при нелегальном трудоустройстве. При этом их заработная плата, как правило, является ниже среднерыночной, а иногда и вообще не выплачивается. Кроме того, работник лишается стажа, заработанной пенсии и других социальных гарантий.

Таким образом, имея в виду ряд недостатков, следует отметить, что аутсорсинг представляет собой эффективную стратегию снижения расходов и предоставляет бизнесу конкурентное преимущество при выборе опытной и хорошо зарекомендовавшей себя на рынке труда аутсорсинговой компании.

Данная форма трудовых отношений на сегодняшнем рынке труда в Российской Федерации ежегодно повышается, и к 2019 году достигла 14%.

В связи полным локдауном у большинства предприятий весной 2020 года на фоне COVID и возникшими в связи с этим экономическими трудностями появилась дополнительная потребность в аутсорсинге, в его новой форме — онлайн найме и дальнейшей дистанционной работе. Данная тенденция имеет перспективы развития в нашей стране, предоставляя рабочие места соискателям по всей России.

На основе всего вышесказанного обозначим востребованность аутсорсинга и в целом положительное влияние на трудовые отношения работодателя и работника. Аутсорсинг помогает снизить разногласия, накопившиеся в системе трудовых отношений, путем делегирования части непрофильных задач, таким образом увеличив результативность труда.

Источники
1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Российская газета. — 2001. 31 декабря.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Белоногова Валерия Константиновна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

К вопросу о недостаточности правовой регламентации ятрогенных преступлений

Аннотация: *В статье рассматривается проблематика врачебных преступлений и проблемы, связанные с реализацией прав человека на здоровье, надлежащее оказание медицинской помощи. Рассматривается общественная опасность преступлений, предлагаются пути решения, ставится вопрос о необходимости дальнейших разработок в сфере врачебных преступлений.*

Ключевые слова: *врачебные преступления, общественная опасность, право на надлежащее оказание медицинской помощи, уголовная ответственность.*

Valeria Konstantinovna Belonogova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

On the issue of insufficient legal regulation of iatrogenic crimes

Abstract: *The article examines the problem of medical crimes and the problems associated with the realization of human rights to health, proper provision of medical care. The social danger of crimes is considered, solutions are proposed, the question of the need for further developments in the field of medical crimes is raised.*

Keywords: *medical crimes, social danger, the right to proper medical care, criminal liability.*

Каждый второй из нас становился либо свидетелем, либо участником событий, при которых медицинский работник должным образом не исполняет свои обязанности. По статистике, количество жертв от некачественно оказанной медицинской помощи постоянно растет [1].

Согласно данным, которые озвучил Председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее СК РФ) Александр Бастрыкин на VII съезде Национальной медицинской палаты: «В 2017 году возбуждено 1791 уголовное дело, в 2018 году возбуждено 2229 дел, в первом полугодии 2019 года возбуждено 1227 дел» [1].

Следовательно, проблема оказания качественной медицинской помощи, правовая оценка нарушений в этой сфере приобретают все большую актуальность.

Напомним, что не менее актуальными остаются вопросы соотношения терминов ятрогений и врачебных ошибок. Резонно будет выделить понятия, которые отличают два этих института друг от друга. И.В. Давыдовским врачебная ошибка раскрывается как следствие добросовестного заблуждения врача при выполнении им профессиональных обязанностей. Главное отличие ошибки от других дефектов врачебной деятельности — исключение умышленных преступных действий: небрежности, халатности, а также невежества [2].

Таким образом, сам по себе термин врачебной ошибки исключает уголовную ответственность, так как носит характер добровольного заблуждения лица без признаков состава преступления.

Касательно термина, определяющего врачебную ошибку, остановимся на позиции А.В. Сучкова, который рассматривал ее как «нарушение медицинским работником, выполняющим свои профессиональные обязанности, правил, требований, инструкций, методик диагностирования, лечения и профилактики конкретных заболеваний, повлекшее по неосторожности причинение потерпевшему (потерпевшим) тяжкий вред здоровью или смерть» [3].

Точка зрения А.В. Сучкова представляется нам наиболее объективной в связи с тем, что данное определение учитывает частные случаи заблуждения врача, связанные с недостаточностью его квалификации, опыта, в общей сложности те деяния, в которых есть признаки неосторожной формы вины, исключая при этом элементы халатности, невнимательности или медицинского невежества. Таким образом, высказанное А.В. Сучковым определение, касающееся врачебных ошибок, расширяет сферу ошибок медиков как бы разделяя их на две группы. Первые из них — это ненаказуемые добросовестные заблуждения, которые не содержат в себе признаков состава пре-

ступления. Вторую группу образуют добросовестные заблуждения, содержащие признаки неосторожной формы вины, за которые врачи могут быть привлечены к ответственности.

Изложенные доктринальные точки зрения по поводу сущности определений помогли сделать вывод, касающийся соотношения ятрогений и врачебной ошибки, а именно, что ятрогенные преступления — общественно опасные деяния, которые и составляют врачебную ошибку, только в той ее части, которая не является добросовестным заблуждением.

Также в ходе предварительного анализа зарубежного законодательства мы обратились к нормам, регламентирующим ответственность за врачебные преступления, а также разобрали некоторые зарубежные институты, которые могли бы быть прототипом и служить вектором развития для аналогичных институтов нашей страны.

Рассматривая сущность общественной опасности и ее наличие в деяниях, признаваемых врачебными преступлениями, мы пришли к выводу, что она есть и заключается в том, что врачебные преступления посягают на нормальное функционирование системы здравоохранения в сфере качественного оказания медицинской помощи, а, следовательно, на жизнь и здоровье граждан.

Возникает вопрос — в чем проблема, которая существует в действующем законодательстве страны? На наш взгляд, проблема заключается в недостатке правовой регламентации, а именно недостатке нужных составов, которые могли бы быть закреплены в действующем Уголовном кодексе РФ.

В нынешнем 2020 г. эта тема является особенно актуальной. На фоне эпидемиологической ситуации участились случаи проявления врачебной халатности, врачебной небрежности, некачественного оказания медицинской помощи. Так, российские больницы ограничили лечение пациентов не с коронавирусной инфекцией в дневных стационарах, от чего могут пострадать, по меньшей мере, несколько тысяч человек [4]. А те, кто все-таки добился оказания хоть какой-то помощи, жалуются на небрежность в отношении помощи пациентам с лечением хронических болезней.

Следовательно, логичен вывод о том, что, определив, что такое врачебные преступления, рассмотрев аналогичные зарубежные ин-

ституты, а также убедившись в наличии признака общественной опасности, можно подытожить сказанное и выбрать те меры и предложения, которые уже можно реализовывать:

1) закрепление законодательного определения терминов «врачебные преступления», «ятрогения», «врачебные ошибки», то есть разработка и внедрение бланкетной основы, которая будет определять необходимые понятия;

2) разработка стандартов оказания медицинских услуг и стандартов оказания медицинской помощи для того, чтобы обезопасить пациента от неправомерных врачебных действий и дальнейших последствий; а также врача — от неправомерных требований со стороны пациента и правоохранительных органов соответственно;

3) внесение в Уголовный кодекс РФ новых статей, регламентирующих ответственность за врачебные преступления, если это является необходимым и целесообразным. Но не стоит реформировать УК РФ, если к тому моменту будет отсутствовать бланкетная основа, которая будет разъяснять и отграничивать правомерные действия врача от неправомерных. Ведь на кону чья-то свобода, ответственность, доброе имя. В то же время отметим справедливость высказывания председателя «Национальной медицинской палаты» Леонида Рошаля о том, что инициатива СК РФ о введении новых статей вовсе не направлена на ужесточение наказаний медицинских работников, а лишь позволит лучше защищать права врачей и пациентов. При должной законодательной регламентации, разумеется;

4) ведение официальной статистики, что позволит отследить необходимость внедрения новых статей, а также в случае внедрения конкретных статей, регулировать санкции в сторону их ужесточения или смягчения. Кроме того, ведение официальной статистики поможет и с научной точки зрения. Например, полезным будет с учетом статистики принимать меры по предупреждению и профилактике подобных преступлений;

5) совместный контроль за такими делами не только со стороны Следственного Комитета РФ, но и с привлечением, например, «Национальной медицинской палаты», пока не будет разработана специальная методика для расследования подобных преступлений.

Необходимо понимать, что вопросы реализации и внедрения подобных мер являются необходимостью уже в настоящее время. Сфера

здравоохранения и медицины — важная качественная составляющая существования человека в правовом государстве.

Подобные меры необходимы для обеспечения прав граждан на охрану здоровья и качественную медицинскую помощь, а, в общем, на обеспечение безопасности граждан Российской Федерации в сфере здравоохранения.

Литература

1. *Бастрыкин А.И.* Доклад на тему «Взаимодействие Следственного Комитета РФ и НМП» — Текст: электронный. — URL: https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=29305.
2. *Давыдовский И.В.* Врачебные ошибки // Советская медицина. — 1941. — № 3. — С. 12–15.
3. *Сучков А.В.* Анализ дефиниций понятий «врачебная ошибка», «ятрогения», «дефект оказания медицинской помощи» как цель установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками // Вятский медицинский вестник. — 2010. — № 2. — С. 70–78.
4. *Мануйлова А.* Посторонние болезни нарушают карантин — Текст: электронный // Коммерсантъ. — 2020. — №73. 22 апреля. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/4327842?from=main_2.

Бирюлин Дмитрий Александрович,
аспирант Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Теория «реляционного договора» в корпоративном праве

Аннотация: *Темой статьи является применение теории «реляционного договора» в сфере корпоративного права. Реляционный договор — это соглашение сторон действовать максимально добросовестно, заботясь об ожиданиях другой стороны. Автор демонстрирует примеры иностранного применения этой теории, а также предлагает использовать эту теорию в российском корпоративном праве, чтобы предотвратить убытки пострадавшего участника общества, возникшие из-за оппортунистического поведения другого участника.*

Ключевые слова: *реляционный договор; корпоративное право; фидуциарные обязанности; корпоративное отношение.*

Dmitry A. Birulin,
postgraduate student of the M.M. Speransky Faculty of Law,
ILNS of RANEPA

Theory of «relational contract» in the field of corporate law

Abstract: *The topic of this article is the application of the theory of «relational contract» in the field of corporate law. A relational contract is an agreement between the parties to act in the best possible effort (utmost good), taking care of the expectations of the other party. The author demonstrates examples of foreign application of this theory, and he also suggests using this theory in Russian corporate law in order to prevent losses of an injured participant of the company that arose due to the opportunistic behavior of another participant.*

Keyword: *relational contract; corporate law; fiduciary duties; corporate relationship.*

«Давши слово, держись; а не давши, крепись!
Вы купец, вы должны понимать, что значит слово».

М.П. Кнуров,
герой пьесы А.Н. Островского «Бесприданница»

Когда в ходе пьесы купец Кнуров, герой пьесы А.Н. Островского, произносит слова из эпиграфа, он особо обращает внимание на статус своего адресата — купец, предприниматель. В предпринимательских отношениях доверие участников друг к другу — не просто вопрос этики, но и фактор надежности инвестиций.

Это применимо и к отношениям участников хозяйственного общества. Характер отношений между участниками влияет на успешность деятельности российских компаний в условиях преимущественно концентрированной модели структуры капитала в российских корпорациях.

Российский закон не устанавливает обязанность действовать добросовестно в отношениях между участниками. Участник хозяйственного общества должен действовать добросовестно только в отношении самой корпорации (ст. 65.2 ГК РФ). Только он обладает субъективным правом выбирать модель своего поведения при управлении компанией. Однако выбор такой модели тесно связан с обязанностью действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Как и любое право, право на выбор модели поведения в корпорации имеет свои пределы — границы по реализации возможностей, составляющих содержание прав.

В науке корпоративного права существуют различные взгляды на наличие таких обязанностей у участников по отношению друг к другу. Одна группа ученых (Т.С. Бойко [1], Д.И. Степанов [2], О.В. Гутников [3]) указывает, что контролирующий участник имеет фидуциарные обязанности по отношению к миноритарным участникам. Противоположное мнение представлено в работах С.А. Синицына [4], Д.В. Ломакина [5].

Такое противоречие отражено и в судебной практике по вопросу признания недействительным решения собрания, ущемляющего права конкретного участника.

В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 21 февраля 2014 г. № 3-П была изложена позиция о допустимости уменьшения доли одного из участников в уставном капитале общества, если это вызвано целями интереса общества [6].

В 2019 г. Верховный Суд Российской Федерации, обобщив практику нижестоящих судов, указал, что решение общего собрания участников (акционеров) может быть признано недействительным, если решение принято в ущерб интересам общества и (или) участника (акционера), а участник (акционер), повлиявший на принятие решения, действовал исходя из собственной выгоды или имеются иные доказательства его недобросовестности или неразумности [7].

Следовательно, с 2019 г. Верховный Суд РФ допустил альтернативное условие в гипотезе статьи 43 Закона об ООО для признания решения собрания участников недействительным: вредоносность решения либо для общества, либо для участника.

Ориентир для первого условия был определен в пункте 109 Постановления Пленума ВС РФ № 25. К неблагоприятным последствиям относятся возникновение убытков, ограничение субъективных прав на получение выгоды за счет участия и прав на управление и контроль за деятельностью гражданского-правового сообщества.

Ориентир для второго условия можно обнаружить в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее — Постановление Пленума ВАС РФ № 62). В частности, в постановлении разъяснено, что неразумность такого лица считается доказанной, если до принятия решения он не предпринял мер для получения необходимой и достаточной информа-

ции (п. 3). При оценке достаточности информации следует ориентироваться на стандарт осмотрительности, принятый в обороте («как если бы действовал любой разумный участник (акционер) при данных обстоятельствах»).

Возможно, Верховный Суд РФ устанавливает повышенные стандарты доказывания для участника в условиях извлечения выгоды. По общему правилу недобросовестность контролирующего лица должен доказать истец, и суд не должен изучать экономические последствия сделки (стандарт «business judgement rule»). Однако при убыточности сделки для корпорации и выгодности сделки для контролирующего лица на последнего переходит бремя доказывания своей добросовестности (стандарт «entire fairness»).

С другой стороны, было бы ошибочно забыть, что общее правило должно оставаться прежним: интересы общества превалируют над интересом конкретного участника [8].

В ситуации такой неопределенности возрастает влияние корпоративного договора как альтернативного инструмента регулирования отношений между участниками. Возможность заключения соглашения законодательно закреплена в ст. 67.2 ГК РФ. Подробный анализ природы корпоративного договора, его условий изложен в работах А.А. Маковской [9], В.Г. Крылова [10], В.П. Камышанского [11, с. 39].

Предметом договора может быть обязанность осуществления корпоративных прав определенным образом или воздержание (отказ) от их осуществления (п. 1 ст. 67.2 ГК РФ). В развитие законодательства в судебной практике отражена позиция, что при заключении договора участники хозяйственного общества добровольно ограничивают объем принадлежащих им корпоративных прав, принимая на себя обязательства *по использованию прав с учетом интересов других участников договора* (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2019 г. по делу № А40-266761/2018). Это также соотносится с положениями ст. 307 ГК РФ, предусматривающей, что стороны при исполнении обязательства обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга.

Однако само по себе заключение корпоративного договора не означает, что участники общества согласились действовать, максимально учитывая взаимные интересы. По общему правилу стороны

свободны в преследовании своих интересов и не обязаны действовать лояльно по отношению к другой стороне (ст. 1 ГК РФ, ст. 421 ГК РФ).

Как предусмотреть такое обязательство «сверхдобросовестности»? Ответом может стать теория «реляционного договора» (relational contract), разработанная в зарубежной науке Я. Макнейлом [12] и Х. Коллинзом [13]. Среди российских учёных проблема реляционного договора входит в сферу научных изысканий А.Е. Кирпичева [14].

Реляционный договор — это договор, который характеризуется доверительным характером взаимных отношений (ожиданием лояльности); долгосрочностью, высокой степенью коммуникации, большим объемом финансирования.

Заключение реляционного соглашения означает, что его стороны приняли на себя обязанность придерживаться духа контракта и постоянно действовать, учитывая ожидания другой стороны. С процессуальной точки зрения, заключение такого соглашения трансформирует вопрос добросовестного осуществления прав и обязанностей по договору из вопроса факта в вопрос права. Чтобы определить является ли тот или иной договор реляционным, суды применяют тест «разумного читателя»: в договоре должно быть явное намерение на подобный характер отношений (условия, свидетельствующие о наличии признаков реляционного договора).

Признаки реляционного договора выработаны в зарубежной судебной практике в делах Morley v The Royal Bank of Scotland plc [2020] EWHC 88 (Ch) и Bates v Post Office [2019] EWHC 606 (QB) [15].

К таким признакам можно отнести следующее: 1) ожидание лояльности от другой стороны; 2) эксклюзивность отношений либо существенность инвестиций; 3) долгосрочный характер отношений; 4) высокая степень коммуникации между сторонами.

В 2019 г. вопрос применении теории «реляционного договора» в корпоративном отношении возникал в двух спорах: UTB LLC v Sheffield United Limited; Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Shakhboot Al Nehayan v Ioannis Kent [16].

В деле UTB LLC v Sheffield United Limited ответчик (Sheffield United Limited) во встречном иске требовал признать недействительным договор с UTB LLC из-за нарушения истцом обязанности действовать с учетом разумного ожидания ответчика. Суд не согла-

сился с доводами ответчика о наличии в соглашении подразумеваемой обязанности действовать добросовестно и удовлетворил иск о взыскании убытков.

В другом деле (Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Shakhboot Al Nehayan v Ioannis Kent) суд пришел к выводу, что в соглашении между инвесторами имелась подразумеваемая обязанность действовать добросовестно в координации с иными участниками. В результате суд отказал обоим участникам в удовлетворении их исков друг к другу, поскольку каждый действовал оппортунистически по отношению к другой стороне.

Таким образом, теория «реляционного договора» находит свое применение не только в сфере гражданского права, но и в сфере корпоративного права при рассмотрении вопросов, связанных с отношениями между участниками.

В чём состоит практическая ценность этой концепции? В первую очередь, применение приведенного подхода позволит предотвратить негативные последствия для пострадавших участников хозяйственного общества, если затруднительно доказать причинение вреда самой корпорации (ведение переговоров о продаже своей доли без информирования других участников; принятие решения собрания с выгодой для мажоритарного участника и с вредом для миноритария). Также можно поставить более спорные вопросы, при которых интерес одного участника, заключающийся в возврате своих инвестиций от компании, выходит далеко за пределы отношений между другим участником и корпорацией (например, обязанность участника непубличного общества сообщить о своём заболевании или о наличии репутационных рисков, связанных с личностью такого участника).

Разумеется, было бы ошибкой рассматривать рецепцию указанной иностранной теории без учёта традиций и особенностей российского права, проделавшего за последние годы колоссальный путь в сторону защиты добросовестных инвесторов. В то же время трудно отрицать, что применение теории «реляционного договора» может содействовать установлению более высокого стандарта добросовестного поведения для участника хозяйственного общества. Это позволит другим участникам корпоративного договора получить больше гарантий соблюдения их прав и обеспечить надежность вложенных инвестиций.

Литература

1. *Бойко Т.С.* Ответственность участника хозяйственного общества перед другим участником // Закон. — 2017. — № 3. — С. 116–136.
2. *Степанов Д.И.* Ответственность акционера перед акционером: возможна ли постановка такой проблемы? // Корпоративный юрист. — 2008. — № 11. — С. 8–22.
3. *Гутников О.В.* Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. — М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. — 488 с.
4. *Синицын С.А.* Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. — 2019. — № 10. — С. 54–68.
5. *Ломакин Д.В.* Фидуциарные обязанности участников корпоративных отношений: за и против // Гражданское право. — 2019. — № 4. — С. 3–8.
6. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 19 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Фирма Рейтинг»: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2014 г. № 3-П // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 9, ст. 951. 03 марта.
7. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах от 25 декабря 2019 г. Пп. 12, 13: Опубликовано на сайте ВС РФ. — Текст: электронный. — URL: http://www.supcourt.ru/documents/thematics/28639/ (дата обращения: 22.03.2020).
8. *Евецкий А.А.* О юридических лицах. — Киев: Тип. аренд. Д. Повальским, 1903. — С. 53.
9. *Маковская А.А.* Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // Вестник гражданского права. — 2019. — № 5. — С.79–109.
10. *Крылов В.Г.* Перспективы развития корпоративного договора в России // Гражданское право. — 2018. — № 6. — С. 14–17.
11. *Камышанский В.П.* Корпоративный договор и договор об осуществлении прав участников общества: некоторые проблемы соотношения // Журнал российского права. — 2016. — № 1. — С. 38–41.
12. *Macneil I.* Contract: Adjustment of Long-term Economic Relations under Classical, Neoclassical, and Relational Contract Law // Northwestern University Law Review. — 1978. — № 72.
13. *Collins H.* Regulating Contracts. — Oxford, 2002.
14. *Кирпичев А.Е.* Неклассические теории договора (договор-обещание, дискретные, реляционные и сетевые договоры) в контексте новой редакции ГК России // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — №2. — С.51–58.
15. Alan Bates v Post Office Limited [2019] EWHC 606 (QB), 2019 WL 01228001.
16. UTB LLC v Sheffield United Limited [2019] EWHC 2322 (Ch): Sheikh Tahnoon Bin Saeed Bin Shakhboot Al Nehayan v Ioannis Kent (aka John Kent) [2018] EWHC 333 (Comm), 2018.

Гатауллина Рината Рафаэлевна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Пределы правового регулирования цифровой трансформации

Аннотация: *В статье рассмотрены понятие процесса цифровизации, тренды развития, а также угрозы, связанные с его внедрением в сферы публичного управления. Автором проанализировано правовое регулирование цифровизации, существующее в России и в мировом сообществе, а также предложены составляющие, которые должна включать правовая регламентация цифровой трансформации.*

Ключевые слова: *процесс цифровизации, правовое регулирование, Большие данные, интернет вещей, цифровые технологии.*

Rinata Rafaelevna Gataullina,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Limits of legal regulation of digital transfprmation

Abstract: *In article was researched definition of digital process, trend of its development and threats associated with integration into public administration. Author had been analyzing actual legal regulation both in Russia and in the world community. Also author offered his element which need to include legal regulation of digital transformation.*

Keywords: *digital process, legal regulation, Big Data, internet of things, digital technology.*

Информационные технологии внедряются в нашу жизнь стремительными темпами. Уже ни одна сфера общественной жизни не осталась без их влияния. Задача общества и государства приспособиться к «новой реальности», создать такие рычаги управления, которые позволят интегрироваться в повседневную жизнь качественно новым регуляторам не только без ущерба правам и свободам человека, но и с целью максимально полной их реализации.

Предлагаем рассматривать понятия «цифровая трансформация» и «цифровизация» как синонимичные. Поскольку сами цифровые технологии выходят далеко за пределы привычной реальности, дать определение понятию «цифровизация» достаточно трудно. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) понимает под процессом цифровизации «социально-экономическую трансформацию,

инициированную массовым внедрением и усвоением цифровых технологий, т.е. технологий создания, обработки, обмена и передачи информации» [1]. Цифровизация — главный тренд развития экономики и общества, который связан с переходом к цифровому формату предоставления информации и направлен на повышение экономических показателей и улучшение качества жизни населения. Еще одним трендом развития процесса цифровизации является «цифровой разрыв», о котором упоминается в докладе Конференции ООН по торговле и развитию «Кризис COVID-19». Связано это в первую очередь с разрывом в технологических возможностях стран, однако унифицированная международная правовая база смогла бы стать мощным толчком к преодолению цифрового разрыва.

Однако данный процесс вызывает ряд проблем правового характера, связанных с правоприменительной практикой, коллизионностью норм, пробелами в законодательстве. В настоящее время тенденция развития цифровых технологий такова — темпы развития процесса цифровизации опережают правовое регулирование. А. Козырев подтверждает данное утверждение и отмечает: «новые технологии настолько сильно меняют устоявшиеся правоотношения, что теперь мы начинаем идти не от правоотношений, а от технологий» [2]. Перед мировым сообществом стоит задача установить границы, в рамках которых будет осуществляться правовое регулирование общественных отношений в сфере цифровизации. Поскольку внедрение цифровых технологий происходит главным образом в сфере публичного управления — государственного управления, судопроизводства — остро встает проблема соблюдения прав граждан, а также безопасности общества и государства. Для предотвращения потенциальных рисков необходима соответствующая нормативно-правовая база, которая должна, с одной стороны, защитить общество и государство от преступных посягательств в связи с уязвимостью информации, а с другой — не тормозить быстро развивающиеся процессы цифровизации. С этой целью следует установить пределы правового вмешательства в эти процессы.

Правовая регламентация цифровизации в Российской Федерации началась с принятия национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3], предусматривающая реализацию шести федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой

среды»; «Информационная инфраструктура»; «Кадры для цифровой экономики»; «Информационная безопасность»; «Цифровые технологии»; «Цифровое государственное управление». Основополагающей целью программы является повышение качества жизни граждан. Стоит отметить, что повышение качества жизни, несомненно, сопряжено с полнотой реализации прав граждан в рамках правоприменительной практики, усовершенствованием судебного процесса в сторону максимально справедливого и объективного судебного решения. Но процесс цифровизации порождает проблему уязвимости информации при ее обработке, хранении и передаче, что посягает на конституционное право неприкосновенности частной жизни. С целью минимизации существующих рисков государство приняло ряд мер, направленных на обеспечение безопасности персональных данных; определение правил доступа и обработки общедоступных данных; защиту сведений, составляющих банковскую тайну, тайну связи, врачебную тайну, коммерческую и др., в результате чего были приняты соответствующие законы и подзаконные акты.

Прогрессивным является правовое закрепление дефиниций новейших объектов правоотношений, природа которых, несомненно, вызывает множество вопросов. «Интернет вещей» — концепция вычислительной сети, соединяющей вещи (физические предметы), оснащенные встроенными информационными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой без участия человека; «облачные вычисления»; «информационное пространство»; «обработка больших объемов данных» и др. Все это регламентируется Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [4].

Однако законодательство нашей страны не дает точного определения понятия «Большие данные» (Big Data), есть лишь определение «обработки больших объемов данных», и оно регулируется понятием персональных данных [5]. Персональные данные — это лишь малая часть массива Больших данных, в который входят и обезличенные данные в виде той же статистики, поэтому Большие данные в силу их особой природы и ценности нуждаются в собственном, особом правовом регулировании. Существующее локальное закрепление особенностей пользования персональными данными оставляет в тени многие другие процессы, происходящие в цифровом пространстве.

На территории Евросоюза с 25 мая 2018 г. действует Общеевропейский регламент о защите персональных данных или General Data Protection Regulation (GDPR), однако государства Евросоюза не имеют единого подхода к понятию Больших данных. В Политике Европейской комиссии, посвященной Большим данным, закреплено их определение в качестве «больших массивов информации, источником которой являются различные каналы с высокой скоростью передачи. При этом данные могут быть как созданы людьми, так и сгенерированы компьютерами» [5].

Также обратим внимание, что в США (стране с высоким уровнем развития цифровых технологий) отсутствует комплексное правовое регулирование Больших данных и персональных данных. Федеральное правительство оставляет это на усмотрение штатов.

В Российской Федерации в рамках проекта «Цифровое государственное управление» была принята программа «Цифровое правительство», которая заключается в информатизации государственного управления. В будущем в государственное управление возможно будут внедрены цифровые технологии в виде блокчейн алгоритмов. Оказание государственных услуг с использованием цифровых технологий позволяет снизить нагрузку на государственные органы и структуры, что приводит к более качественному, оперативному осуществлению государственных услуг, служит объективации данного процесса и снижению уровня коррупционных правонарушений и как следствие — полной и беспрепятственной реализации гражданами своих прав и законных интересов. В.Д. Зорькин подтверждает вышесказанное: «цифровые технологии могут существенно повысить качество правоприменения в органах исполнительной власти» [6]. Следовательно, правовое регулирование в отношении этих процессов должно содержать точное описание процессов оказания услуг, сроки их исполнения, ответственных должностных лиц, их ответственность за ненадлежащее или несвоевременное оказание государственных услуг и др.

Внедрение цифровых технологий в процесс судопроизводства одновременно является и прогрессивным, и противоречивым; внедрение «электронного правосудия» и «электронного документооборота» вызывает неоднозначные мнения ученых и практикующих юристов. Так, например, А. Пашенцев считает: «в новых условиях

цифровые технологии смогут повысить качество и скорость совершения процессуальных действий, будут способствовать более эффективной работе отечественной судебной системы» [7]. Поддерживаем данную точку зрения и видим в этом свои плюсы: благодаря делегированию искусственному интеллекту таких обязанностей судьи, которые не требуют судейского усмотрения, будет обеспечено право граждан на разумный срок судопроизводства, наиболее полная реализации процессуальных прав, открытость судебного процесса. Поскольку речь идет о защите нарушенных прав и свобод, необходимо установить границы правового регулирования такого механизма. Целесообразно унифицировать правила подачи исковых заявлений, жалоб, ходатайств в электронной форме; регламентировать гарантии участников дистанционного судебного процесса; способы распознавания его участников; привести процессуальные нормы в соответствие с новой формой процесса.

В отношении процесса цифровой трансформации интересным представляется опыт Казахстана. В 2017 году в уголовно-процессуальный кодекс Казахстана были внесены изменения, которые позволили установить правовые пределы цифровизации в рамках уголовного судопроизводства и максимально регламентировать процессуальные действия. Кроме этого, в Казахстане функционирует информационная система «Единый реестр досудебных расследований», которая имеет функцию «SMS-оповещение» участников уголовного процесса с возможностью получать ими доступ к материалам уголовного дела в электронном виде, а также подавать жалобы и ходатайства [8]. Примечательным является возможность в рамках программы «Цифровое правительство» взаимодействия граждан с правительством в форме видеоконференцсвязи. Таким образом, цифровые технологии при грамотном внедрении и выборе рычагов регулирования, в том числе правовых, служат развитию диалога между публичной властью и обществом, наиболее полному обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан. Это позволяет говорить о том, что граждане и есть государство, и именно они оказывают существенное влияние на процессы государственного управления.

На данном этапе развития еще не принято унифицированного законодательства, не разработаны единые подходы к важнейшим поня-

тиям таким, как Большие данные, процессам, происходящим в поле цифрового пространства. На примере опыта Российской Федерации и зарубежных стран видно, что каждое государство идет по своему собственному пути. На международном уровне были приняты лишь основные принципы, цели и направления развития цифровых технологий, например, главами государств и правительств «Группы восьми» Окинавской хартии Глобального информационного общества 22 июля 2000 г., а затем в 2003 г. Женевской декларации принципов «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии». Однако они не соответствуют современным требованиям, правовая база не справляется с решением многих задач: вопросами цифровой идентификации и аутентификации, цифрового экономического оборота, банковского регулирования, защиты прав лиц в связи с использованием цифровых технологий, обеспечения информационной безопасности и др.

Важно помнить, что успешное внедрение цифровизации возможно лишь при сбалансированном соотношении норм права и других социальных регуляторов. При выборе таких регуляторов нужно учитывать то, что процесс цифровизации создает угрозу в первую очередь безопасности государства и правам граждан, поэтому подлежит полной правовой регламентации, детального описания всех процессов для того, чтобы предотвратить любую правовую неопределенность.

Таким образом, остро назрела необходимость разработки качественно новой правовой среды, которая будет способствовать прогрессивному развитию цифровых технологий и исходить из общепринятого международного законодательства.

Правовое регулирование цифровой трансформации должно включать следующее: формирование понятийного аппарата и «цифровых» регулятивных принципов; регламентацию статуса участников цифровых экономических отношений; особенности объектов; правовой инструментарий; развитие административно-управленческих процессов; формирование необходимой нормативно-правовой базы и национальных стандартов процесса цифровизации.

Литература

1. The Transformative Economic Impact of Digital Technology — Текст: электронный. — URL: http://unctad.org/meetings/en/Presentation/ ecn162015p09_Katz_en.pdf.
2. Козырев доложил в Совете Федерации о создании нормативно-правовой базы для цифровой экономики. — Текст: электронный. — URL: https://digital.gov/ru/ru/events/37679/ (дата обращения: 9.07.2019).
3. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7). — Текст: электронный. — URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_328854/
4. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 — 2030 годы: Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/
5. *Соснин К.А.* Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт // Журнал Суда по интеллектуальным правам. — 2019. — № 25. С. 30–42.
6. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. — 2018. 29 мая.
7. *Пашенцев Д.А.* Основные направления влияния цифровых технологий на развитие права // Право и образование. — 2019. — № 7. — С. 4–9.
8. *Задорожная В.А.* Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. — 2018. № 4(19). — С. 70–75.

Грибанова Анна Сергеевна,
студент факультета Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Профилактика коррупции как способ обеспечения национальной безопасности РФ

Аннотация: *Коррупционные правонарушения являются причиной не только больших экономических потерь, но и наносят непоправимый ущерб общественным интересам и национальной безопасности Российской Федерации. Существует множество антикоррупционных мер, однако особое внимание следовало бы обратить на профилактику коррупции. Этот механизм является наиболее эффективным способом противодействия коррупции, т.к. превентивные антикоррупционные мероприятия способствуют снижению количества коррупционных правонарушений и предотвращают ущерб, причиняемый коррупционными действиями.*

Ключевые слова: *коррупция, антикоррупционные меры, национальная безопасность, профилактика коррупции, противодействие коррупции.*

Anna Sergeevna Gribanova,
student of the Faculty of the Higher School of State Audit,
Lomonosov Moscow State University

Corruption prevention as an instrument of national security of Russian Federation provision

Abstract: *Violation of anti-corruption law causes economic losses and undermines public and even national security of the Russian Federation. The most important arrangements from among the anti-corruption measures are corruption prevention efforts. This mechanism is the most effective corruption countermeasure as it decreases the number of corruption offences and prevents damages, caused by corruption activity.*

Keywords: *corruption, anti-corruption measures, national security, corruption prevention, corruption countermeasures.*

Коррупция — это масштабная проблема, представляющая угрозу обществу и государству. Распространение коррупционных проявлений ведет к значительным экономическим потерям, наносит непоправимый урон публичным интересам, а также представляет серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации. Несмотря на активную деятельность по противодействию коррупции, проводимую в нашей стране, коррупционные правонарушения все еще широко распространены, а ущерб от такой деятельности весьма значительный. Это обусловлено тем, что коррупция постоянно видоизменяется, адаптируется к законодательным нововведениям, пытаясь придать своим проявлениям легальный вид. Актуальность темы исследования обусловлена распространенностью такого явления как коррупция, ее проникновением в структуры государственной власти и частный сектор экономики, а также отрицательным влиянием, которое коррупционные проявления оказывает на развитие государства и общества в целом.

В Указе Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» коррупция названа одной из основных угроз государственной и общественной безопасности, а также указана в качестве препятствия устойчивому развитию Российской Федерации и реализации стратегических национальных приоритетов [1].

По данным Генеральной прокуратуры размер материального ущерба, причиненного преступлениями коррупционной направ-

ленности, в 2019 г. составил 105 891 306 тыс. руб., в 2020 г. — 45 354 464 тыс. руб. [2]. Кроме того, работниками органов прокуратуры за период с января по сентябрь 2020 г. выявлено 187 774 нарушений положений законодательства о противодействии коррупции [3].

Механизм противодействия коррупции может реализовываться в разных формах и направлениях. Общепринятый подход состоит из трех частей: профилактики коррупции, борьбы с преступлениями коррупционной направленности и ликвидации последствий совершения коррупционных действий. Тем не менее, необходимо обратить особое внимание, что как в теории, так и на практике именно профилактическим мерам уделяется большее внимание. Это связано с тем, что предупреждение фактов коррупции является наиболее эффективным методом противодействия, т.к. профилактика условий совершения коррупционных действий не только позволяет уменьшить количество фактов совершения противоправных деяний, но и предотвратить ущерб, который они причиняют.

Перечень мер по профилактике коррупции включает в себя мероприятия по формированию в обществе нетерпимости к коррупционному поведению; антикоррупционную экспертизу правовых актов и их проектов; предъявление квалификационных требований к гражданам, претендующим на замещение государственных или муниципальных должностей, занимающим соответствующие должности, а также проверку в установленном порядке сведений, представляемых указанными гражданами; развитие институтов общественного и парламентского контроля за соблюдением законодательства РФ о противодействии коррупции [4].

Важная мера по предупреждению коррупции — формирование антикоррупционного правосознания граждан. Его составными элементами являются антикоррупционная правовая идеология, отражающая взгляды и научные идеи о коррупции как негативном социальном явлении, и антикоррупционная психология, характеризующая реальное отношение населения к проявлениям коррупции [5]. Формирование антикоррупционного правосознания возможно благодаря повышению уровня правовой грамотности населения, открытости деятельности государственных органов, обеспечению эффективности действующего законодательства и пр. Кроме того, большой

потенциал кроется в антикоррупционной работе, проводимой институтами гражданского общества (общественными организациями, СМИ и т.д.). Однако, как отмечает ряд исследователей, все эти меры будут эффективны, только при параллельном проведении мероприятий экономического характера, направленных на повышение уровня благосостояния населения [6]. Принятие вышеперечисленных мер способствует большему вовлечению граждан в деятельность по профилактике коррупции, а также увеличению роли общественного контроля в данной сфере.

Парламентский контроль в сфере противодействия коррупции предусматривает не только создание законов в этой сфере, но и обеспечение их исполнения, а также активную деятельность по осуществлению контроля за работой государственных органов. Последнее, по мнению автора, может быть достигнуто, в том числе, и с помощью регулярного заслушивания членами обеих палат Федерального Собрания отчетов руководителей правоохранительных органов о проделанной работе в сфере противодействия коррупции.

Коррупционные проявления быстро видоизменяются, подстраиваясь под существующую правовую действительность, из-за чего проблема наличия коррупциогенных факторов в нормативных актах стоит особо остро. Правовая экспертиза выполняет не только функцию предварительной оценки проектов нормативно-правовых актов, но и выявляет факторы, которые могут способствовать развитию и усложнению коррупционных схем, тем самым способствуя их предотвращению [7].

Одной из наиболее применяемых мер по профилактике коррупции является установление различного рода требований к претендентам на замещение государственных и муниципальных должностей. Стоит особо отметить тот факт, что при прохождении государственной или муниципальной службы лица, имеющие статус служащего, обязаны регулярно предоставлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, которые проверяются уполномоченным органом и публикуются в открытом доступе. Кроме того, на этих лиц возложена обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, для профилактики таких фактов среди служащих проводится опрос в виде акта мониторинга. Также необходимо отметить, что в структуре госу-

дарственных органов и органов местного самоуправления создаются специальные подразделения по профилактике коррупции среди государственных и муниципальных служащих, в частности, комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов.

Еще одной мерой по профилактике коррупции среди служащих государственных и муниципальных органов является наличие специфического основания для увольнения таких лиц «в связи с утратой доверия», а также возможность применения в отношении них мер юридической ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства.

Коррупция — это сложное, многоаспектное явление, требующее комплексного подхода к его устранению. Для решения данной проблемы необходимо консолидировать усилия не только органов законодательной и исполнительной власти, но и коммерческих, некоммерческих организаций, общественных объединений, отдельных граждан. Также стоит отметить необходимость увеличения роли института парламентского контроля в сфере профилактики преступлений с коррупционной составляющей. Кроме того, автору видится обоснованным более широкое использование механизма увольнения должностных лиц, совершивших преступление коррупционной направленности «в связи с утратой доверия».

Коррупционные преступления являются серьезной проблемой для безопасности нашей страны. Несмотря на предпринятые меры, статистика позволяет сделать вывод о том, что нормальное функционирование государственной системы и выполнение публичных обязанностей все еще под угрозой. Таким образом, профилактика коррупции должна стать одной из первоочередных задач государства в рамках обеспечения национальной безопасности страны.

Литература

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 1 (часть II). — Ст. 212. 04 января.
2. Ежемесячный сборник Генеральной прокуратуры РФ о состоянии преступности в России в период с января по сентябрь 2020 года. — Текст: электронный. — URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

3. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за сентябрь 2020 г. — Текст: электронный. — URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1892822
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 52 (ч. 1), ст. 6228.
5. *Иванов С.Б.* Противодействие коррупции: новые вызовы: монография С.Б. Иванов, Т.Я. Хабриева, Ю.А.Чиханчин [и др.]; отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М., 2016. — С. 164.
6. *Глазкова Л.В.* Проблемы противодействия преступности и коррупции: конспект лекций. — М., 2020. — С. 41.
7. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: Федеральный закон от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2009. — № 29. — Ст. 3609.

Дитц Дмитрий Александрович,
аспирант Российской таможенной академии

О роли международного таможенного права в обеспечении международной экономической интеграции

Аннотация: *Статья посвящена роли международного таможенного права в регулировании межгосударственных отношений в рамках международных интеграционных объединений, в том числе таможенных союзов.*

Ключевые слова: *международное таможенное право, экономическая интеграция, таможенный союз.*

Dmitry Alexandrovich Dietz,
Postgraduate student of the Russian Customs Academy

On the role of international customs law in ensuring international economic integration

Abstract: *The article is devoted to the role of international customs law in the regulation of interstate relations within the framework of international integration associations, including customs unions.*

Keywords: *International customs law, economic integration, customs union.*

Международное таможенное право является одной из важнейших составляющей современного международного права, регулирующей отношения, возникающие в процессах перемещения грузов, транспортных средств через таможенные границы. При этом отношения возникают как между государствами в лице таможенных

служб, так и между таможенными службами и участниками внешнеэкономической деятельности. Существенной сферой международных правоотношений, которая определяется и регулируется международным таможенным правом, является сфера таможенного сотрудничества. Продуктивное и перспективное международное таможенное сотрудничество является залогом успешного развития международной экономической интеграции. Это связано с тем, что интеграция определяется взаимодействием таможенных администраций с целью унификации и гармонизации таможенных процедур, взаимной административной помощи, развития международной торговли как внутри интеграционного объединения, так и со странами, не входящими в него, в соответствии с требованиями таможенного законодательства и положениями международных таможенных конвенций и соглашений.

С момента принятия Устава ООН прошел значительный период развития и международного таможенного права и международной экономической интеграции. Вместе с этим принципы международного права, заложенные в Уставе ООН как обязательства высшего порядка, являются и фундаментальной правовой основой международного таможенного сотрудничества, а также международной экономической интеграции. Все процессы, касающиеся межгосударственных отношений в различных сферах, международных отношений в целом, должны базироваться и органично вписываться в принципы международного права.

Институты международного таможенного сотрудничества включают в себя: международно-правовой режим таможенных границ и таможенной территории; нормативно-правовые основы таможенных пошлин; нормативно-правовые основы таможенного тарифа; международную систему преференций; международно-правовое регулирование таможенного сотрудничества; методические основы выявления, анализа и оценки международных правонарушений в таможенной сфере; международно-правовые основы таможенного сотрудничества в сфере разрешения глобальных социально-экономических, гуманитарных и культурных проблем [1].

Ключевой целью международного права является правовое регулирование посредством своих принципов и норм отношений между государствами, а также государств с международными организация-

ми, в процессах международной интеграции, любых форм международного взаимодействия в различных сферах.

Целью международного таможенного права является международно-правовое регулирование таможенного сотрудничества, которое в свою очередь является определяющим процессом международной экономической интеграции.

Принципы международного права находят отражение и подтверждение в международном таможенном праве, поскольку государство может самостоятельно устанавливать виды и формы таможенного контроля в пределах своих таможенных границ в соответствии нормами международного права и международными рекомендациями в сфере торговли и таможенного регулирования. Субъект международных таможенных правоотношений не имеет права вмешиваться в практическую реализацию таможенной политики любого государства, если, конечно, речь не идет о нарушении норм и принципов международного права.

Понятие международного таможенного права определяется двумя составными элементами — понятиями «международное право» и «таможня». В сущности, это интегральная категория, которая базируется на международно-правовых основах международного таможенного сотрудничества. Понятие «таможня», исходя из этимологии, связано с понятиями «пошлина», «сбор». С этим связана преимущественно фискальная функция таможенного дела. В настоящее время, когда происходит активное развитие международной экономической интеграции, либерализация мировой торговли, взаимодействие в сферах международного таможенного сотрудничества, регулируемое и определяемое международным таможенным правом, играет важнейшую роль. Это связано с обеспечением защиты международной и национальной экономической безопасности, содействием развитию международной торговли и международных экономических отношений.

Одним из этапов международной экономической интеграции является создание зоны свободной торговли. Особым международно-правовым режимом обладает таможенный союз, который создается на основании межгосударственного многостороннего договора. Заключение международного договора о создании таможенного союза является также результатом международного таможенного сотруд-

ничества в соответствии с нормами международного таможенного права и определяет перспективное развитие межгосударственных таможенных отношений уже в рамках и от лица союза. Создание таможенного союза связано с объединением таможенных территорий, отменой таможенных пошлин внутри союза и созданием единых внешних таможенных ограничений и платежей.

Таможенный союз представляет собой международно-правовое соглашение в сфере международного таможенного сотрудничества государств об объединении таможенных территорий и создании единого таможенного тарифа для стран, не входящих в таможенный союз. Таможенный союз должен соответствовать следующим критериям:

— наличие единого внешнего таможенного тарифа;

— наличие единых таможенных правил;

— свободное движение товаров внутри общей таможенной территории союза;

— отсутствие экспортно-импортных ограничений;

— организованное таможенное взаимодействие и сотрудничество внутри союза.

Международное таможенное право, а также внутригосударственное законодательство в таможенной сфере формируют, в том числе понятие таможенных пошлин, которые представляют собой вид фискальных платежей, взимаемых при перемещении через таможенную границу товаров, материальных ценностей, имущества.

Таможенные пошлины являются средством реализации таможенной политики государства. Таможенные пошлины имеют экономический смысл, могут выполнять регулятивную функцию, являясь составляющей политики протекционизма, средством защиты экономики государства от чрезмерного насыщения внутреннего рынка иностранными товарами. Благодаря таможенным пошлинам есть возможность получить наиболее точные статистические данные об экспорте и импорте. Таможенные пошлины можно рассматривать с точки зрения предоставления преференции определенным странам при ввозе их товаров на внутренний рынок. Кроме того, использование таможенных пошлин считается средством выравнивания цен на товары внутригосударственного производства и импортируемые товары [2, с. 116].

Таможенные пошлины можно рассматривать не только как инструмент международного таможенного сотрудничества, таможенной дипломатии, поскольку они имеют непосредственное отношение к таможенной сфере и таможенной политике, а также как эффективное средство регулирования межгосударственного торгово-экономического взаимодействия, процессов развития международной экономической интеграции.

Таможенный тариф представляет собой перечень, реестр, список облагаемых таможенными пошлинами товаров. Единые таможенные тарифы, принимаемые интеграционными объединениями при создании таможенного союза на основе международно-правового договора, фактически тоже являются инструментами международного таможенного сотрудничества, таможенной дипломатии, используемыми на основе норм международного таможенного права, а также международной экономической интеграции.

Оптимальное сочетание инструментов в целом создают для государства комплекс конкурентных преимуществ высокого порядка, который в расчете на долгосрочную перспективу может обеспечить активный экономический рост и участие в международной экономической интеграции [2, с. 117].

Таким образом, международное таможенное право, являясь самостоятельной отраслью современного международного права, регулируя таможенное сотрудничество в рамках интеграционного объединения и за его пределами, обеспечивает тем самым постоянное развитие процессов международной экономической интеграции, ее углубление и расширение.

Литература

1. *Борисов К.Г.* Международное таможенное право: учебное пособие. Изд. 2-е, доп. — М.: Изд-во РУДН, 2001. — С. 32.
2. *Мантусов В.Б.* Таможенная дипломатия: учебник / В.Б. Мантусов, Д.А. Дитц. — М.: РИО Российской таможенной академии, 2019.

Добромилов Данила Викторович,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Проблемы правового регулирования труда спортсменов во время пандемии коронавируса

Аннотация: *В статье приведен анализ правовых проблем труда спортсменов в командных видах спорта, возникшие весной 2020 года после начала пандемии коронавирусной инфекции нового типа. Большое внимание уделено основным правовым проблемам по рассматриваемой проблематике, приведены их решения в реальной жизни и предложено решение некоторых рассматриваемых проблем с точки зрения права.*

Ключевые слова: *трудовое право, профессиональный спорт, труд спортсменов, пандемия COVID — 19, трудовая функция спортсмена, заработная плата спортсмена, договорные отношения, приостановка тренировок и спортивных соревнований.*

Danila Viktorovich Dobromilov,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Problems of legal regulation of athletes' work during COVID-19 pandemic

Abstract: *The article is devoted to analysis legal problems of athletes' in team sports arosed in spring 2020 after the start of COVID — 19 Pandemic. Much attention is given to main legal problems under consideration and their solution in real life. Also author offered his vision how to solve some legal problems considered in this article.*

Keywords: *labour law, professional sport, work of athletes, COVID — 19 Pandemic, duties of sportsman, sportsman salary, contractual relationship, suspension of training and sports competitions.*

Современный профессиональный спорт уже давно относится не только к сфере спорта, но и к сфере досуга и развлечения. И пандемия коронавируса COVID-19 очень сильно ударила по этой отрасли. 27 марта 2020 года Правительственная комиссия по повышению устойчивости развития российской экономики «утвердила перечень отраслей экономики, наиболее пострадавших в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, для оказания первоочередной адресной поддержки» [1]. Одной из пострадавших среди 22 отраслей стала сфера физкультурно-оздоровительной деятельности и спорта, включая «деятельность в области

спорта, отдыха и развлечений» [2], к которой относятся все российские спортивные команды.

Весной этого года были отменены или перенесены «до особого распоряжения все спортивные соревнования на территории России» [3]. На основании этого приказа спортивные федерации вынесли аналогичные решения. Летом, когда эпидемиологическая обстановка улучшилась, соревнования проводились с соблюдением мер безопасности и в присутствии зрителей, что позволило частично компенсировать весенние убытки.

В Европейских странах спортивные соревнования проходили без зрителей, тем самым организации продолжали нести миллионные убытки, а руководители спортивных соревнований прогнозировали, что если соревнования будут проходить без зрителей в течении одного года, существует высокий риск банкротства юридических лиц — организаторов спортивных соревнований — или им придется брать многомиллионные кредиты на большой период времени на невыгодных для них условиях. И, безусловно, все эти новости доходили до спортсменов и до команд. Итак, ситуация, возникшая весной 2020 года, привела к проблемам в сфере трудовых отношений спортсменов. Рассмотрим некоторые из них.

Первая проблема, с которой столкнулись все спортивные команды, — это вопрос с исполнением спортсменами трудовой функции. Российское законодательство устанавливает трудовую функцию спортсмена в абз.1 ст. 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации (далее — ТК РФ). Она заключается в «подготовке к спортивным соревнованиям и участии в спортивных соревнованиях по определенным виду или видам спорта» [4]. Формулировка закона четко устанавливает, что подготовка к соревнованиям — это тренировки спортсмена согласно тренировочному плану, установленному в команде тренерским штабом, а участие в спортивных соревнованиях — это непосредственно спортивное событие, в котором участвует спортсмен. Акты государственных органов и решения спортивных федераций в этой ситуации сделали невозможным исполнять установленные трудовые функции. Тренировочные базы команд оказались закрытыми. Соответственно, проводить тренировки стало невозможным. Аналогичная ситуация и со спортивными аренами. Данные объекты инфраструктуры являются достаточно сложными в инженерном плане и

требуют постоянного наблюдения. Спортсмены находятся там только во время соревнований. Проводить соревнования в такое время невозможно и по эпидемиологическим причинам, и потому, что растренированный спортсмен быстро получит травму или повреждения, которые могут быть как легкими, так и тяжелыми, которые могут привести к серьезным проблемам со здоровьем. Таким образом, у данной проблемы не может быть правового решения вопроса. Её решение является прерогативой в большей степени тренерского штаба спортивных команд, а не юристов. Максимально, что было сделано в этой ситуации — проводились индивидуальные или групповые тренировки по составленной тренерами программе и, если это командный вид спорта, теоретические занятия (без тактической подготовки в спорте обойтись нельзя!) с использованием видеоконференцсвязи [5]. Весь предпринятый комплекс мер с точки зрения права можно признать как «подготовку к соревнованиям». Проводить соревнования можно было только по киберспорту. В них участвовали спортсмены, которые хорошо играли в виртуальные симуляторы реальных видов спорта. Можно ли это называть термином «спортивное соревнование» или считать выполнением второй части трудовой функции? Ответ на этот вопрос скорее отрицательный, чем положительный. Для таких событий в договорах в разделе «обязанности спортсмена» прописывается формулировка, смысл которой заключается в обязанности спортсмена участвовать во вне спортивной деятельности команды.

Вторая проблема — вопрос исполнения финансовых обязательств перед спортсменами по выплате заработной платы. С ней столкнулись абсолютно все руководители спортивных клубов. В разных странах вопросы, связанные с выплатой заработной платы спортсменам, законодательно установлены по-разному. Например, законодательство Испании предусматривает возможность сократить заработную плату на 70%, если работодатель теряет возможность получать прибыль. Надо заметить, что вышеизложенная норма испанского законодательства является общей в трудовом праве этой страны и активно применяется на практике. И этой возможностью в сложившейся обстановке воспользовались большинство спортивных команд, которые до весны 2020 года никогда бы не использовали ее, в частности, ФК «Эспаньол». В России ситуация по данному вопросу была намного сложнее. В нашей стране властями был введён «режим повышенной готовности», который не

подразумевал возможность изменять действующие договорные обязательства. Так, приостановка соревнований и тренировок не является юридическим основанием для неисполнения договорных обязательств, в том числе и по выплате заработной платы спортсменам. В то же самое время, оставшись без источников дохода и продолжая нести прежние расходы, работодатели спортсменов получили либо дефицит бюджета, либо возможное предбанкротное состояние. Временное снижение заработной платы спортсменам в данной ситуации — самое оптимальное решение, которое приняли многие команды в нашей стране. Это возможно благодаря статье 40 ТК РФ, предусматривающей возможность заключать коллективные договоры и статье 72, которая разрешает изменять определенные сторонами условия договора по соглашению сторон в письменной форме. Очень важно подчеркнуть, что освободившиеся денежные средства направляются в том числе на сохранение заработной платы обслуживающего персонала в командах. На наш взгляд, в текущей ситуации вопрос можно было решить намного проще. ТК РФ в отношении труда спортсменов устанавливает только общие правила, передавая конкретные полномочия спортивным федерациям. Можно было бы решением РФС ввести так называемый «карантин зарплат» [6] (работодатель платит спортсмену 70% от прописанной в договоре зарплаты) на время приостановки соревнований в связи со сложившейся обстановкой. При этом у работодателя остается право сократить выплаты и в большем объеме. А в будущем было бы правильно взять опыт Испании и в главу 54.1 ТК РФ ввести их норму про сокращение зарплат на 70% в случае потери источников дохода. Тем самым в законодательство будет введена норма, вводящая специальные правила и ограничивающие применение к этой сфере общих норм ТК РФ по этому вопросу.

Третья проблема — срок действия договоров. Данная проблема возникла в командных видах спорта, с ней столкнулись те, у кого окончанием срока был прошлый игровой сезон. В качестве примера можно привести статью 1 Регламента Чемпионата России среди команд клубов Премьер-Лиги 2019–2020 (РПЛ), в которой установлено, что сезон — это «период времени, который начинается с первого дня первого регистрационного периода и заканчивается днём проведения последнего официального Матча соответствующего соревнования, проводимого под эгидой РФС, в котором принимает участие футбольный Клуб» [7].

Срок проведения соревнований устанавливается Календарём соревнования. 17 марта 2020 года Бюро Исполкома Российского футбольного союза приняло решение о приостановлении соревнований до 10 апреля, а 1 апреля — до 31 мая [8]. В итоге это привело к изменению структуры календаря соревнований, на который ориентируются команды при составлении договоров со спортсменами. Они составляются таким образом, что сроком окончания является либо первоначальная дата окончания сезона, либо оговоренная сторонами дата, которая следует после окончания сезона (самая распространенная дата — 1 июля), либо фраза «по окончании сезона N». Таким образом, во всех трех случаях договор перестает действовать до окончания соревнований. При этом не учитываются пункты индивидуальных трудовых договоров, которые могут усложнять ситуацию.

Интересно решение в сложившейся ситуации. РПЛ в апреле 2020 г. опубликовала рекомендации для участников соревнований. Правовое основание их рекомендаций — национальное законодательство и пункт 2 статьи 18 Регламента ФИФА по Статусу и переходам игроков [9]. РПЛ предлагает такое решение:

— если договор истекает в первоначальную дату окончания сезона, рекомендуется продлить срок действия договора до новой даты окончания;

— если соглашение рассчитано с первоначальной даты начала следующего сезона, рекомендуется перенести срок вступления соглашения в силу на новую дату следующего сезона [10].

Так как по своей правовой форме это рекомендации, РПЛ оставляет право окончательного решения вопроса за участниками соревнований, которые имеют на это законное право, так как только они могут найти в каждом случае оптимальное и справедливое решение. Что, на мой взгляд, достаточно правильное и взвешенное решение. Введение в данной ситуации строгой нормы об обязательном продлении договоров может привести к последующим судебным искам в Спортивный арбитражный суд в Лозанне и в национальные суды.

Пандемия коронавируса стала неожиданностью для всего мира. Ни одна правовая система не была готова к такой ситуации. Сложившиеся проблемы самого различного характера, в том числе в сфере трудового права, приходилось решать по ходу развития ситуации. Но такой опыт очень важен. В статье приведены решения сложившихся

проблем. Важно перенести их в законодательство, чтобы в следующий раз действовать быстро и чётко.

Литература

1. Правительство определило 22 отрасли, которые первыми получат господдержку. — Текст: электронный // Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/ekonomika_bez_virusa/pravitelstvo_opredelilo_22_otrasli_kotorye_pervymi_poluchat_gospodderzhku.html
2. Список отдельных сфер деятельности, наиболее пострадавших в условиях ухудшения ситуации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, для оказания первоочередной адресной поддержки. — Текст: электронный. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/be6cf04db17a6caed6bfa9fd97684d7b/26032020.pdf
3. Об отмене или переносе спортивных соревнований на территории Российской Федерации в целях предупреждения и распространения коронавирусной инфекции (COVID-19): Приказ Министерства спорта РФ от 16 марта 2020 г. № 216 // Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.08.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru
5. На удаленке. Как клубы проводят тренировки во время пандемии коронавируса? — Текст: электронный // — URL: https://www.livesport.ru/football/2020/03/22/coronavirus_homework/
6. *Короткин В.* Сокращение. — *Текст: электронный* // Спорт — Экспресс. — 2020. — №8168. 02 апреля. — URL: https://www.sport-express.ru/football/rfpl/reviews/igroki-spartaka-poshli-na-snizhenie-zarplaty-na-40-procentov-chto-eto-znachit-kakimi-budut-posledstviya-ekonomicheskogo-krizisa-i-pandemii-koronavirusa-kommentariy-se-1658724/
7. Регламент ТИНЬКОФФ Чемпионата России по футболу среди команд клубов Премьер — Лиги (ТИНЬКОФФ Российской Премьер-Лиги) сезона 2019–2020 гг.: согласован Решением ОС НП «РФПЛ» №134/4 от 06.06.2019 г. и утвержден Постановлением Исполкома РФС №189/3 от 26.06.2019 г.
8. Регламент «Возобновления тренировочного процесса и проведения матчей ТИНЬКОФФ Чемпионата России по футболу среди команд клубов Премьер-Лиги (ТИНЬКОФФ Российской Премьер-Лиги) и Олимп — Кубка России по футболу сезона 2019-2020 гг.»: Утвержден Постановлением Исполкома Российского футбольного союза №195.1 от 09.06.2020 г.
9. Regulations on the Status and Transfer of Players [Электронный ресурс] // — URL: https://static.rfs.ru/documents/1/5a8acbe6bf21a.pdf
10. Отвечаем на вопросы о приостановке Тинькофф РПЛ / Раздел «Новости Премьер-Лиги». — 19.04.2020 — Текст: электронный // — URL: https://premierliga.ru/news/rfpl/news_24760.html

Долгополов Сергей Сергеевич,
магистрант Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Анализ угроз устойчивому развитию Российской Федерации от пожаров природного и техногенного характера на современном этапе

Аннотация: *В статье раскрываются проблемы пожарной безопасности критически важных объектов (КВО): их определение, классификация, характеристика по видам и уровням угроз, приведены примеры произошедших пожаров техногенного характера на КВО, дана оценка их последствий для экономики, экологии и национальной безопасности Российской Федерации.*

Рассмотрена проблематика лесных пожаров, включая особенности их устранения в приграничных районах, приведена оценка КВО исходя из потенциальных угроз национальной безопасности.

Кроме того, изложены отдельные меры, применяемые государством в рамках борьбы с пожарами техногенного и природного характера, даны рекомендации, направленные на повышение защищенности государства от пожаров природного характера.

Ключевые слова: *критически важный объект, уровень угроз, национальная безопасность, чрезвычайные ситуации, лесные пожары, аварии техногенного характера.*

Sergey Sergeevich Dolgopolov*,*
master's student, Faculty of National Security, ILNS RANEPA

Analysis of threats to the sustainable development of the Russian Federation from natural and man-made fires at the present stage

Abstract: *The article reveals the problems of fire safety of critical facilities, provides their definition, classification, characteristics by types and levels of threats, provides examples of man-made fires that have occurred at these facilities and the extent of the consequences for the national security of the country. The problems of forest fires, especially in border areas, are also considered, and an assessment of the types of threats to national security is given. The article describes the measures applied by the state in the fight against man-made and natural fires. In conclusion, recommendations are made to improve the protection of the state from natural fires, through the implementation of a set of preventive measures both in the field of regulatory regulation and engineering solutions.*

Keywords*: critical facility, level of threats, national security, emergencies, forest fires, man-made accidents.*

Пожары всегда являлись огромным бедствием для нашей страны, так как уносили жизнь и здоровье людей, наносили материальный ущерб, причем в России последствия пожаров зачастую были более значительными, нежели в развитых странах.

Растущая год от года техногенная активность человечества на фоне роста численности людей, глобальные изменения климата, появление новых пожаро-, взрывоопасных веществ и материалов — все это становится причиной новых вызовов системе пожарной безопасности как всей нашей страны в целом, так и системам пожарной безопасности так называемых «критически важных объектов».

В пункте 13 «а» части II Военной доктрины Российской Федерации, в числе внутренних военных опасностей названа дезорганизация функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации [1]. То есть речь в данном случае идет об объектах, которые классифицируются как критически важные.

Далее целесообразно определиться с термином «критически важный объект (КВО)». В Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08 декабря 2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» под критически важным объектом понимается объект, нарушение или прекращение функционирования которого приведет к потере управления экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы субъекта Российской Федерации, ее необратимому негативному изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения [2].

Например, в США к категории таких объектов, составляющих критически важную инфраструктуру, относят следующие виды объектов:

— системы обеспечения населения продукцией сельского хозяйства и прочими видами продовольствия;

— банковская и финансовая системы в целом — потери в финансово-банковской сфере из-за всевозможных кибератак составляют порядка 10 млрд долл. ежегодно;

— транспортная система;

— система водоснабжения;

— службы спасения и оказания скорой помощи;

— энергетическая система;

— система государственного управления [3].

Важным условием, позволяющим классифицировать объект как КВО, является невозможность достоверного прогнозирования ущерба, например, от взрыва АЭС или подрыва плотины ГЭС.

Что касается классификации КВО, то она довольно обширна — например, исходя из критерия значимости выделяют федеральные объекты, объекты субъектового уровня и объекты муниципального уровня [4].

Перечислим категории КВО, исходя из видов угроз, которые несут данные объекты:

— ядерно- и радиационно-опасные (АЭС, предприятия ядерно-оружейного комплекса, спецкомбинаты ФГУП «Радон и пр.);

— химически и биологически опасные (предприятия металлургического, нефтехимического, машиностроительного, оборонного производства, фармацевтические комплексы и пр.);

— техногенно- и пожаровзрывоопасные (крупные узловые железнодорожные станции и грузовые терминалы, аэропорты, морские порты, метрополитены, объекты ТЭК, предприятия по производству и переработке взрывоопасных материалов и др.);

— гидродинамически опасные (крупные гидротехнические сооружения промышленного и водохозяйственного назначения);

— объекты государственного управления, финансово-кредитной, информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, культуры и другие (пункты управления, узлы связи и оповещения, архивы и пр.).

Классификация по уровням угроз позволяет выделить несколько классов критически важных объектов (таблица).

Следует заметить, что с 1 января 2021 года данная классификация заменена на другую, но мы привели ее, так как, на наш взгляд, она наиболее полно иллюстрирует механизм определения уровня критичности КВО.

Наиболее критичными, согласно классификации КВО, являются те объекты, аварии на которых, в том числе пожары или даже только прекращение их работы, приведут к федеральным или региональным ЧС (объекты Росатома, Минобороны и др.), и такие объекты по уровню опасности относятся к первому-третьему классам.

Классификация КВО по уровню угроз

Класс	Уровень чрезвычайных ситуаций (ЧС)	Количественные прогнозы последствий ЧС
I	Аварии на объектах данного класса могут стать источниками возникновения ЧС федерального или трансграничного уровней	Прогноз количества пострадавших – свыше 500 человек. Прогноз суммы материального ущерба – свыше 500 млн руб.
II	Аварии на объектах данного класса способны стать источником возникновения ЧС регионального уровня, при том, что зона ЧС не выходит за территорию одного субъекта РФ	Число пострадавших – от 50 до 500 человек. Сумма материального ущерба – от 5 до 500 млн руб.
III	Аварии на объектах данного класса способны стать источником ЧС межмуниципального уровня – зона ЧС затрагивает территории двух и более поселений, внутригородских территорий, городов федерального значения или межселевую территорию	Число пострадавших – до 50 человек. Сумма материального ущерба – до 5 млн руб.
IV	Аварии на объектах данного класса способны стать источником ЧС муниципального уровня – зона ЧС затрагивает территории одного поселения или территории города федерального значения	Число пострадавших – до 50 человек. Сумма материального ущерба – до 5 млн руб.
V	Аварии на объектах данного класса способны стать источником локальных ЧС – зона ЧС затрагивает территории одного объекта	Число пострадавших – до 10 человек. Сумма материального ущерба – до 100 тыс. руб.

Так, например, по причине возгорания на складе боеприпасов в Рязанской области в октябре 2020 г. пришлось эвакуировать свыше 2300 человек из 14 населенных пунктов. При этом пожаром было полностью уничтожено 80 строений, в числе которых 35 жилых домов. Взрывами боеприпасов также были спровоцированы очаги лесных и ландшафтных пожаров площадью около одного гектара. Несмотря на то, что данная ЧС носила региональный характер, в результате был нанесен существенный материальный ущерб экономике и домохозяйствам. Таким образом, исходя из классификации угроз по сферам и областям жизнедеятельности, данную ЧС можно классифицировать одновременно как угрозу оборонного, экономического и экологиче-

ского характера, по месту нахождения источника опасности — как внутреннюю угрозу, а по степени сформированности — как угрозу реальную.

Пожары на складах боеприпасов имеют свою специфику — очень быстро распространяются и с ними невозможно бороться традиционными методами из-за постоянных взрывов боеприпасов. Для тушения таких пожаров нужны автоматические устройства — например, беспилотные летающие аппараты и наземные роботизированные устройства, а также более традиционные, такие, как пожарные танки или пожарные бронетранспортеры.

Однако нужно заметить, что главными противопожарными мерами на таких объектах является строгое соблюдение техники безопасности и требований к эксплуатации режимного объекта. Поэтому далеко не всегда проблема в нехватке современной противопожарной техники — зачастую достаточно строгого и принципиального руководителя такого режимного объекта, требующего неукоснительного соблюдения всех инструкций и предписаний, которые, как говорится, «пишутся кровью».

Техногенные аварии или пожары способны причинить невосполнимый ущерб объектам оборонного комплекса, что окажет негативное влияние на состоянии обороноспособности страны.

Так, взрыв и последовавший за ним пожар в цехе по производству тротила в ГосНИИ «Кристалл» в г. Дзержинске Нижегородской области привели к полному выгоранию порядка 800 квадратных метров производственных площадей и более 400 квадратных метров лесного массива, прилегающего к данному предприятию. Более 40 человек получили травмы различной степени тяжести, в двух сотнях жилых домов взрывной волной выбило стекла.

Понесенные чрезвычайные затраты на восстановление производства стали причиной переноса сроков поставки взрывчатых составов для производства различных видов вооружения, что в свою очередь негативно повлияло на выполнение гособоронзаказа и на обороноспособность страны в целом.

По данному происшествию Следственным комитетом России возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 217 УК РФ «Нарушение требований промышленной безопасности производственных объектов».

Нередко случаются пожары на крупных военных кораблях. Так, 29 декабря 2011 года в плавучем доке судоремонтного завода, расположенного в поселке Росляково, возник пожар на АПЛ К-84 «Екатеринбург». Только своевременные и грамотные действия сотрудников предприятия, специальных подразделений пожарной охраны ФПС МЧС России, а также экипажа подводной лодки позволили избежать техногенной катастрофы и потери боевого корабля.

4 ноября 2014-го в г. Севастополе при проведении планового ремонта произошло возгорание на большом противолодочном корабле Черноморского флота «Керчь». С июня по ноябрь 2014 года корабль проходил восстановительный ремонт, после которого должен был сменить РКР «Москва» на посту флагмана Черноморского флота. В результате выводов комиссии, расследовавшей данное происшествие, в 2015 году принято решение о списании и утилизации корабля, что, конечно же, негативно повлияло на обороноспособность нашей страны.

В 2015 году на атомной подводной лодке К-226 «Орел» в ходе проведения сварочных работ возник пожар, который смогли ликвидировать только после затопления плавучего дока вместе с подводной лодкой. Хотя сама лодка не получила серьезных повреждений, сроки ее ремонта были смещены почти на год.

12 декабря 2019 года в энергетическом отсеке тяжелого авианесущего крейсера «Адмирал Кузнецов» произошло возгорание. В апреле 2020 года главой Объединенной судостроительной корпорации, в структуру которой входит генподрядчик ремонта ЦС «Звездочка», ущерб от пожара был оценен в 500 млн руб., а ликвидация последствий пожара послужила причиной для переноса срока возвращения флагмана ВМФ на боевое дежурство, что также внесло свой негативный вклад в обороноспособность России.

Также хотелось бы обратить внимание на лесные пожары, возникающие на территориях, граничащих с Китайской Народной Республикой и Монголией. Тушение лесных пожаров на приграничных территориях осложняется тем, что подразделения пожарных не вправе нарушать границы соседних государств, поэтому приходится встречать пожары, идущие из КНР или Монголии, на своей территории. Так, зимой 2019 года пожару подверглись тысячи гектаров леса и степи на значительных территориях Забайкалья и Дальнего Востока.

Особый режим, действующий на приграничных территориях, не способствует своевременному началу работ по тушению лесных и ландшафтных пожаров, проблема усугубляется также отсутствием дорог на данных территориях. В результате и очаги пожаров и дымовые шлейфы от них, проникающие на сотни километров вглубь нашей страны, негативным образом сказываются на мерах по охране границы Российской Федерации. Кроме того, нередко приводят к выгоранию защитных лесов вокруг объектов Министерства обороны Российской Федерации, несущих боевое дежурство в приграничных районах, что демаскирует подобные объекты, приводит к необходимости их передислокации, что сказывается и на обороноспособности нашей страны, и на ее бюджете.

С целью обеспечения противопожарной защиты военных объектов в системе Вооруженных сил Российской Федерации создана служба пожарно-спасательной и местной обороны Вооруженных Сил Российской Федерации, входящая в состав Тыла Вооруженных Сил Российской Федерации.

Следует отметить тот факт, что в настоящее время в составе МЧС России действуют спасательные воинские подразделения, созданные на базе соединений, воинских частей и организаций войск гражданской обороны, которые предназначены для защиты населения и территорий, материальных и культурных ценностей от угроз, создаваемых в ходе ведения военных действий или как следствие таких действий, в случаях возникновения ЧС природного и техногенного характера, в том числе за пределами территории Российской Федерации. Руководство данными формированиями осуществляется непосредственно Президентом Российской Федерации. Управление спасательными воинскими формированиями осуществляет Министр по чрезвычайным ситуациям. Деятельность спасательных воинских формирований регламентирована Указом Президента Российской Федерации от 30 сентября 2011 года № 1265 (ред. от 29 июня 2020 г.) «О спасательных воинских формированиях Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий».

Если вопрос организации и работы системы пожарной безопасности на КВО в Российской Федерации решен еще 70 лет назад путем создания профессиональной пожарной охраны на постоянной

основе (в настоящее время — это специальные подразделения ФПС МЧС России), то в системе обеспечения пожарной безопасности лесных массивов Российской Федерации остается множество проблем.

Следует обратить внимание на то, что КВО вполне могут стать объектами преднамеренных поджогов, так как поджог является наиболее удобным, хорошо маскируемым способом диверсий, а потому, помимо налаживания надежной системы противодействия техногенным авариям на критически важных объектах, нужно всерьез заниматься обеспечением безопасности по линии кадровых служб, силовых ведомств. В наши дни проблема «вредительства» ушла далеко на задний план, но это вовсе не означает, что тот или иной пожар на корабле или в зоне секретного военного объекта случился из-за оставленного без присмотра нагревательного прибора, — вполне возможно, что нагревательный прибор оставили без присмотра не случайно. Причем, далеко не всегда такие пожары являются диверсионными актами — нередко они могут возникать и в силу иного умысла, например, поджечь тайгу, чтобы вместе с горельником списать и добротный лес, или устроить пожар на военном складе, прежде продав часть запасов на сторону, и т.д. Поэтому для обеспечения безопасности КВО в первую очередь не нужно жалеть средств для содержания оперативного персонала данных объектов, набирая в эти подразделения лучших специалистов.

В целях минимизации угроз возникновения пожаров на КВО и с целью их оперативного устранения важно вести работу по реализации и усовершенствованию ряда профилактических мер, а также в части развития соответствующей нормативной правовой базы, в числе которых:

— в части нормативного правового регулирования совершенствование регламентов реагирования соответствующих подразделений при возникновении пожаров в лесном фонде (так называемое «сплошное реагирование»), а также решение вопроса кадрового обеспечения Рослесхоза путем увеличения численности;

— разделение лесных массивов противопожарными разрывами, а также устройство вдоль них, а также у других объектов пожароустойчивых опушек древесных насаждений из лиственных или с преобладанием лиственных пород;

— устройство защитных минерализованных полос, а также дорожной сети и объектов дорожной инфраструктуры;

— проведение мероприятий по противопожарной пропаганде среди населения;

— строительство кордонов лесной охраны, пожарных наблюдательных вышек, средств радио- и телефонной связи, организация метеопунктов в лесхозах и лесничествах и дозорно-сторожевой службы;

— устройство водоемов, промежуточных посадочных площадок и наземных ориентиров для самолетов, осуществляющих разведку и тушение лесных пожаров;

— организация пожарных бригад, создание пунктов сосредоточения противопожарного инвентаря для использования в том числе и местным населением;

— усиление ответственности предприятий, организаций, индивидуальных предпринимателей, в чьем ведении и пользовании находятся лесные угодья, за нарушение мер противопожарной безопасности;

— решение вопроса относительно доступа населения к сбору валежника, усовершенствование технологий лесоразработок с возможностью промышленной переработки порубочных остатков и др.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 08 декабря 2020 г.) — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. *Цыгичко В.Н.* Обеспечение безопасности критических инфраструктур в США / В.Н. Цыгичко, Г.Л. Смолян, Д.С. Черешкин // Труды ИСА РАН. — 2006. — Т. 27. — С. 4–34.
4. Об утверждении Правил разработки критериев отнесения объектов всех форм собственности к критически важным объектам: Постановление Правительства Российской Федерации от 14 августа 2020 г. № 1225. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Емцев Кирилл Сергеевич,
Лопатин Иоанн Алексеевич,
студенты Российского государственного университета правосудия

Актуальные вопросы исполнения судебных актов в период действия ограничительных мер в Российской Федерации

Аннотация: *В статье рассматриваются отдельные актуальные вопросы исполнения судебных актов в период действия ограничительных мер в условиях пандемии в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *судебная система, судебный акт, ограничительные меры.*

Kirill Sergeevich Emtsev,
Ioann Alekseevich Lopatin,
students of the Russian State University of Justice

Topical issues of the enforcement of judicial acts during the period of restrictive measures in the Russian Federation

Abstract: *The article examines certain topical issues of the execution of judicial acts during the period of restrictive measures in the context of a pandemic in the Russian Federation.*

Keywords: *judicial system, judicial act, restrictive measures.*

Эффективность работы судебной системы порождает множество споров как в юридической науке, так и в правоприменительной практике. Отечественные ученые М.В. Скляренко, А.М. Ларин, Г.В. Атаманчук, М.И. Авдеев, В.Б. Алексеев, Г.З. Анашкин и др. считали, что важнейшими критериями эффективности работы системы правосудия являются его качество и своевременность исполнения судебных решений.

Оценка работы судебной системы в целом происходит на основе такого показателя эффективности, как исполнение судебных решений. Граждане и организации обращаются в суд для восстановления нарушенных прав, защиты законных интересов не столько «на бумаге» (правильность оформления судебного решения), сколько должным образом реализованных исполнением установленных судом предписаний.

Особенно остро проблема исполнения судебных решений проявилась в период с 30 марта 2020 г. по 11 мая 2020 г. с ведением на территории Российской Федерации нерабочих дней [1]. Возможность исполнения судебных актов в период действия ограничительных мер стало новой преградой. Сроки исполнения, порядок исполнительного производства (в связи отсутствием доходов у должников в результате ограничения движения населения, приостановлением большинства процессов в целом и ряд других жизненных проблем), необходимо было разрешить незамедлительно.

Указ Президента также повлиял и на работу службы судебных приставов, так как до введения данных мер исполнительное производство осуществлялось посредством очного контакта с людьми.

В соответствии с поручениями Президента РФ, деятельность ФССП подстроилась под период пандемии, например, согласно приказу ФССП от 19 марта 2020 г. №2020, была определена численность сотрудников, которые продолжили работу с условием соблюдения режима самоизоляции, а именно: ограничение проведения выездных мероприятий. В ситуации с пандемией приставы реализовывали целый ряд других действий:

— возбуждение постановлений о приостановлении, окончании и прекращении производства;

— направление документов по месту работы и в банки для удержаний денежных средств должника;

— введение ареста недвижимости и автотранспорта, так как это происходит путем направления постановлений в Росреестр и ГИБДД;

— введение розыска должника, его имущества.

Следовательно, всеобщая пандемия не была сама по себе основанием освобождения должника от необходимости выплачивать деньги взыскателю. Отчего неплатеж по постановлению исполнительного производства влек те же санкции, последствия и ограничения — арест имущества и счетов, взыскание исполнительского сбора, лишение водительских прав, иные меры воздействия.

Но, с другой стороны, наблюдалась тенденция снижения доходов у физических и юридических лиц, поэтому, несмотря на продолжение взысканий, принимались меры по поддержке субъектов экономики. Так, например, если финансовое состояние должника изменилось к худшему, и это повлекло невозможность оплаты взы-

сканий из-за последствий пандемии, он мог воспользоваться такими мерами защиты:

— подать заявление на отсрочку или рассрочку по платежам (данное решение правомочен принимать суд);

— обратиться с заявлением о снижении размера исполнительского сбора;

— обжаловать взыскание исполнительского сбора.

Еще одной мерой защиты для должников было введение временного моратория на банкротство в течение шести месяцев, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 03 апреля 2020 г. № 438, дающего возможность приостанавливать производства, начатые до введения моратория. Кредиторы не имели права подать заявление о банкротстве даже при наличии всех признаков несостоятельности гражданина, а, с другой стороны, сам должник имел на это право.

Между тем, в связи с применением указанной меры защиты интересов должников, не были соблюдены меры по защите интересов кредиторов, потому что введение временного моратория на банкротство затрагивало интересы только одного круга лиц, что подтверждает неполную эффективность этого метода по защите граждан и юридических лиц.

С распространением COVID-19 Правительство РФ вводило разнообразные меры поддержки граждан-предпринимателей и юридических лиц, особенно пострадавших в этот период. Одной из таких мер стал Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 215-ФЗ «Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции». Согласно закону, некоторым субъектам небольших фирм, пострадавшим в результате ограничительных мер, предоставлялась возможность получения рассрочки исполнения требований исполнительных документов.

Также по закону предусматривалось, что сумма задолженности по исполнительным документам не должна превышать 15 млн рублей для юридического лица или ИП и 1 млн рублей — для граждан.

Но для получения рассрочки платежей и других мер необходимо было доказать, что причина финансовых трудностей — всеобщий карантин. Так, согласно «Обзору судебной практики в связи с коро-

навирусом» должник просил суд дать ему рассрочку на 6 месяцев, ссылаясь на ухудшение экономической ситуации в России: снижение доходов населения, остановку деятельности предприятий. Суд отказал в удовлетворении ходатайства, так как заявитель не сумел доказать, что карантинные меры стали причиной уменьшения его платежеспособности по задолженности, возникшей задолго до введения ограничительных мер [2].

Отсюда следует вывод, что процедура получения рассрочки не была оптимизирована должным образом в части своевременной возможности воспользоваться данным правом. Таким образом, должники были вынуждены проходить этот порядок, затрачивая на это огромное количество времени (1-4 месяца) и, не успевая получить помощь своевременно, сталкивались с неблагоприятными последствиями.

Предпринимаемые способы для защиты интересов как граждан, так и остальных субъектов были не до конца эффективными и недостаточными для полного решения проблем исполнений судебных решений в период ограничительных мер. Но государственные органы впервые столкнулись с такими проблемами. Поэтому данный опыт, полученный в период весенних ограничений (возможность рассрочки исполнения судебных решений, уменьшение исполнительного сбора, взаимодействие приставов-исполнителей с должниками посредством компьютерных технологий), дал толчок развитию цифровых технологий (улучшению функционирования интернет-источников ФССП РФ, повышению уровня бесконтактного взаимодействия субъектов), что поспособствует повышению эффективности в сфере исполнительного производства в будущем.

Источники

1. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 13. — Ст. 1898. 30 марта.
2. Определение Арбитражного суда Кировской области от 25 июня 2020 г. по делу № А28-10137/2019. — Текст: электронный. Электронное правосудие: Банк решений арбитражных судов. — URL: https://ras.arbitr.ru/

Захаров Артём Андреевич,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Правовые последствия патологической арбитражной оговорки

Аннотация: *В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с последствиями применения патологической арбитражной оговорки в российском судопроизводстве.*
Ключевые слова: *арбитражная оговорка, волеизъявление, форма соглашения.*

Artem A. Zakharov,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Legal consequences of a pathological arbitration clause

Abstract: *The article examines problematic issues related to the consequences of the use of a pathological arbitration clause in Russian legal proceedings.*
Keywords: *arbitration clause, expression of will, form of agreement.*

Коннотация термина «патология» наводит на мысль о дефекте, который присутствует в арбитражном соглашении и парализует нормальную работу этого процессуального механизма. В силу указанного дефекта, стороны и правопорядок в целом сталкиваются с правовой неопределенностью: следует ли признать приоритет свободного волеизъявления участников оговорки, которые исключили подсудность их спора государственному суду, или признать арбитражную оговорку неисполнимой?

Для последовательного ответа на сформулированные вопросы предлагается выявить параметры действительности арбитражного соглашения и впоследствии сформулировать возможные модели патологии, а также варианты их разрешения.

При первой попытке найти законодательно установленный перечень таких требований мы сталкиваемся с проблемой: закон о МКА и закон об арбитраже подробно регламентирует только требование к форме соглашения, нивелируя прочие параметры. Исследователи

настоящего вопроса связывают пробел правовой регламентации с тем, что, в частности, закон о МКА основан на Типовом законе о международном торговом арбитраже ЮНСИТРАЛ 1985 г., «который подробного регулирования вопроса действительности оговорки не содержит» [1]. Разработчики документа полагались на детализацию параметров действительности национальным правом и судебной практикой. Однако российская правовая система, которая во многом испытывает «необоснованный страх» перед арбитражем, оставила вопрос определения параметров действительности будущим поколениям.

Определенные выводы позволяет сделать Нью-Йоркская конвенция 1958 г. [2] и анализ отечественной судебной практики [3]. Содержащиеся в ней правила определения действительности сводятся к пяти конститутивным элементам:

1. Соответствие арбитражной оговорки законам места арбитража.
2. Соблюдение формы арбитражного соглашения.
3. Свободное волеизъявление сторон на определение места арбитража, отсутствие принуждения.
4. Идентификация арбитражного органа.
5. Арбитрабильность спора, подлежащего рассмотрению и разрешению в арбитраже.

При этом Верховный суд РФ не раз разграничивал термины недействительность, неисполнимость, утрата силы арбитражного соглашения [4]. В Определении ВС РФ от 12 июля 2017 г. № 307-ЭС17-640 по делу № А56-13914/2016 высшая инстанция в очередной раз отметила, что под исполнимостью арбитражного соглашения понимается то, что стороны «определили конкретное место рассмотрения спора, то есть выбрали действующее арбитражное учреждение или определили процедуру формирования суда, а также то, что на момент возникновения спора арбитражное соглашение не утратило силу».

Оговорка будет дефектной, если ее содержание не будет отвечать требованиям эффективности, действительности и исполнимости [5]. Основные случаи дефекта сводятся к следующему [6]:

1. Неправильное наименование места арбитража.
2. Неточное указание применимого права.

3. Неправильное определение предмета и существа споров, передаваемых в арбитраж.

4. Совмещение двух и более механизмов разрешения споров (данный случай дефектности автор считает неоднозначным, так как Верховный Суд РФ указал на допустимость альтернативных оговорок в Обзоре практики от 26 декабря 2018 г. [7]).

Представляется целесообразным рассмотреть конкретные примеры патологических арбитражных оговорок и их правовые последствия. Так, в «деле Финвижн» (дело № А04-1784/2019) суды, комментируя арбитражное соглашение о колл-опционе от 26 августа 2016 года о передаче споров между сторонами в LCIA, признали данную оговорку неисполнимой. Причина кроется в том, что заключенная до 01 февраля 2017 г. оговорка нарушала требования законодательства, императивно запрещавшего передавать корпоративные споры третейским судам (01 февраля 2017 г. — пресекательная дата. Оговорки, заключенные ранее этого срока, не могут считаться исполнимыми в соответствии с п. 7 ст. 13 Федерального закона от 29 декабря 2015 года № 409 [8]). Подобная квалификация вызывает сомнения, но факт остается фактом — государственный суд признал арбитражную оговорку неисполнимой в связи с нарушением закона.

Еще один пример признания арбитражной оговорки дефектной произошел в 2018 г. при рассмотрении заявления люксембургской компании «DMM» о признании решения Международного арбитражного суда при Международной торговой палате о взыскании убытков, процентов и судебных расходов с российской компании «Инжтрансстрой» (дело № А40-176466/2017). Однако Арбитражный суд г. Москвы счел, что у иностранного арбитража не было полномочий по рассмотрению спора в связи с дефектностью арбитражного соглашения. По мнению суда, стороны в оговорке не договорились о месте проведения арбитража, согласовав только правила процедуры. Стоит упомянуть о резонансном характере описанного спора, поскольку стороны в качестве арбитражной оговорки использовали типовое соглашение, составленное Международной торговой палатой.

Вместе с тем вышеуказанный спор демонстрирует проблему иного порядка: справедливо ли признавать арбитражную оговорку

дефектной (патологической) в связи с тем, что стороны некорректно указали место проведения арбитража или регламент рассмотрения спора? Практика свидетельствует об утвердительном ответе на сформулированный вопрос.

Логика в тенденции признавать арбитражную оговорку неисполнимой есть (при описанных условиях): не все арбитражные институции могут позволить себе рассмотреть отнесенный к их подсудности спор по правилам другого регламента. Например, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП) рассматривает спор в соответствии с ФЗ о МКА и Регламентом, утвержденным ТПП РФ. Следовательно, арбитры не смогут вынести решения по регламенту ICC или HKIAC.

Практика МКАС при ТПП подтверждает сказанное: Решение МКАС от 8 апреля 2002 г. по делу № 195/2000: «МКАС не может рассматривать споры на основе Регламента МТП и выступать в качестве арбитражного органа по данному делу …».

Таким образом, дефектность арбитражных соглашений обуславливается целым рядом факторов. В любом случае, сторонам следует ответственно подходить к согласованию содержания арбитражной оговорки, поскольку в противном случае это приведет к признанию ее неисполнимой, что парализует правовой эффект от ее действия.

Литература

1. *Ванеев А.С.* Действительность арбитражной оговорки в российской и зарубежной практике // А.С. Ванеев, Д.Б. Дякин // Вестник международного коммерческого арбитража. — 2010. — № 1. — С. 39.
2. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 год) (Нью-Йоркская конвенция): Конвенция вступила в силу 7 июня 1959 года (статья XII). — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
3. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 28 ноября 2008 г. по делу № А53-11666/08-С2- 42 (определением ВАС РФ от 26 февраля 2009 г. № 16894/08 в передаче дела в Президиум ВАС РФ для пересмотра в порядке надзора отказано).
4. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 26 июня 2008 г. по делу А-32-958/2008-16/19.

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 16 июля 2013 г. № 2572/13 по делу № А27-7409/2011. — Текст: электронный // www.kadarbitr.ru
6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.10.2012 № 1831-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2013. — № 2.
7. Eisemann F. La clause d'arbitrage pathologique. Commercial Arbitration Essays in Memoriam Eugenio Minoli. U.T.E.T., 1974.
8. *Николюкин С.В.* Дефекты арбитражного соглашения: проблемы и пути их разрешения // Право и экономика. — 2009. — № 7.
9. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018.
10. *Васин Е.* Об исполнимости арбитражных соглашений, заключённых в отношении корпоративных споров до 01 февраля 2017 года: возможное влияние дела «Евроцемент» на «исполнимость» арбитражных соглашений. — Текст: электронный — URL: https://zakon.ru/blog/2019/10/08/ob_ispolnimosti_arbitrazhnyh_soglashenij_zaklyuchyonnyh_v_otnoshenii_korporativnyh_sporov_do_01_fevr#_ftn5

Землянская Надежда Владимировна,
студент Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Угрозы, возникающие при неправомерном использовании инсайдерской информации и манипулировании рынком, и их влияние на экономическую безопасность государства

Аннотация: *В статье рассмотрены основные причины негативного влияния использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Выявлены ключевые угрозы, которые могут способствовать нарушению национальных интересов, а также защищенности институтов власти и социально ориентированному развитию государства.*

Ключевые слова: *инсайдерская информация, манипулирование рынком, угроза, экономическая безопасность.*

Nadezhda Vladimirovna Zemlyanskaya,
student of the Faculty of National Security, ILNS of RANEPA

Threats arising from the misuse of insider information and market manipulation, and their impact on the economic security of the state

Abstract: *The article examines the main reasons for the negative impact of the use of insider information and market manipulation, as well as identifies key threats that can contribute to the violation of national interests, as well as the protection of government institutions and the socially oriented development of the state.*

Keywords: *insider information, market manipulation, threat, economic security.*

Экономическая безопасность государства находится в зависимости от многих факторов, в числе которых стабильное функционирование финансовой системы, а также устойчивое развитие и поступательный рост фондового рынка.

Этому способствуют следующие причины.

1. Государство признает общественную опасность неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Это подтверждается периодическим внесением изменений в Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодей-

ствии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Также введена административная [1] и уголовная [2] ответственность за свершение данного вида неправомерных деяний.

2. Отрицательное влияние на степень эффективности рынка, которое находится в сильной зависимости от полноты информации, играющей важную роль в обеспечении экономической безопасности государства.

3. Дестабилизация рыночных механизмов через нарушение экономического закона о балансе спроса и предложения, а также через игнорирование правил добросовестной конкуренции.

4. Существенный вред интересам всех субъектов рынка, не только фондового, но и других. Это приведет к неэффективному функционированию капитала в сфере финансовых рынков и отсутствию его продуктивного использования.

5. Нарушение стабильности работы предприятия, в отношении которого была раскрыта инсайдерская информация.

Таким образом, неправомерные деяния деструктивно сказываются на состоянии экономики, на факторах ее защищенности. Неправомерные деяния могут способствовать нарушению национальных интересов, а также защищенности институтов власти и социально ориентированному развитию государства. Именно поэтому исследуемый вопрос является сущностным и актуальным в рамках обеспечения экономической безопасности государства.

Для начала определим, что под угрозой понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба экономическим интересам [3].

Объектом защиты при неправомерном использовании инсайдерской информации и манипулировании рынком выступает экономическая система России.

Таким образом, можем определить, что в качестве неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком понимаются те угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства, которые негативно влияют на экономическую безопасность государства через дестабилизацию фондовых и иных рынков.

Одной из угроз в зависимости от действий инсайдера является злоупотребление доступом к конфиденциальной информации. Данный тип угрозы характеризуется наличием соответствующего права сотрудника на использование того или иного вида конфиденциальной информации, которая относится к инсайдерской. В данном случае присутствуют все три критерия категории «угроза» (силовая возможность, направленность на интерес, негативное воздействие).

Манипулирование может создавать угрозу негативного воздействия на естественный процесс ценообразования активов, которые обращаются на рынке. Из-за этой угрозы торговля перестает быть справедливой, так как участники рынка находятся в разных условиях обладания информацией. Происходит нарушение принципов свободной конкуренции, отсутствует благоприятная конкурентная среда в экономических сферах деятельности хозяйствующих субъектов и государства в целом. Посредством манипулирования невозможно полноценное функционирование закона спроса и предложения.

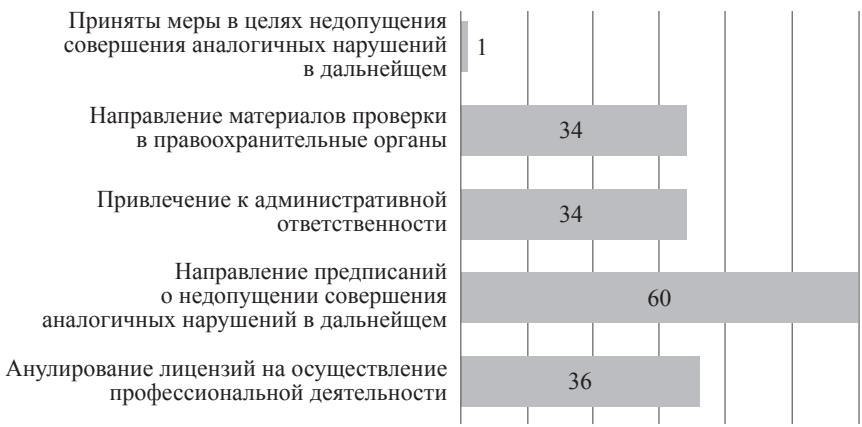
Следующей угрозой, возникающей в связи с неправомерным использованием инсайдерской информации и манипулированием рынком, выступает кадровый персонал, обеспечивающий достижение целей той или иной организации. Недостаточно требовательный подход к подбору кадров, который имеет доступ к конфиденциальной информации, оказывает сильное влияние на экономическую безопасность конкретного хозяйствующего субъекта. Это объясняется тем, что осуществляется некачественный подбор персонала. Отсутствие должного контроля и отбора кадров предполагает риск принятия на работу лиц, которые изначально заинтересованы в получении инсайдерской информации.

Существенной для экономической безопасности государства выступает угроза дисбаланса финансирования отраслей. Усиление колебаний конъюнктуры мировых торговых и финансовых рынков образуют сильные диспропорции. И как следствие этого, возникает заинтересованность для поиска и использования инсайдерской информации. Можно предположить, что перекосы в структуре рынка ценных бумаг, сильные скачки котировок и объемов продаж тех или иных активов есть провокация для того, чтобы именно в этот период воспользоваться инсайдерской информацией для получения дополнительного сверхдохода.

Еще одной угрозой выступает отсутствие эффективного правового механизма привлечения в России к уголовной ответственности. Для этого необходимо обратиться рисунку, который составлен на основе информации, приведенной в Перечне выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком [4].

Очевидно, что удельный вес представленных мер составляет предписания о недопущении совершения аналогичных нарушений в дальнейшем, которые направляются нарушителям. За период ведения перечня было возбуждено всего 10 уголовных дел, ни одно из которых не наказывалось лишением свободы [4]. Лишь однажды в статистике встретилось дело, в котором мерой наказания выступило условное лишение свободы, все остальные ограничились штрафом или иными более мягкими видами наказания. То есть из 100% дел, переданных в правоохранительные органы, далее возбуждаются только 29%.

Если воспользоваться формулой эффективности (выражает степень эффекта в самом общем виде, равна отношению результатов и затрат), то показатель эффективности наказаний за неправомерные



Статистика мер, принятых Банком России в случаях неправомерного использования инсайдерской торговли и манипулировании рынком

Рисунок составлен автором по материалам [5].

деяния в данном случае будет равняться 0,06 или 6%. (Тем временем в США за 2012 год было заведено в общей сложности 462 дела, что в 13 раз больше, чем в России за период с 2010 по 2020 гг.)

Недостаточное наказание за неправомерные деяния в сфере использования инсайдерской информации и манипулировании рынком негативно сказывается на экономической безопасности государства. Это объясняется тем, что главная функция наказания в уголовном праве — социальная. Она выражается в борьбе с преступностью и в защите общества от негативных посягательств. А в рассмотренном случае из 165 неправомерных деяний всего лишь 10 наказываются. В свою очередь 9 из 10 наказываются штрафами. Но очевидно, что людям, обогатившимся на использовании инсайдерской информации или манипулировании рынком, не составит труда найти средства на штраф, максимальный размер которого составляет 1 млн рублей.

Таким образом, неправомерное использование инсайдерской информации и манипулирование рынком образует ряд существенных угроз для экономической безопасности государства, с которыми необходимо вести комплексную и систематическую борьбу.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 15 октября 2020 г., с изм. от 16 октября 2020 г.). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 октября 2020 г.). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
4. Перечень выявленных случаев неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком. Банк России: сайт. — URL: https://cbr.ru/inside/inside_detect/table/
5. Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенным наказания по УК. — Текст: электронный. — URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17

Зиновьева Анна Викторовна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Конституционное право граждан Российской Федерации на обжалование решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих

Аннотация: *В условиях стабильного развития демократического правового государства важную роль играет эффективное функционирование механизма взаимодействия правительственных структур с населением. Статья посвящена изучению современного правового регулирования обжалования решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *конституционное право, обжалование, решения, действия (бездействие), органы государственной власти, суд.*

Anna Viktorovna Zinovieva,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Constitutional rights of population to appealing decisions and actions (or inactions) of public authorities, municipal authority, officials and civil servants

Abstract: *In case of stable development of democratic polity based on the rule of law an important role plays effective functioning of the mechanism of cooperation between government structures and population. The article is dedicated to the study of modern legal regulation of appealing against decisions and actions (or inaction) of state authorities and officials in the Russian Federation.*

Keywords: *constitutional law, appealing, decisions, actions (inaction), public authorities, court.*

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации [1], Россия есть демократическое правовое государство, построение которого невозможно без наличия ответственности за неисполнение или нарушение закона всех субъектов правоотношений [2, с. 370]. В условиях демократии осуществление власти уполномоченными на то органами

подлежит контролю со стороны народа и исходящей от него легитимации в целях минимизации произвола и бюрократизма. Одной из форм такого контроля служит судебный надзор за законностью деятельности властных структур, реализация которого производится после рассмотрения жалоб населения на действия государственных служащих.

Наличие в нашей стране на протяжении длительного времени директивной системы управления нанесло серьезный отпечаток на формирование в обществе мнения о том, что предотвратить злоупотребление должностными лицами предоставленными им полномочиями невозможно. Начало решения этого вопроса приходится на 1990-е годы XX века в связи с оформлением законодательства о защите прав и законных интересов граждан и организаций от органов государственной власти. В условиях сложившегося конституционного кризиса, разрастания правового нигилизма и апатии населения закрепление данного правового института в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ [1] поистине стало конституционно-правовой ценностью — универсальным и приоритетным социальным принципом, формализованным в Основном законе и устанавливающим ориентир государственно-правового развития страны на основе баланса частных и публичных интересов [3, с. 23]. В свою очередь, Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что к решениям необходимо относить акты органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, государственных, муниципальных служащих и лиц, к ним приравненных, принятые единолично или коллегиально, содержащие властное волеизъявление и влекущие определенные правовые последствия для конкретных граждан и организаций [4].

Данный институт был подробно закреплен в Законе РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», в соответствии с абз. 1 ст. 1 которого каждый гражданин в случае неправомерных действий (решений) со стороны органов государственной власти вправе обратиться с жалобой к вышестоящему в иерархичном порядке государственному органу, органу местного самоуправления, должностному лицу. На рассмотрение жалобы отводится срок в один месяц, в случае его нарушения гражданин вправе обратиться напрямую в суд. При этом следует определить понятие такой формы обращения граждан,

как жалоба: согласно п. 4 ст. 4 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» она понимается как просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов. Обжалованию подлежат те акты, в результате которых были нарушены права и свободы гражданина, созданы препятствия к их свободной реализации или же незаконно возложена какая-либо обязанность.

В качестве примера можно привести решение Томского областного суда от 20 января 2020 г. по административному делу № 2А-296/2020. Судебная коллегия рассмотрела иск С.А. Родзевич о признании незаконными заключения межведомственной комиссии и постановления администрации города Томск. Из материалов дела следует, что Родзевич обратилась с просьбой провести комиссионное обследование на пригодность для проживания граждан в многоквартирном доме, в котором она являлась собственницей одной из квартир. Комиссией было вынесено необоснованное решение о размере износа здания, вследствие чего администрация города признала многоквартирный дом подлежащим капитальному ремонту, хотя его состояние оценивалось как аварийное. Данные действия напрямую нарушали конституционное право истца — право на жилище, закрепленное в ст. 40 Конституции РФ [1], — создавать условия для осуществления которого призваны органы государственной власти и органы местного самоуправления. Суд удовлетворил исковое заявление С.А. Родзевич в полном объеме и признал незаконными действия администрации Томска.

С внедрением современных цифровых технологий во все сферы общественной жизни, наряду с письменной формой обращения, была также закреплена форма электронного документа. Рассмотрение жалоб граждан в данном варианте позволяет в полной мере реализовать такие конституционные положения, как право на информацию и право граждан на ознакомление с документами и материалами государственных органов, затрагивающих их права и свободы [5]. Подобное обращение можно подать одним из четырех способов: 1) по электронной почте, что считается наиболее традиционным вариантом; 2) путем обращения в электронную приемную официального сайта властного органа в сети Интернет; 3) используя специализиро-

ванные правительственные интернет-порталы и приложения; 4) через специальные (ставшие привычными) терминалы, установленные в помещениях органов власти [6, с. 12].

Ярким примером такого приложения является проект для жителей Подмосковья «Добродел», с помощью которого граждане взаимодействуют с органами исполнительной власти и направляют предложения по различным проблемам. Площадка предоставляет возможность обсуждать локальные вопросы, выбирая подходящую категорию и тему сообщения. Быстрота процедуры впечатляет: сообщение подвергается обработке в течение двух дней и направляется на рассмотрение ответственному ведомству, определяющему точный срок выполнения. Также пользователи с помощью обратной связи могут оценить решение возникшего вопроса, согласившись или отказавшись от него, что признается толчком в рамках усиления взаимодействия населения с правительственными структурами. Однако из-за недостаточного развития цифровой среды в Российской Федерации можно столкнуться с проблемой, которая заключается в том, что электронные ресурсы по приёму заявлений от граждан могут быть перегружены, вследствие этого граждане не получают ответ в указанные сроки. Данная тенденция особенно прослеживалась в период пандемии, когда вся система государственных услуг за короткий временной промежуток была вынуждена перейти на удалённый формат. Исходя из этого, следует сделать вывод, что в настоящее время проблема установления контакта между государственными органами и гражданами все ещё требует к себе повышенного внимания в силу новизны института информационной среды и нехватки инновационных ресурсов.

В заключение отметим, что право оспаривания действий (бездействия) или решения уполномоченных служащих и органов выступает своеобразной формой социального контроля и позволяет, пусть даже опосредованно, участвовать в управлении делами государства и общества. С учетом возникновения проблем его реализации необходимо внести изменения в действующее законодательство и расширить круг субъектов и адресатов упомянутого права, а также принять меры, направленные на ускоренное внедрение цифровых технологий, позволяющих своевременно устранить случаи нарушения прав и интересов граждан неправомерными действиями представителей власти.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. Т. 1. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 864 с.
3. *Ройзман Г.Б.* Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. Право. — 2012. — №1 (255). — Вып. 31. — С. 18–24.
4. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 2 г. Москва. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения судами общей юрисдикции поступающих в электронной форме обращений граждан (физических лиц), организаций (юридических лиц), общественных объединений, органов государственной власти и (или) органов местного самоуправления: Постановление Президиума Совета судей РФ от 21 июня 2010 г. № 229 (ред. от 23 мая 2016 г.). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
6. *Савоськин А.В.* Способы подачи электронных обращений в России (проблемы правового регулирования и практики) // Информационное право. — 2016. — № 3. — С. 12–16.

Кащенко Екатерина Николаевна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Правовое регулирование таргетированной рекламы

Аннотация: *Предметом статьи стало использование таргетированной рекламы с точки зрения её правового регулирования. Разные интернет-площадки зарабатывают деньги за счёт использования персональных данных пользователей, которые предоставляются третьим лицам. При этом пользователи не всегда знают о том, кому, как и в каком объеме предоставлен доступ к их личным данным. В статье используются данные опроса, который показал, что большая часть респондентов часто задает себе вопрос, каким образом производители таргетированной рекламы получают информацию из поисковых запросов, личной переписки, телефонных разговоров. Высказаны предложения по правовому регулированию таргетированной рекламы.*

Ключевые слова: *правовое регулирование таргетированной рекламы, таргетированная реклама, персональные данные, неправомерный доступ к личным данным, деобезличивание, передача данных третьим лицам.*

Ekaterina Nikolaevna Kashchenko,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Legal regulation of targeted advertising

Abstract: *The subject of consideration is the use of targeted advertising from the point of view of its legal regulation. Various Internet sites earn money by using users personal data, which is provided to third parties. At the same time, users do not always know who is granted access to their personal data, how and to what extent. The article uses data from a survey that showed that most respondents often ask themselves how the producers of targeted advertising get information from search queries, personal correspondence, and telephone conversations. Some suggestions were made on the legal regulation of targeted advertising.*

Keywords: *legal regulation of targeted advertising, targeted advertising, personal data, unauthorized access to personal data, de-anonymization, transfer of data to third parties.*

Все мы окружены рекламой: в магазине, на улице, в общественном транспорте, дома, она поджидает нас в телевизоре и Интернете.

«Реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке», так сформулировано это поня-

тие в ст. 3 Федерального закона «О рекламе». Закон регулирует сферу размещения и распространения рекламы: что является или не является рекламой, какие товары не могут рекламироваться; каким образом не может рекламироваться продукт; какие слова и изображения не могут использоваться; ограничения возрастных групп и т.д. [1]. Но в законе нет статей, которые были бы посвящены рекламе в сети Интернет. Популярная сегодня таргетированная реклама и ее методы не регулируются в данном законе, но попадают, однако, в сферу действия Федерального закона «О персональных данных» (например, запрет для операторов без письменного согласия пользователя передавать данные третьим лицам) [2].

Таргетинг позиционируется как механизм, который на данный момент позволяет наиболее эффективно привлекать потенциальных потребителей посредством интернета. Этот вид рекламы позволяет выделить из миллионов людей целевую (т.е. подходящую под заданные характеристики) аудиторию и демонстрировать рекламу только ей.

Интересы, увлечения, хобби, возраст, пол — вся эта информация помогает определить любого из нас как целевую аудиторию и предложить продукт, который скорее всего нас заинтересует.

Вместо того, чтобы тратить сотни тысяч рублей на показ рекламы в интернете всем доступным пользователям и получать не очень большой отклик, рекламодатели используют таргетинг — и, из-за уменьшения количества показов, тратят на рекламу меньше, а получают, из-за заинтересованности целевой аудитории, большую посещаемость. И у них повышаются продажи. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что для рекламодателей в интернете таргетированная реклама в настоящее время наиболее эффективна и удобна.

Таргетологи имеют широкие возможности для подбора целевой аудитории, они используют различные настройки (т.е. профилирование): географические, демографические (пол, возраст), поведенческие, социальные характеристики (семейное положение, уровень дохода, образование, профессия).

Некоторые рекламодатели пользуются услугой геотаргетинга — объявление будут видеть люди, находящиеся в определенном месте, например, в радиусе километра от торгового центра [3]. Карты постоянного покупателя также помогают собирать нужную информацию, по ним анализируется список покупок, выявляются покупатели с по-

хожим вкусом, предлагаются товары, которые могут им подойти и которые они еще не успели купить. Существует возможность настроить рекламу по поведению в интернете, истории посещения сайтов, в зависимости от времени, предполагаемых интересов и даже по погоде в регионе (по виду осадков, силе ветра, температуре, давлению).

Пользователи сами предоставляют всю нужную информацию, иногда даже не замечая этого — дают разрешение на обработку персональных данных при приобретении карты лояльности, регистрации в социальной сети, приложении; указывают свой возраст, пол, город проживания, свои интересы (некоторые социальные сети предлагают сделать это сразу же при регистрации); добавляют друзей, подписываются на интересные сообщества, оставляют комментарии, делятся информацией на своих страницах и т.д.

Таким образом, предоставляя данные разным площадкам, пользователи как посредники автоматически помогают рекламодателям зарабатывать на этом деньги, не на продаже товаров, а на продаже доступа к данным других лиц. Обмен денег идет между рекламодателями и площадкой, а пользователи пытаются найти способ защитить свои персональные данные.

Стоит заметить, что эти данные, даже в такой системе, должны оставаться у рекламодателя обезличенными, анонимными.

Соответственно возникает вопрос возможности деобезличивания персональных данных. При таком количестве собранной о человеке информации (местоположение, геолокация, интересы, образование и т.д.) — это не представляет большой сложности.

По результатам опроса, проведенного с помощью Google Форм на личной странице социальной сети ВКонтакте с 4 по 11 декабря 2020 г., в котором участвовали 87 человек в возрасте от 16 до 50 лет, выяснилось, что 68% пользователей сталкивались с тем, что им предлагали рекламу после упоминания товара в переписке. Также было обнаружено, что в Инстаграме, например, переписка может быть «автоматизированно» проанализирована, и на этой основе может предоставляться реклама [4]. Среди опрошенных: 78% — считают это недопустимым; 64% — сталкивались с рекламой после упоминания товара в разговоре; 91% — после упоминания товара в другой социальной сети или браузере. Что это — случайность, совпадение, норма или нарушение закона?

Случаи, доказывающие, что нарушения в сфере рекламной деятельности, такие, как передача и распространение данных третьим лицам без письменного соглашения со стороны пользователя, а также нарушение анонимности персональных данных, далеко не редкость. А при таргетинге этот риск возрастает многократно.

В апреле 2019 года агентство Bloomberg сообщило о нарушениях со стороны компании Amazon, имеющей собственный голосовой помощник Alexa. Тогда стало известно, что сотрудники Amazon не только записывают разговоры, но и прослушивают их, а впоследствии выкладывают в общие чаты [5].

Известно также о скандале с прослушкой в Apple — в приложении «Рация» была найдена уязвимость, позволяющая прослушать iPhone без согласия его владельца [6].

Между МГТС и рядом компаний были заключены договоры о предоставлении информации о запросах абонентов к сайтам с целью последующего целевого размещения рекламы. Судом было установлено, что получаемая таким образом информация позволяет прямо или косвенно идентифицировать пользователя как определенное физическое лицо (субъект персональных данных). При этом суд подчеркнул, что предоставление указанных данных третьим лицам может осуществляться только с согласия абонентов, но подтверждающих это документов представлено не было [7].

В апреле заведующий кафедрой европейского права Гуманитарного университета Екатеринбурга Антон Бурков подал иск против ООО «Гугл» в Замоскворецкий суд, поскольку контекстная реклама, предложенная ему в почтовом сервисе корпорации, была подобрана после прочтения его электронной почты. В сентябре 2015 г. Мосгорсуд решил, что ООО «Гугл» несет ответственность за работу в России, при этом отображение контекстной рекламы на основании информации из писем пользователей является нарушением тайны личной переписки. Суд удовлетворил апелляционную жалобу и постановил взыскать с компании 50 тыс. рублей в качестве компенсации морального ущерба [8].

Реклама постоянно вмешивается в нашу жизнь — мы совершаем покупки и общаемся в интернете, получаем оттуда информацию и все более таргетированную, направленную на каждого, рекламу. Общеизвестный факт, что Фейсбук, Инстаграм, Гугл, Ютуб и пр. зараба-

тывают миллиарды долларов благодаря показу рекламы, они живут за счет этого [9].

По мнению экспертов, учитывая специфику интернет-маркетинга, необходимо правовое регулирование данной сферы.

Юрист практики по интеллектуальной собственности и информационным технологиям АБ «Качкин и Партнеры» Максим Али сказал: «Если компании, специализирующиеся в данной области, до недавнего времени еще могли рассчитывать на “серые” данные, которые собирает оператор связи, то в ближайшей перспективе легальное использование данного источника поставлено под вопрос, учитывая намечающиеся тенденции в судебной практике».

По его мнению, в современных условиях обмена и обработки данных пользователей, они зачастую потенциально могут быть деобезличены, а значит, получаемые в ходе таргетинга данные приобретают статус персональных данных, что влечет соответствующие правовые последствия для лиц, осуществляющих обработку [10].

Поскольку сейчас реклама в интернете попадает под положение закона «О рекламе», но особенностей для такого способа ее размещения нет, можно оценить такую рекламу только с точки зрения содержательной составляющей, либо требований, предъявляемых к рекламе отдельных видов товаров.

Таргетированная реклама не может осуществляться без четкого правового регулирования, а учитывая ее специфику, указанные данные должны предоставляться исключительно при наличии согласия пользователя. Такие меры приведут к снижению эффективности интернет-маркетинга, но, с другой стороны — это необходимая мера обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных [10].

Пока правовая культура интернет-маркетинга в нашей стране только формируется, очевидно, что его деятельность должна быть регламентирована. Для сохранения тайны личности и ее персональных данных стоит, наверное, внести соответствующие изменения в закон для установления порядка или каких-то критериев размещения и способов распространения таргетированной рекламы в интернете. Например, можно использовать радикальные меры и запретить ее, однако с этим не согласны почти треть опрошенных, потому что считают ее полезной.

Для правового регулирования таргетированной рекламы предлагаю следующее:

— в ФЗ «О рекламе» добавить пункт, который регулировал бы любую рекламу в сети Интернет;

— в ФЗ «О персональных данных» дать определение персональных данных и их ограничение (какие данные возможно и в каком суммарном составе использовать, а какие нет, т.е. ту совокупность, которая может деанонимизировать личность);

— пользователю при запросе персональных данных давать реальный выбор (а не полностью ограничивать доступ к приложению из-за отказа доступа к камере или микрофону);

— обязать платформы, размещающие таргетированную рекламу, давать пользователю реальную возможность отказаться от таргетированной рекламы (в настоящее время многих не устраивает такое использование их данных, но отказаться от этого очень трудно и не всегда ясно, как это происходит на разных площадках, — в качестве компенсации пользователь может, например, выплачивать определенную ежемесячную сумму);

— обязать платформы предоставлять пользователям всю информацию о переданных личных данных (кому, какие именно, когда и в каких целях);

— как альтернативный вариант — отдельным пунктом передать реальную возможность самому пользователю давать о себе информацию (в каком количестве, кому и зачем можно передать его данные);

— обеспечить защиту тайны личных переписок (в Инстаграме, например, (и об этом мало кто знает!) переписки могут быть «автоматизированно» проанализированы и на основе этого анализа — даваться реклама — п. 1 в политике использования данных Инстаграм).

Литература

1. О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (последняя редакция). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (последняя редакция) — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. Настройка аудитории рекламы. — Текст: электронный. — URL: https://target.my.com/pro/education/online-course/creating-ad-campaign/audience

4. Политика использования данных Instagram. — Текст: электронный. — URL: https://ru-ru.facebook.com/help/instagram/519522125107875
5. Amazon Workers Are Listening to What You Tell Alexa. 11 апреля 2019 г. // — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-04-10/is-anyone-listening-to-you-on-alexa-a-global-team-reviews-audio
6. *Герасюкова М.* Часы шпиона: как Apple Watch прослушивали айфоны // Газета.Ру. — 2019. 11 июля. — URL: https://www.gazeta.ru/tech/2019/07/11/12492349/watch_listening.shtml
7. *Макейчук А.* Сколько стоят ваши данные? // Адвокатская газета. — 2017. 16 июня. — Текст: электронный. — URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/skolko-stoyat-vashi-dannye/?sphrase_id=121846
8. Штраф по переписке. — Текст: электронный. // — URL: https://www.rbc.ru/society/17/09/2015/56bc9d559a7947299f72bb60
9. Instagram Brings In More Than a Quarter of Facebook Sales. 4 февраля 2020 г. — Текст: электронный. — URL: https://www.bloomberg.com/ news/articles/2020-02-04/instagram-generates-more-than-a-quarter-of-facebook-s-sales?sref=cus85deZ
10. *Баранов О.* Рекламный таргетинг в законе. Московский арбитражный суд решил, что данные для таргетированной рекламы не могут передаваться третьим лицам. — Текст: электронный. // Адвокатская газета. — 2017. 18 апреля. — URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/reklamnyy-targeting-v-zakone

Кобозев Сергей Михайлович,
магистрант Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Кадровое обеспечение как условие успешной диверсификации предприятий оборонно-промышленного комплекса в контексте достижения целей национального развития Российской Федерации

Аннотация: *Оборонно-промышленный комплекс является одним из основных элементов национальной безопасности и обороны государства и относится к числу сегментов российской экономики, сохранивших наиболее значимую часть производственного и интеллектуального потенциала.*

В современных условиях необходимо решить проблему обеспечения ОПК кадрами высокой квалификации. В новых промышленных реалиях востребованными кадрами станут инженеры, сочетающие фундаментальное образование и творческий креативный подход в проектировании и создании инновационного продукта. Важно

максимально приблизить профессиональное образование к требованиям реального производства. Необходимо формирование у работников компетенций по внедрению в производство гражданской продукции и продвижению ее на рынок, совершенствование мотивационных механизмов и создание условий для карьерного роста специалистов, обладающих задатками технологических лидеров, а также развитие новых эффективных инструментов взаимодействия государства и бизнеса. От решения этих вопросов напрямую зависит внедрение в производство инновационных и импортозамещающих технологий, современных методов и средств цифрового проектирования, а в конечном счете — повышение конкурентоспособности отечественной продукции.

Ключевые слова: *оборонно-промышленный комплекс, кадровое обеспечение оборонно-промышленного комплекса, диверсификация оборонно-промышленного комплекса.*

Sergey Mikhailovich Kobozev,
master's student, Faculty of National Security, ILNS RANEPA

Supply withstaff as condition for succesful diversification of enterprises of the military-industrial complex in the context of achieving the national development goals of the Russian Federation

Abstract: *The defense industry complex is one of the main elements of the national security and defense of the state and is one of the segments of the Russian economy that have retained the most significant part of the production and intellectual potential.*

In modern conditions, it is necessary to intensify the solving of the problem of providing the defense industry with highly qualified staff. In the new industrial realities, engineers who combine fundamental education and a creative approach in designing and creating an innovative product will become in-demand personnel. It is important to bring professional education as close as possible to the requirements of real production.

It is necessary to develop competencies among employees to introduce civilian products into production and promote them in the market, improve motivational mechanisms and create conditions for the career growth of specialists with the makings of technological leaders, as well as develop new effective tools for interaction between the state and business. Theimplementationof innovative and import-substituting technologies of modern methods and means of digital design directly depends on the solution of these issues, and in accordance with the instructions — increasing the competitiveness of domestic products.

Keywords: *Military-industrial complex, supply of staff of the military-industrial complex, diversification of the military-industrial complex.*

По данным Экспертного совета Председателя коллегии Военно-промышленной комиссии Российской Федерации, снижение оборонного заказа может вызвать большое количество сложностей

для множества предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК):

— сокращение или остановку производства;

— снижение рентабельности;

— перевод работников на сокращенную неделю или в неоплачиваемые отпуска.

Для государства подобная ситуация является угрозой национальной безопасности в социальном и политическом аспектах. На предприятиях ОПК занято не менее 2 млн человек, что составляет около 30% от общего числа работающего населения.

Определяющим звеном работы ОПК являются высококвалифицированные кадры. Данный сектор экономики очень чувствителен к уровню квалификации сотрудников, важны компетенции не только рабочих, инженеров и разработчиков, но и взаимосвязь с высокотехнологичными производствами других секторов экономики.

Анализ текущего состояния системы подготовки кадров показывает, что наиболее серьезными проблемами, требующими безотлагательных действий на государственном уровне, являются:

— устаревшие материалы и технологическая инфраструктура;

— заказы на НИОКР и отсутствие необходимого финансирования, которые нарушают основные принципы технического образования;

— резкое сокращение финансирования структурной фрагментации университетов: второстепенных и профильных факультетов, государственных департаментов;

— отсутствие системы трудоустройства выпускников ВУЗов, где выбор специальности зачастую зависит от наличия бюджетных мест в университете, прогнозирующих потребность рынка труда через 5–6 лет;

— увольнение молодых профессиональных руководителей в компаниях оборонно-промышленного комплекса из-за низкой заработной платы, неуверенности в долгосрочных перспективах компаний и нестабильности национальной политики в оборонно-промышленном комплексе;

— отсутствие у промышленных предприятий государственного заказа и перспективного плана по созданию образцов военной техники, потому что плана по военному сектору нет. В таких ситуациях

компании не могут предварительно заказать целевое обучение из-за своих возможностей;

— нарушение «технологии» разработки и производства продукции ОПК, неотъемлемой частью которой были обучение и переподготовка кадров.

Предприятия оборонно-промышленного комплекса в России сталкиваются с рядом проблем, препятствующих их переориентации на выпуск продукции гражданского назначения (ПГН). К основным из них можно отнести:

— отсутствие у руководителей предприятий четкого понимания процессов диверсификации производства;

— недостаток мотивированности руководящего звена предприятия;

— отсутствие у руководителей планов и целей;

— дефицит идей и проектов, необходимых для производства продукции гражданского назначения;

— недостаток финансирования проектов;

— отсутствие частных инвесторов;

— нехватка высококвалифицированных кадров и компетенций.

Для решения всех этих вопросов необходим комплекс мер, включающих принятие технологических, финансовых и кадровых решений.

Например, в Государственную корпорацию «Ростех» входит ряд авиационных холдингов, таких как «Вертолеты России», АО «Технодинамика» и проч. При анализе этапов жизненного цикла ПГН были сформированы предложения, характерные для всех холдингов. Но дальнейший анализ показал, что не более 15 из них имеют высокий уровень реализуемости на местах: создание резерва управленческих кадров; установка обязательных квот закупок продукции гражданского назначения у отечественных производителей в рамках реализации национальных проектов; совершенствование механизма кредитования предприятий ОПК и проч.

Проекты по диверсификации предприятий ОПК во многом зависят от государственной поддержки. Так, например, 17 сентября 2020 г. принято Постановление Правительства № 459 для финансирования гражданских инвестиционных проектов по льготной кредитной ставке и расширены случаи применимости этого постановления.

Также в рамках работы Фонда развития промышленности в 2020 году была принята программа «Конверсия». Она подразумевает предоставление займов под 1% и 3% годовых для проектов по внедрению и разработке высокотехнологичной продукции, разработку и реализацию проектов передовых технологий и организацию импортозаменяющих производств. Льготные займы будут составлять от 200 до 750 млн руб. на срок до пяти лет. Главным критерием по отбору участников является их нахождение в реестре предприятий ОПК [1].

Требования для успешной диверсификации в оборонно-промышленном комплексе высоки. Для их успешной реализации необходимо учитывать потребность в высоком уровне компетенции сотрудников, персонала промышленного производства. Данная отрасль является наукоемкой и предъявляет высокие требования к уровню образованности.

В связи с диверсификацией и реструктурированием действующих предприятий усилилась организаторская роль инженера. В соответствии с ужесточающимися требованиями к персоналу, он принимает на себя роль руководителя, организатора производства, влияющего на работу всей отрасли в целом, а не только технического исполнителя как это было ранее.

Качество выпускаемой продукции и ее конкурентоспособность на рынке напрямую зависят от уровней компетенции всего технического персонала. Именно это является необходимым фактором для успешной диверсификации.

Поэтому уровень квалификации не только инженеров, но и сотрудников с начальным и средним профессиональным образованием в значительной степени влияет на качество продукта.

В настоящее время ситуация в оборонно-промышленном комплексе меняется и это, в свою очередь, влечет ряд изменений к требованиям, предъявляемым к инженерно-техническому составу:

— продукция ОПК становится все более наукоемкой, усложняются методы исследования и сам процесс их разработки, испытания и контроль, ужесточаются требования к информационным ресурсам, все это в совокупности влияет на увеличении значения инженерного труда;

— увеличивается ответственность инженера на всех этапах производственного цикла;

— рекомбинируется и переназначается влияние инженерного труда на различных этапах производства, перераспределение происходит с этапов производства и обслуживания в сторону проектирования и разработки продукции;

— в связи с увеличивающейся степенью автоматизации снижается участие человека в производственном процессе. Это влечет снижение участия инженерного труда в самом процессе производства, т.к. при высоком уровне автоматизации требования к квалификации сотрудников снижаются, и в этот момент на замену высококвалифицированным инженерам приходят менее квалифицированные операторы;

— но при этом увеличивающаяся автоматизация процессов, применяющих технологически сложное оборудование, влечет повышение квалификации их создателей — инженеров-разработчиков и усиление роли инженерного корпуса в целом [2].

Впоследствии это приводит:

— к корректировкам и изменениям обучающего процесса;

— к изменению требований к квалификации и компетенции профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений;

— к изменению образовательного подхода в сторону проблемно-ориентированного, уменьшению доли теоретизированности обучения, формированию новых взаимосвязей между учебными программами и образованием;

— к необходимости корректировки образовательного процесса, формированию новых инновационных образовательных структур и подразделений.

Специфика деятельности инженеров-исследователей, инженеров-производственников, инженеров-эксплуатационщиков, а также сотрудников среднетехнической и рабочей квалификации требует различного комплексного подхода при подготовке кадров.

Необходимость продиктована различиями требований, которые предъявляются к различным группам персонала, работающим на предприятиях ОПК.

Поэтому важный аспект подготовки кадров — развитие профессиональных, социальных и личностных качеств и навыков. Для этого необходимо наличие высококвалифицированного педагогического состава, соответствующего постоянно возрастающим требованиям.

Изменений требует и подход к результату профессиональной подготовки не только инженерного состава, среднетехнического персонала, но и квалифицированных рабочих.

Для решения задач, поставленных в сфере развития кадрового потенциала предприятий ОПК, необходимо создание образовательных организаций нового типа, так называемых консорциумов. А также объединение консорциумов в новые современные образовательные структуры и научно-образовательные холдинги [3].

Во многих случаях действия органов Федеральной службы занятости в соответствующих сферах недостаточно эффективны для решения кадровых вопросов. Последние будут оказывать содействие в трудоустройстве в соответствии с соглашениями, подписанными с предприятиями и организациями оборонной промышленности, и в приоритетном порядке осуществлять переподготовку и переквалификацию работников, нанятых на новые рабочие места, созданные в рамках программы переподготовки.

Прогнозируя ситуацию в этой сфере на 5–7 лет можно сделать следующие предположения: увольнение сотрудников и естественная текучесть кадров. Из-за нехватки персонала на всех этапах жизненного цикла продукта системы, создающие новые типы оборудования, не могут работать эффективно.

В этом случае экстренные меры в области развития человеческих ресурсов не дадут результатов, так как уровень их развития более инерционный механизм, чем уровень технической подготовки производства.

Внедрение систем мониторинга персонала на предприятиях ОПК позволяет заложить основу для принципиально нового направления развития человеческого капитала на предприятиях оборонной промышленности, что, в свою очередь, решит множество задач в сфере обучения.

В последнее время на предприятиях ОПК наблюдаются положительные тенденции. Например, снижение среднего возраста сотрудников. На конец 2019 г. показатель доли персонала в возрасте до 35 лет превысил 30%. Кроме того, за последние пять лет на предприятиях ОПК происходит постоянное повышение оплаты труда специалистов. С 2014 по 2019 гг. средняя номинальная оплата труда выросла более чем в 1,7 раза и составила более 55 тыс. рублей. Также происходит

устойчивый рост высококвалифицированного персонала и специалистов инженерной сферы.

Исследования показывают, что до 2025 года потребность предприятий ОПК в специалистах по основным профессиям составляет не менее 37,5 тыс. человек в год. До 2028 года потребуется не менее 300 тыс. человек, в том числе: инженерных кадров и специалистов с высшим образованием — 110 тыс. человек, персонала со средним специальным образованием — около 45 тыс. человек, рабочих — более 145 тыс. человек.

Для своевременного формирования кадрового потенциала государством разработан комплекс мер поддержки и развития кадров предприятий ОПК, в том числе реализуемых в рамках государственных и ведомственных программ [4].

Потребность в квалифицированных кадрах тысячи предприятий можно отслеживать и прогнозировать при помощи Федерального кадрового центра ОПК на специально созданной для этого информационно-аналитической площадке.

Разработана системная работа с различными интегрированными структурами по целевой подготовке кадров. Госплан рассматривает заявления о потребности кадров от предприятий и на их основании создает заявки на целевое обучение в 110 вузах по 200 специальностям и направлениям подготовки. В настоящее время количество обучающихся по целевым программам превышает 21 тыс. человек. Изменения, внесенные в закон «Об образовании», позволили частным организациям принять участие в целевом наборе. Принимаются меры по повышению контроля и ответственности организаций за реализацию Госплана, проводятся консультации для компаний и граждан, мероприятия адресного контроля.

Таким образом, доля людей, которые поступили на работу на предприятия ОПК и выполнили условия договора, увеличилась до 70%. Чтобы повысить мотивацию студентов к обучению, предприятиям позволили отслеживать их успеваемость для выявления наиболее успешных кандидатур. Большому количеству самых успешных студентов предоставляют корпоративные стипендии, такая практика нужна для привлечения их на предприятия ОПК. В 2019 году в интересах организаций ОПК в сфере ведения Минпромторга на целевое обучение поступило более 6 тыс. человек. В последние годы предпри-

ятиям ОПК все больше требуются наукоемкие направления высшего образования, предпочтение отдается профилям с высоким уровнем владения современными методами и средствами математического и компьютерного моделирования. Такие специальности занимают более 25% от общего целевого приема.

Доля студентов, завершающих обучение в 2020–2022 гг. в интересах организаций ОПК, составит почти 45–50% от объема потребности ОПК в специалистах с высшим образованием. Важно сохранить потенциал Госплана, повысить его эффективность! Сегодня на повестке дня стоит вопрос установления порядка организации целевого обучения, финансовой ответственности предприятия и гражданина в случае неисполнения обязательств. С учетом нового закона ожидается значительное увеличение количества заказчиков целевого обучения, а также сохранение объемов подготовки в интересах ОПК — не менее 10 тыс. человек ежегодно. Решением заседания ВПК, прошедшего 19 сентября 2018 года под председательством Президента России, предусмотрена разработка проекта Госплана на период 2021–2030 годов [5, с. 19–20].

Это позволяет работодателям согласованно формировать требования к содержанию и качеству труда работников различных квалификационных уровней, разработке и обновлению квалификаций, определению требований к содержанию образовательных программ и организации обучения.

Таким образом, формирование и развитие кадрового потенциала оборонных предприятий в условиях диверсификации производства является объективным условием обеспечения кадровой безопасности как наиболее острой проблемы национальной безопасности страны.

Литература

1. *Ельчанинов А.А.* Диверсификация продукции ОПК в авиастроении // Международный авиационно-космический журнал «АвиаСоюз». — 2020. — № 5. С. 24–26. — URL: http://www.aviasouz.com/82.pdf
2. *Сидорин А.В.* Системный подход к подготовке кадрового потенциала для предприятий оборонно-промышленного комплекса. — Текст: электронный // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». — 2013. — №1. — URL: https://naukovedenie.ru/PDF/35tvn113.pdf
3. *Сидорин А.В.* Модель проблемноориентированной подготовки кадров для Новой Индустриализации. — Текст: электронный // Интернет-журнал «Науковедение». — 2012. — №4 (13). — URL: https://naukovedenie.ru/PDF/88tvn412.pdf

4. *Пальмов В.Г.* О мерах, направленных на развитие кадрового потенциала ОПК, включая вопросы подготовки высококвалифицированных работников и модернизации системы дополнительного профессионального образования организаций ОПК: Сборник докладов четвертого совещания с руководителями кадровых служб предприятий ОПК. 2019. — С. 3–6. — Текст: электронный. — URL: fkc-opk.ru›content/docs/СБОРНИК_ДОКЛАДОВ.pdf
5. *Фомина О.Э.* Отраслевая система профессиональных квалификаций: Сборник докладов четвертого совещания с руководителями кадровых служб предприятий ОПК. 2019. — С. 19–20. — Текст: электронный. — URL: https://fkc-opk.ru›content/docs/СБОРНИК_ДОКЛАДОВ.pdf

Компанец Екатерина Руслановна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Аудиопротоколирование судебного заседания в гражданском судопроизводстве

Аннотация: *Статья посвящена проблемам и условиям применения аудиопротоколирования судебного заседания в российском гражданском процессе.*
Ключевые слова: *аудиопротоколирование, гражданский процесс, судебное заседание.*

Ekaterina Ruslanovna Companets
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Audio protocolation of the court session in civil proceedings

Abstract*: The article is devoted to the problems and conditions of the use of audio recording of a court session in the Russian civil procedure.*
Keywords: *audio recording, civil procedure, court session.*

Развитие технологий в обществе способствовало внедрению информационных инноваций в судебную систему. Компьютеризация судов позволила создать единую систему ГАС «правосудие». Благодаря этому появилась возможность подать электронное заявление, узнать о движении дела и многое другое. Также были разработаны программы внутри судов, которые позволяют мгновенно найти дело по номеру, выгрузить данные по делу из нижестоящих судов. Данный перечень не является исчерпывающим. Появилась и возможность вести ауди-

озапись судебного заседания. Такое нововведение является актуальным, так как оно стало обязательным только с 1 сентября 2019 года.

Законом предусмотрено обязательное аудиопротоколирование судебного заседания. Это значит, что судебное разбирательство должно быть записано от начала и до конца, в противном случае решение суда будет отменено. На это указывает Гражданский процессуальный кодекс РФ в статье 228 Обязательность ведения протокола: «В ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи (аудиопротоколирование) и составляется протокол в письменной форме» [1].

Наличие аудиопротокола позволяет устранить фальсификацию доказательств в суде, а также ускоряет процесс. Сравнивая его с обычным письменным протоколом, который ведет секретарь судебного заседания, их различие — в точности передачи содержания судебного разбирательства. Так, в письменном протоколе часто допускаются ошибки, неправильно передается суть высказываний. Чтобы ознакомиться с письменным протоколом участнику процесса необходимо предоставить запрос и ждать разрешения на просмотр.

Аудиопротоколирование суды пытались применять еще в 2014 году, однако готовность судов и их официальная обязанность ведения таких протоколов, как указывалось ранее, появилась в 2019 году. Сегодня наряду с письменным протоколированием осуществляется и аудиопротоколирование. Исключение составляют только закрытые судебные заседания: там аудиопротоколирование запрещено.

Аудиозапись судебного заседания возможно осуществлять следующими способами:

— подключением к рабочему месту цифровых диктофонов;
— с использованием аппаратно-программных комплексов;
— подключением к рабочему месту внешних микрофонов (п. 6.6 Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах) [2].

Аудиопротоколирование допускается только в судах первой и второй инстанций, а также во внесудебных процессуальных действиях. Потому что по протоколу судебного заседания вышестоящие суды могут проверить законность и обоснованность судебных решений, вынесенных нижестоящими судами [3].

Гражданский процессуальный кодекс РФ в статье 231 допускает ознакомление участников процесса с аудиопротоколом, а также предусматривает право подачи замечания на протокол, с указанием допущенных в нем ошибок.

Неприменение аудиопротоколирования допускается в тех случаях, когда стороны, участвующие в деле, не были вызваны в суд или просто не явились.

Рассмотрим недостатки применения данного вида протоколирования.

Например, недостаточный опыт работы с техникой замедляет обработку аудиопротокола, а иногда и вовсе является причиной его отсутствия.

Недостатком является и затягивание процесса судебного разбирательства. Это происходит в том случае, если устанавливается, что в процессе не осуществляется аудиозапись протокола. В данной ситуации судом объявляется перерыв, выясняется причина. Затем, после завершении перерыва, процесс продолжается с момента сбоя аудиопротоколирования. Затягивание процесса в данном случае отражено в полном объеме.

Несмотря на перечисленные недостатки, считаю, что аудиопротоколирование достаточно перспективно. Необходимо контролировать работу секретаря судебного заседания в этой части. Время судебных заседаний значительно сократится, а вышестоящие инстанции будут иметь возможность наиболее подробно ознакомиться с делом.

В настоящее время аудиопротоколирование процессов необходимо, так как происходит информатизация общества. Чтобы судебная система процветала нужно идти вровень с новыми технологиями.

Литература

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. Ст. 4532. 18 ноября.
2. *Яворский Д.Д.* Аудиопротоколирование в гражданском процессе. — Текст: электронный // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». — 2019. — №4-2. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/audioprotokolirovanie-v-grazhdanskom-protsesse (дата обращения: 11.11.2020).
3. *Кириллова Д.А.* Анализ проблем аудио-протоколирования судебного заседания / Д.А. Кириллова, О.А. Крысанова. // Международный студенческий научный вестник. — 2019. — № 4. — URL: http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=19695 (дата обращения: 11.11.2020).

Кононова Ирина Игоревна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Применимое право в договоре транспортной экспедиции: коллизия между транспортным правом России и таможенного союза

Аннотация: *Статья посвящена анализу регулирования договора транспортной экспедиции в правопорядке ЕАЭС. Значительную роль в рассмотрении поставленных проблем играет изучение коллизий с правом России. Основной фокус статьи направлен на проблему выбора применимого права в рамках национального регулирования и ЕАЭС.*
Ключевые слова: *транспортная экспедиция, коллизия, применимое право.*

Irina Igorevna Kononova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Applicable law in transport forwarding agreement: the collision between the legislation of Russia and eurasian economic union

Abstract: *The article is dedicated to the analysis of the transport forwarding agreement in the legislation of EES. An important part in reviewing the problems set was played by the comparison of collisions with Russian legislation. The article focuses on the problem of the choice of law in terms of national legislation and legislation of EES.*
Keywords: *transport forwarding, collision, applicable law.*

В настоящих условиях глобальной международной интеграции, а также при формировании мирового рынка вопросы, связанные с транспортным правом в целом и договорами перевозки в частности, становятся особенно актуальными. В 2018 году вступил в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС, который по праву считается основополагающим документом в рамках взаимодействия государств по обеспечению исполнения целей, ради которых Союз и был сформирован. Тем не менее, такая новая форма правопорядка, как «право евразийской интеграции», несмотря на свою эффективность, порождает определенные вопросы, связанные с применением на практике. Особую важность это имеет для отношений, внутри которых контр-

агенты находятся в разных юрисдикциях. Именно такие отношения возникают в связи с договором транспортной экспедиции (ДТЭ).

Актуальность статьи обусловлена возрастающей ролью Российской Федерации на международном экономическом рынке и стремительной эволюцией способов перевозки, которые требуют соответствующего регулирования. А также наличием неразрешенности в доктрине вопроса о правовой природе актов ЕАЭС с точки зрения отнесения их к региональному или международному праву. В публикации отражены изменения законодательства, внесенные в марте-апреле 2020 года, а также освещен круг проблем, возникших в транспортно-экспедиционной деятельности в связи со сложившейся на момент написания эпидемиологической ситуацией (пандемией коронавируса).

Цель статьи — реконструирование основных элементов договора транспортной экспедиции в рамках коллизии между правопорядками РФ и ЕАЭС, а также определение круга проблем, возникающих в связи с выбором применимого права.

Выбор применимого права является типичным обстоятельством для контрагентов, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность (ВЭД). Эта особенность ВЭД напрямую вытекает из принципа свободы договора; так, контрагенты могут по своему усмотрению выбрать применимое право (lex voluntatis). Если же такое соглашение контрагентов отсутствует, по общепринятым принципам коллизионного права применяется право того государства, которое наиболее плотно связано с исполнением договора (lex venditoris) [1]. Некоторые правоведы утверждают, что сам принцип автономии воли исходит из выбора применимого права в международном частном праве (МЧП) [2].

Порядок регулирования применимого права начал складываться еще в советское время, например, соответствующие положения Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик [3] весьма схожи с существующими ныне в Гражданском кодексе РФ (ГК РФ).

Рассмотрим основные сложившиеся в доктрине подходы к данной проблеме.

С одной стороны, «право евразийской интеграции» логично отнести именно к наднациональному, международному праву; обосновывается это тем, что правопорядок внутри Союза состоит из международных договоров, которые должны подписываться и ратифицироваться каждой из стран-участниц, что объясняет его надна-

циональный характер [4]. Иные исследователи полагают, что ЕАЭС, будучи региональной организацией, формирует правопорядок, составляющий нечто среднее между национальным и наднациональным правом [5]. Третьи проводят в этой связи аналогию между правопорядками ЕАЭС и ЕС [6]. Четвертые занимают радикальную позицию, утверждая, что ЕАЭС сам по себе не может иметь черты наднациональности [7]. С последней точкой зрения согласиться невозможно — сам Договор о ЕАЭС в ст. 1 заявляет Союз как «международную организацию региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектностью».

Открытым остается вопрос о соотношении права ЕАЭС и иных источников международного права, затрагивающих ДТЭ. Примерами таких источников можно назвать Конвенцию о договоре международной перевозки грузов по дорогам (КДПГ), а также относящиеся к «мягкому праву» Правила ФИАТА, принятые к действию Ассоциацией российских экспедиторов.

Правоведы отмечают, что соотношение «права евразийской интеграции» с национальным и международным правом должно быть определено самим правопорядком ЕАЭС [8]. Действительно, Договором о ЕАЭС предусмотрено, что договоры Союза со сторонними государствами «не должны противоречить основным целям, принципам и правилам функционирования Союза [9, п. 2 ст. 6]». Такая достаточно широкая формулировка все же не содержит прямого указания превосходства права ЕАЭС над нормами международного права, вытекающими из конвенций и договоров, подписанных странами-участницами ЕАЭС.

Несколько проще обстоят дела с рассмотрением соотношения права ЕАЭС и национального права (например, в Федеральном законе «О таможенном регулировании» [10], Федеральном законе «О транспортно-экспедиционной деятельности»). Отметим, что коллизии между правом Российской Федерации и Союза существуют, даже несмотря на многочисленные коллизионные нормы, содержащиеся внутри Таможенного кодекса ЕАЭС (ТК ЕАЭС) и сформулированные за счет конструкции «если иное не предусмотрено законодательством государств-участников». Договор о ЕАЭС также не предусматривает правил разрешения возможной коллизии. Тем не менее, большинство теоретиков в целях решения данного вопроса

пренебрегают комплексным статусом «права евразийской интеграции» и соглашаются рассматривать право ЕАЭС как международное по отношению к национальному [11]. В этой связи оправдывает себя ссылка на действующий п 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, закрепляющий приоритет норм международного права над национальным; такой же позиции придерживается Верховный суд РФ [12, п.2]. Практическое применение такого подхода отражено в решении Суда ЕАЭС, где подчеркивались «императивный характер» и «прямое действие» актов, принятых внутри ЕАЭС [13].

На первый взгляд кажется, что конфликт норм права ЕАЭС и национального права стран-участниц разрешается легко. К сожалению, в настоящее время такие выводы делать еще нельзя. Так, в 2015 году Верховный суд РФ сослался [14] на давнюю позицию Конституционного суда РФ [15], согласно которой запрещается придание обратной силы нормам о взимании налоговых и таможенных платежей, если таковые ставят контрагентов в невыгодное положение, и разрешил конфликт норм РФ и ЕАЭС в сторону первых. Кроме того, правоведы отмечают, что все еще является неразрешенным вопрос о соотношении актов разных статусов — например, будет ли иметь решение ЕЭК приоритет над Федеральным законом РФ [16]?

Иными словами, очевидно наличие общей коллизии между актами разного уровня.

Дальнейшие противоречия связаны с уже упомянутой ранее темой налогообложения внутри Союза. Так, правом ЕАЭС предусмотрено, что местом реализации транспортно-экспедиционных услуг, оказываемых налогоплательщиком государства-члена ЕАЭС, признается территория этого государства. Из этого следует, что в коллизию вступает предусмотренная ГК РФ категория «место осуществления основной деятельности» и «место реализации услуг» из права ЕАЭС [17, п. 1, 28, 29].

Практические проблемы возникают также в связи с разницей в регламентации ДТЭ в законодательстве стран-участниц ЕАЭС. Как уже упоминалось, ТК ЕАЭС относит отдельные вопросы на разрешение законодательством государств, входящих в его состав. Например, в Казахстане до сих пор не принят отдельный закон, регламентирующий экспедиционную деятельность, в чем казахские правоведы наблюдают серьезный законодательный пробел [18].

Последующие проблемы связаны с разным пониманием странами-участницами ЕАЭС такой значимой для ДТЭ категории, как «смешанная перевозка». В Беларуси эта дефиниция напрямую закреплена законодательно и подразумевает возможность мультимодальной перевозки самой по себе только при участии экспедитора [19, ст. 742]. Правопорядок Казахстана в определении смешанной перевозки закрепляет в качестве ключевого признака единство товарно-транспортной накладной [20, ст. 694]. Более того, «смешанные перевозки» в ходе развития наднационального права заслужили отдельной Конвенции [21]. В России же гражданское законодательство такого термина до сих пор не содержит.

Все вышесказанное неизбежно приводит к проблемам, связанным с определением применимого к отношениям сторон права в случае возникновения судебного разбирательства.

Обратимся к общецивилистическим аспектам выбора применимого права в договоре.

Рассмотрим проблему тесной взаимосвязи международной перевозки и трансграничной транспортной экспедиции. Помимо общей коллизионной нормы о применении права наиболее значимой страны, изложенной в ст. 1211 ГК РФ, для разных видов международной перевозки действуют специальные разновидности привязок, например, «закон дороги отправления» — для автомобильных перевозок, «закон места столкновения судов» — для морских перевозок и т. д. [22]. Рациональным в этой связи является вопрос об ответственности экспедитора за нарушение обязательств, возникших в связи с действиями и по вине перевозчика.

Важно отметить, что проблем с определением применимого права контрагенты могут избежать практически полностью, сделав соответствующую оговорку в самом ДТЭ. Тем не менее, ГК РФ предусматривает, что при отсутствии соглашения о применимом праве к ДТЭ применяется право страны, где экспедитор осуществляет основную деятельность (пп. 7, п. 2, ст. 1211 ГК РФ). Проблема, возникающая из формулировки закона, связана с самим характером экспедиционной деятельности, которая предусматривает многочисленные мультимодальные перевозки. Дальнейшие сложности вытекают из применения норм о таможенных процедурах, которые и регламентируются вышеописанным правом ЕАЭС. Иными словами, непонятно, будет ли при-

меняться порядок экспедиционной деятельности, предусмотренный положениями Союза, в отношениях контрагентов, из которых только один осуществляет свою деятельность внутри ЕАЭС. Более того, не ясно, возможно ли для целей данной неточности принять за место осуществления основной деятельности ЕАЭС в целом, а не отдельное государство в его составе.

Какое же применимое право наиболее рационально выбрать контрагентам? Очевидно, что такой вопрос должен разрешаться конкретно для каждого случая и на основании интересов сторон. Ввиду вышеупомянутых коллизий двум контрагентам, действующим между собой внутри ЕАЭС, рационально выбрать в качестве применимого правопорядок Союза, поскольку становится минимальной вероятность квалификации судом договора как подлежащего иному правопорядку. Если же один из контрагентов находится внутри ЕАЭС, а второй — за его пределами, представляется осмысленным выбрать наиболее широкие нормы международного права, в частности — релевантных вышеупомянутой конвенции; при этом контрагенту из ЕАЭС стоит соблюдать требования к таможенной процедуре, установленной актами Союза, во избежание возникновения ответственности, уже не связанной с ДТЭ.

Рассмотренные выше проблемы регламентации ДТЭ и сопутствующего определения применимого права вытекают из сопутствующей практики судов разных уровней. Это обусловливается практико-ориентированным подходом большинства теоретиков к изучению права ЕАЭС. Тем не менее, целесообразно изучить конкретные кейсы, чтобы проиллюстрировать сделанные ранее выводы о существующих в практике вопросах. Начать следует с приведения некоторых конкретных коллизий, возникших в регулировании ДТЭ.

Например, вопрос о правах экспедитора в ходе таможенного декларирования. Так, в коллизию вступали п. 3 ст. 346 Федерального закона 289-ФЗ и ст. 83 ТК ЕАЭС — в первом случае экспедитор наделялся правом выступать в качестве декларанта в ходе любой таможенной процедуры, во втором — экспедитор мог осуществлять такие полномочия только в ходе таможенного транзита. Запрос на разрешение очевидной коллизии поступил в Дальневосточное таможенное управление ФТС России и был разрешен в пользу положений ТК ЕАЭС [23].

Итак, сложный, наднациональный характер «права евразийской интеграции» в целом и ТК ЕАЭС в частности является дискуссионным вопросом. Несмотря на различные мнения авторов, наиболее логически обоснованным представляется превосходство данного источника над внутренними нормативно-правовыми актами государств-участников. Более широкий и общий характер регулирования носят нормы правопорядка России. Нормы, содержащиеся в ТК ЕАЭС и напрямую относящиеся к договору транспортной экспедиции, имеют достаточно точечный характер. Тем не менее, эти нормы отражают основные принципы регулирования договора транспортной экспедиции, таких как повышенная ответственность экспедитора. На эти нормы зачастую ссылаются органы исполнительной и судебной власти России в ходе своей деятельности.

Актуальность настоящего исследования в ходе подбора материалов в очередной раз подтвердилась. Как показал анализ, правоприменительная практика относительно данной проблемы все еще весьма неоднозначна. Так, суды по-разному квалифицировали характер правопорядка ЕАЭС — одни признавали его применимым для спорных отношений сторон, другие делали выбор в пользу правопорядка одного из государств, резидентами которых являются контрагенты. Третьи применяли наиболее общий подход и применяли нормы международного права. Ситуация усугубляется сложным характером договора транспортной экспедиции, проблемами с его квалификацией и неоднозначностью доктринальной позиции по данному вопросу; например, если одни авторы считают этот договор исключительно «транспортным», то другие относят его к так называемым посредническим сделкам.

Одной из наиболее значимых задач этой статьи стал выбор путей с разрешением применимого права в рамках договоров транспортной экспедиции, заключаемых с участием контрагентов из числа стран ЕАЭС. Представляется, что наиболее эффективным способом для контрагентов избежать возможных проблем с определением применимого права — как внутри, так и вне ЕАЭС — остается включение соответствующей оговорки в договор. Такая оговорка должна ссылаться на тот правопорядок, который будет наиболее выгодным для обоих контрагентов, но при этом не должна противоречить нормам национального права каждого из них.

И все же весьма обоснованно верится, что в ходе своей работы Суд ЕАЭС сформирует обязательную для прочих судебных инстанций практику, которая завершит процесс разграничения правопорядков РФ, ЕАЭС и международно-правового и предотвратит дальнейшее существование споров о применимом праве.

Литература

1. *Мажорина М.В.* Выбор применимого права к трансграничным смешанным и непоименованным договорам // Журнал российского права. — 2012. — №10(190). — С. 72–81.
2. *Дармокрик В.Ф.* Пределы принципа автономии воли и право, применимое сторонами при выборе условий сделки в международных договорах // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2016. — № 1(108).
3. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик: утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 (ред. от 26.11.2001). Ст. 166. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. *Капустин А.Я.* Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права — 2015. — № 11. — С. 61.
5. *Чиркин В.Е.* Наднациональное право: возникновение, содержание, действие // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 1. — С. 18–24.
6. *Бахин С.В.* Право интеграционных образований: вопросы конкуренции систем права: материалы конференции «Международные отношения и право: взгляд в XXI век». — Спб., 2009. — С. 143.
7. *Бекяшев К.А.* ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евразийский юридический журнал. — 2014. — № 11. — С.14.
8. *Толстых В.Л.* Размышления о евразийской интеграции / Sumus ubi sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество и интеграция, права человека: сборник статей. — М., 2016. — С. 281.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (ред. от 01.10.2019). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
10. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ (ред. 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 32 (часть I). — Ст. 5082.
11. *Терещенко М.В.* Применение национальными судами норм права Евразийского экономического союза в спорах с таможенными органами // Современные инновации. — 2018. — № 3(25). — С. 34–38.
12. О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18. П. 2. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

13. Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств — членов Таможенного союза от 21.05.2010: Решение Суда Евразийского экономического союза от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1-1/1-16-БК. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08 сентября 2015 г. по делу № 308-КГ15-2483, А53-7029/2014. — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
15. По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах»: Постановление Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П. — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
16. *Исполинов А.* Приоритет, прямое действие и прямой эффект норм права евразийского экономического союза // Журнал международного права и международных отношений. — 2017. — № 1-2 (80-81). — С. 11–12.
17. Протокол о порядке взимания косвенных налогов и механизме контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг, п. 1, 28, 29 (Приложение № 18 к Договору о ЕАЭС).
18. *Арыстан А.* Договор транспортной экспедиции: проблемы квалификации и правового регулирования / А. Арыстан, Г.С. Татебаева // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. — 2018. – № 3(52). — С.140–150.
19. Гражданский Кодекс Республики Беларусь, ст. 742. — Текст: электронный // — URL: https://kodeksy-by.com/grazhdanskij_kodeks_rb/742.htm
20. Гражданский кодекс РК (Особенная часть), ст. 694. — Текст: электронный // — URL: https://kodeksy-kz.com/ka/grazhdanskij_kodeks _osobennaya_chast/694.htm
21. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов от 24 мая 1980 г., Женева (не вступила в силу). — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
22. *Гетьман-Павлова И.В.* Международное частное право: учебник для академического бакалавриата. — М.: Юрайт, 2015. — С. 472.
23. Письмо Дальневосточного таможенного управления ФТС России от 15 апреля 2019 г. № 06-7/06108-1. — Текст: электронный // — URL: https://www.alta.ru/tamdoc/19a61081/

Копылова Надежда Александровна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Недобросовестная конкуренция при COVID-19

Аннотация: *В статье прослеживается история становления понятия «недобросовестная конкуренция». Проводится сравнительный анализ данного определения в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и в Гражданском кодексе Франции 1804 г. Рассмотрены формы проявления недобросовестной конкуренции в период пандемии коронавирусной инфекции.*

Ключевые слова: *недобросовестная конкуренция, пандемия коронавирусной инфекции, конкурентное право, недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение.*

Nadezhda Aleksandrovna Kopylova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Unfair competition in COVID-19

Abstract: *The article traces the history of the formation of the concept of «unfair competition». A comparative analysis of this definition in the Law on the Protection of Competition and in the French Civil Code of 1804 is carried out. The forms of manifestation of unfair competition during the coronavirus pandemic are considered.*

Keywords: *unfair competition, coronavirus pandemic, competition law, unfair competition by misleading.*

Несмотря на вызовы, стоящие перед мировым сообществом в лице пандемии коронавирусной инфекции (далее — пандемия), многие производители даже в такое сложное время не оставляют попыток извлечь коммерческую выгоду с использованием недобросовестных практик. Отсутствие полного понимания механизмов адекватного реагирования у органов государственной власти и у граждан на возникшие в связи с пандемией угрозы, а также введенные ограничения и существенно возросшее давление на систему здравоохранения, бизнес и экономику в целом, привели к росту опасений людей за свое здоровье и благосостояние, снижению их уверенности в своем будущем. Условия нехватки информации и существенно возросшей общей неопределенности создают новые возможности для недобросовестной конкуренции посредством формирования в общественном

сознании «мифов», вызывающих искусственные всплески «панического спроса» на определенные виды товаров и услуг. Закономерно, что наибольшее распространение такие практики получили в сфере реализации продуктов, направленных на защиту здоровья от новой коронавирусной инфекции.

Прежде чем перейти к более подробному рассмотрению недобросовестных практик в условиях пандемии, необходимо дать определение понятия «недобросовестная конкуренция». Рассмотрим историю становления этого понятия в гражданских правоотношениях.

Впервые наиболее детальная проработка вопросов, связанных с недобросовестной конкуренцией, начинается в конце XIX в. Гражданский кодекс Франции 1804 г. в ст. 1382 устанавливал, что «любое действие, причинившее вред другому лицу, обязывает того, по чьей вине причинен ущерб, к его возмещению». В массовое употребление термин «недобросовестная конкуренция» был введен Парижской конвенцией по охране промышленной собственности 1883 года. В российском законодательстве термин «недобросовестная конкуренция» появился в Законе РСФСР от 24 декабря 1990 года № 443-1 «О собственности в РСФСР», в соответствии с которым ущерб, причиненный собственником вследствие злоупотребления своим монопольным или иным доминирующим положением, использования недобросовестных методов предпринимательства (недобросовестной конкуренции) и совершения иных действий, ущемляющих права и охраняемые законом интересы других лиц, подлежит возмещению в полном объеме [1, с. 322-324]. Действующий Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Федеральный закон «О защите конкуренции») является продолжением законотворческого процесса по улучшению институтов конкуренции и антимонопольного регулирования. В упомянутом законе недобросовестной конкуренции уделяется особое внимание: ей посвящена глава 2.1, устанавливающая запрет как на поименованные составы, так и общий запрет, для применения которого важно только наличие всех признаков недобросовестной конкуренции. Согласно Федеральному закону «О защите конкуренции», «недобросовестная конкуренция — любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, противоречат за-

конодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости и причинили или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам — конкурентам либо нанесли или могут нанести вред их деловой репутации» [2].

К формам недобросовестной конкуренции относятся:

а) запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации (статья 14.1);

б) запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение (статья 14.2);

в) запрет на недобросовестную конкуренцию путем некорректного сравнения (статья 14.3);

г) запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг (статья 14.4);

д) запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с использованием результатов интеллектуальной деятельности (статья 14.5);

е) запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения (статья 14.6);

ж) запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую или иную охраняемую законом тайну (статья 14.7);

з) запрет на иные формы недобросовестной конкуренции (статья 14.8) [2].

В настоящее время практики недобросовестной конкуренции тесно связаны с пандемией и в большей степени принимают формы недобросовестной конкуренции путем введения в заблуждение.

Например, в городе Челябинске в магазинах торговой сети «Монетка» цена на имбирь (как на средство, способное победить коронавирусную инфекцию, по утверждениям СМИ) составляла 999,00 руб. за кг, что подтверждается кассовыми чеками. В месте выкладки овощей и фруктов размещена информация об их стоимости, так, в частности над ящиками (коробками) с имбирем написано: «Имбирь. Цена за 100 грамм ~~99,90~~. -59%, 39,99». При этом цифры «99,90» и «-59%» размещены на одном уровне (линии). Цифры «99,90» выполнены чер-

ным цветом и перечеркнуты. Цифры 59% выполнены белым цветом на черном фоне. Ниже размещены цифры «39,99». Здесь же указана дата 22 мая 2020 г. В другом магазине той же торговой сети «Монетка» над ящиками (коробками) с имбирем размещена информация: «Имбирь. Цена за 100 грамм ~~99,90~~. -79%, 19,90». Таким образом, в месте продажи товара указаны сведения: «99,90», «-59%», «39,99» и т.д. без слов «скидка», «изменение цены на товар» либо «снижение цены» и т.п. Согласно кассовому чеку от 25 мая 2020 г. № 2.137.247 магазина торговой сети «Монетка», наименование товара «имбирь» указано с отметкой звездочка (*). Под звездочкой (*) указано «На товар скидка не распространяется». Цена на товар — 399,90 руб. Изложенное позволяет сделать выводы, что в чеке «имбирь» обозначен как товар, на который скидка не предусмотрена и указана его исходная (обычная) цена 399, 90 руб. [3].

На основании ст. 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции» введен запрет на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение. В частности, запрещается недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение в отношении условий, на которых товар предлагается к продаже, в частности цены такого товара (ч. 4 ст. 14.2). По мнению Челябинского УФАС России, для выявления недостоверности скидки на конкретный товар следует установить подлинную обычную цену, по которой этот товар продолжительное время предлагался конкретным продавцом к продаже, а также его конкурентами.

Следующим примером недобросовестной конкуренции путем введения в заблуждение в период пандемии послужила одна из практик сдачи тестов на коронавирус в медицинском центре «Ювимед» [4].

На Интернет-сайте <…> 26 марта 2020 года размещена публикация: «Жители Челябинска могут сдать тест на коронавирус в медицинском центре «Ювимед». В ней указано следующее: «С 30 марта 2020 года все желающие могут пройти тест на коронавирус в медицинском центре «Ювимед» по адресу <…>. Стоимость анализа 1200 руб. Подробности можно уточнить по телефону: <…>. Имеются противопоказания. Перед применением проконсультируйтесь со специалистом» и с пометкой «на правах рекламы».

По информации интернет-сайта Роспотребнадзора, Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополу-

чия человека предоставила возможность лабораториям частной формы собственности включиться в работу по повышению доступности тестирования на новую коронавирусную инфекцию (COVID-19) для граждан. Для составления реестра лабораторий частной формы собственности, планирующих такие исследования, открыта онлайн форма для внесения данных о возможности их проведения. При принятии решения о внесении данных в реестр учитывается, что исследования могут проводиться только лабораториями, имеющими разрешение на работу с III–IV группой патогенности, а также персоналом, прошедшим инструктаж и давшим согласие на работу с микроорганизмами II группы патогенности.

На сайте 74.rospotrebnadzor.ru Управления Роспотребнадзора по Челябинской области опубликована информация, что исследования на COVID-2019 проводятся в 13 лабораториях, расположенных в 4-х муниципальных образованиях.

В списке указанных организаций, имеющих разрешение Роспотребнадзора на проведение исследования на COVID-2019, ООО МЦ «Ювимед» не значится [4].

Челябинская область или город Челябинск в указанном списке отсутствуют. При выборе города Екатеринбург на сайте содержится информация: «* Акция неактивна в выбранном вами городе».

Таким образом, информация о проведении исследования на COVID-2019 в ООО МЦ «Ювимед» не подтверждена документально, а действия общества по ее распространению на странице сообщества «Медицинский центр «Ювимед» Челябинск (Справки)» социальной сети «ВКонтакте» и в рекламной публикации на Интернет-сайте <…> «Жители Челябинска могут сдать тест на коронавирус в медицинском центре «Ювимед» содержат признаки нарушения п. 1, 3 статьи 14.2 Федерального закона «О защите конкуренции» [4].

Недобросовестная конкуренция имеет длительную историю развития: меняются условия и вместе с ними меняются способы осуществления недобросовестной конкуренции. Пример пандемии подтверждает данный тезис. Введенные ограничения общественной жизни и ведения хозяйственной деятельности, экономическая нестабильность и общий рост неопределенности сформировали условия для использования новых способов осуществления недобросовестной конкуренции. Специфика указанных условий предопределила

поведение недобросовестных производителей, которыми наиболее часто использовались практики по введению в заблуждение в период пандемии.

Литература

1. *Остапенко А.В.* Недобросовестная конкуренции в России: история правового регулирования — Текст: электронный // Молодой ученый. — 2018. — № 20 (206). — С. 322–324. — URL: https://moluch.ru/archive/206/50376/ (дата обращения: 10.11.2020).
2. Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
3. Определение по делу №074/01/14.2-1485/2020 по признакам нарушения ООО «Элемент Трейд» пункта 4 статьи 1... — Текст: электронный // — URL: https://br.fas.gov.ru/to/chelyabinskoe-ufas-rossii/e516cb49-e5ca-4114-998a-c9e92df733b6/ (дата обращения: 10.11.2020 год).
4. Предупреждение №5232/04 действия ООО МЦ «Ювимед» с признаками нарушения пункта 1 ст.… от 6 мая 2020 г. — Текст: электронный // — URL: https://br.fas.gov.ru/to/chelyabinskoe-ufas-rossii/d3a0b835-b741-4831-b0e7-de0855448f2f/ (дата обращения: 10.11.2020).

Кочарян Валерий Эдуардович,
студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Судебные органы конституционной юстиции: тенденции и перспективы развития в свете конституционной реформы 2020 года

Аннотация: *В статье поднимается вопрос роли органов региональной конституционной юстиции в обеспечении конституционной законности, освещаются тенденции развития системы органов конституционного контроля, анализируются законность и причины упразднения конституционных (уставных) судов, а также предложенная законодателем альтернатива для них.*

Ключевые слова: *органы конституционной юстиции, конституционные (уставные) суды, Конституционный Суд Российской Федерации, органы конституционного контроля, конституционная реформа, система конституционных судов, система органов конституционного контроля, конституционные (уставные) советы.*

Valery E. Kocharyan,
student of the O.E. Kutafin Moscow State Law University

Judicial bodies of constitutional justice: trends and prospects of development in the light of the constitutional reform of 2020

Abstract: *The article raises issue of the role of regional constitutional justice bodies in ensuring constitutional legitimacy, cover development trends of the system of constitutional control bodies, analyzes legality and reasons for the abolition of constitutional (charter) courts, as well as the alternative proposed by the legislator for them.*

Keywords*: constitutional justice bodies, constitutional (charter) courts, Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional control authorities, constitutional reform, constitutional court system, system of constitutional control bodies, constitutional (charter) councils.*

Как декларирует Конституция Российской Федерации, субъекты Российской Федерации вправе принимать свои не противоречащие федеральным Конституции и законодательству законы, высшими по юридической силе и важнейшими из которых являются конституции (уставы) соответствующих субъектов. Как справедливо отмечает А. В. Гошуляк, конституции (уставы) субъектов РФ не только имеют огромное значение для формирования регионального законодательства, но и образуют «смысловое единство с Конституцией России», развивая и обогащая закрепленные в ней положения, и отсутствие или неэффективное функционирование механизма реализации конституционных норм субъектов Федерации может не только привести к неконституционной практике и произволу правоприменения в данном субъекте, но и к невозможности обеспечения верховенства Федеральной Конституции ввиду родства предмета правового регулирования и идентичности их правовой основы [1, с. 3]. Учитывая определяющую значимость конституций (уставов) для субъектов РФ и для всей системы российского права, можно сделать вывод о необходимости соответствующего уровня легитимной защиты и правовых гарантий реализации их положений.

На наш взгляд, наиболее эффективным средством защиты конституций (уставов) субъектов, а вместе с ними и федеральной Конституции, являются судебные органы конституционного контроля субъектов РФ. Конституционные (уставные) суды субъектов, рассматривая вопросы о соответствии законов и иных нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти и органов местного

самоуправления данного субъекта его конституции (уставу), а также давая официальное и обязательно толкование норм конституции (устава) этого субъекта являются барьером для незаконных действий органов публичной власти соответствующего субъекта и гарантом конституционных прав и свобод граждан. Бывший полномочный представитель Президента в Конституционном Суде РФ М. А. Митюков также обратил внимание на тот факт, что конституционные (уставные) суды в рамках своей компетенции становятся дополнительным (к функциям Федерального КС РФ) инструментом в защите прав и свобод гражданина, а «предполагаемое участие этих судов в процедуре отрешения глав субъектов Федерации является серьезным превентивным средством от возможных нарушений конституций и уставов» [2, с. 14].

По мнению бывшего руководителя Администрации Президента РФ А. С. Волошина, конституционная (уставная) юстиция призвана обеспечить принципы правового федерализма в двух аспектах:

1) на основе «региональной законотворческой активности» содействие в создании в субъектах РФ правовой системы, которая бы учитывала специфические особенности данного региона и осуществление эффективного регулирования происходящих в нем процессов;

2) предупреждение «повреждения» и (или) разрыва единой конституционно-правовой системы РФ [2, с. 4-5].

В России сегодня функционируют 15 конституционных (уставных) судов субъектов, однако при определении их статуса и полномочий в связи с отсутствием четкой регламентации и реальной защиты их деятельности на федеральном уровне всегда возникал ряд вопросов. По мнению судьи Конституционного суда Республики Ингушетия И. М. Евлоева, суды конституционной юстиции в России с момента их создания и по сей день сталкиваются с множеством проблем, начиная с недостаточного уровня законодательного регулирования их деятельности и заканчивая отменой законов субъектов РФ о конституционных (уставных) судах и соответственно их упразднением, в связи с чем он предлагает возможные варианты реформирования деятельности региональных конституционных судов путем:

1) изменения самой системы органов конституционного правосудия;

2) изменения принципов их формирования с сохранением существующей системы;

3) значительного расширения компетенции этих судов [3].

Однако федеральный законодатель выбрал иной путь решения проблемы, причем далеко не в пользу принципов демократического федеративного правового государства – упразднение региональных органов конституционной юстиции.

При анализе новелл Конституции 2020 года возникает противоречивое представление о судьбе органов конституционной юстиции. С одной стороны, в статье 125 Конституционный Суд РФ называется ***высшим*** судебным органом конституционного контроля: по логике, если есть высший, то есть и другие, низшие по отношению к нему судебные органы конституционного контроля. Даже представлялась возможной теория создания системы равных по отношению друг к другу, но нижестоящих по отношению к федеральному Конституционному Суду органов конституционной юстиции, подобной системе конституционных судов в ФРГ [4, с. 327]. С другой стороны, из-за не включения конституционных (уставных) судов РФ в судебную систему, согласно новой редакции ст. 118 Конституции РФ видно, что законодатель взял курс на упразднение конституционных (уставных) судов субъектов. Об этом свидетельствует так и неисправленная коллизия ст. 124 Конституции РФ, декларирующая, что финансирование судов осуществляется *только из федерального бюджета*, и ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», устанавливающая, что финансирование конституционного (уставного) суда субъекта РФ производится *за счет средств бюджета соответствующего субъекта*.

Точку в данном вопросе поставил одобренный Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству законопроект № 1024648-7 «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы», показавший явное намерение Президента и законодателя в отношении судов конституционной юстиции субъектов [5]. В соответствии с данным законопроектом, все конституционные суды регионов должны быть упразднены до 1 января 2023 года (ч. 3 ст. 5), а их полномочия перейдут конституционным (уставным) советам при законодательных органах соответствующих субъектов (ч. 7 ст. 5).

Вместе с тем, в соответствии с ч. 3 ст. 17 ФКЗ «О судебной системе РФ» «*никакой* суд не может быть упразднен, если отнесенные к его ведению вопросы осуществления правосудия не были одновременно

переданы в юрисдикцию другого *суда*». Нарушение данного правила приведет к нарушению прав граждан на судебную защиту компетентным судом (ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции РФ). Передача полномочий конституционных (уставных) судов субъектов конституционным (уставным) советам (несудебным органам) вызывает ряд вопросов. Если передачу полномочия толкования конституции (устава) конституционному (уставному) совету при законодательном собрании еще можно объяснить с логической точки зрения: тот, кто принимает закон, пусть его и толкует (хотя и здесь есть минусы: конституционный суд дает толкования не только в соответствии с реальным смыслом нормы, но и с учетом сложившейся правоприменительной практики, в то время как законодатель, грубо говоря, дает ее идеализированное, порой далекое от реальности, понимание), то полномочия арбитра в спорах органов государственной власти и органов местного самоуправления субъекта никак не может быть передано в юрисдикцию подразделения представительного органа государственной власти.

Передача полномочий другим судам также не представляется возможной, так как нет судов, которые на законных основаниях могли бы осуществлять полномочия конституционного (уставного) суда субъекта.

Возможность передачи таких полномочий Конституционному Суду РФ в силу единства правовой природы федеральной и региональных конституций (уставов) на основании договора о разграничения полномочий, что пытались сделать в 2009 г. в Санкт-Петербурге [6], нереальна в силу объективных причин. Во-первых, принципы и порядок заключения договоров о разграничении полномочий регулируются Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». То есть данные договоры могут разграничивать полномочия только между законодательными и исполнительными органами государственной власти РФ и ее субъектов. Во-вторых, разграничение полномочий не означает полную передачу всех полномочий одного органа другому. В-третьих, возможность передачи полномочий Конституционного Суда РФ по договору о разграничении полномочий более невозможна в соответствии с новой редакцией ч. 7 ст. 3 ФКЗ о «Конституционном Суде РФ».

Передача указанных полномочий судам общей юрисдикции противоречит Конституции РФ и федеральному процессуальному законодательству. Как верно отмечают советник судьи уставного Суда Свердловской области А.В. Савоськин и заместитель председателя Уставного Суда Свердловской области А.О. Казанцев, в соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции РФ процессуальное законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации. А так как вопросы подсудности в России регулируются нормами Арбитражного и Гражданского процессуальных кодексов РФ, принятие законов субъектов по этому вопросу не представляется допустимым. К тому же, в соответствии с ч. 2 ст. 118 Конституции, судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства, с учетом того, что каждый вид судопроизводства обладает собственной спецификой, закрепленной в соответствующем процессуальном кодексе. Ни АПК, ни ГПК, ни УПК, ни даже КАС РФ не содержат норм, позволяющих рассматривать акты в порядке конституционного судопроизводства [7].

Таким образом, передача полномочий конституционных (уставных) судов субъектов РФ другим судам и тем более несудебному органу противоречит действующему законодательству, а также принципу федерализма, закреплённому в Конституции РФ.

Литература

1. *Гошуляк А.В.* Правовая охрана конституций (уставов) субъектов Российской Федерации: Автореф. … дисс. канд. юр. наук: 12.00.02 / Гошуляк Алексей Витальевич. — Саратов, 2010. — 28 с.
2. Материалы Всероссийского совещания «Проблемы образования конституционных (уставных) судов субъектов РФ». — М.: Старая площадь, 1999.
3. *Евлоев И.М.* Региональная конституционная юстиция: еще один гвоздь в крышку... // Российский юридический журнал. — 2019. — № 1(124). С. 40–53.
4. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / И.А. Алебастрова, А.Ш. Будагова [и др.]; отв. ред. В.В. Маклаков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: НОРМА: ИНФРА-М, 2010. — 672 с.
5. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы» (в части приведения некоторых положений законодательства в соответствие с Конституцией Российской Федерации: законопроект № 1024648-7) // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1024648-7 (дата обращения: 17.11.2020).

6. О передаче Конституционному Суду Российской Федерации полномочий по рассмотрению дел о соответствии законов и иных нормативных правовых актов Санкт-Петербурга, нормативных правовых актов органов государственной власти Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления, образованных на территории Санкт-Петербурга, Уставу Санкт-Петербурга: законопроект от 09.06.2009 № 46» // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга [сайт]. — URL: http://www.assembly.spb.ru/ ndoc/doc/0/706143246 (дата обращения: 17.11.2020).
7. *Савоськин А.В.* Возможно ли упразднение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации? / А.В. Савоськин, А.О. Казанцев. — Текст: электронный // — URL: https://wiselawyer-ru.turbopages.org/wiselawyer.ru/s/poleznoe/75535-vozmozhno-uprazdnenie-konstitucionnogo-ustavnogo-suda-subekta-rossijskoj (дата обращения: 17.11.2020).

Кузнецов Сергей Сергеевич,
магистрант Санкт-Петербургского
юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Некоторые проблемы гражданско-правовой защиты участников долевого строительства

Аннотация: *В статье анализируются проблемы гражданско-правовой защиты участников долевого строительства. Рассматриваются такие средства правовой защиты дольщиков, как взыскание убытков, неустойка и признание права собственности на объекты долевого строительства. Исследуется судебная практика по изучаемым вопросам.*

Ключевые слова: *долевое строительство, риски граждан, инвестирование, многоквартирные дома, убытки, неустойка.*

Sergey S. Kuznetsov*,*
master's student of the St. Petersburg Law Institute (branch)
University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

Some problems of civil protection of participants in shared-equity construction

Abstract: *The article analyzes the problems of civil protection of participants in shared-equity construction. In particular, such remedies of shareholders as recovery of losses, penalty and recognition of the right of ownership of shared-equity construction objects are being studied. It also examines the judicial practice on the issues under study.*

Keywords: *shared-equity construction, risks of citizens, investment, apartment buildings, losses, penalty.*

Одним из наиболее распространённых способов привлечения денежных средств граждан в строительство объектов жилой недвижимости с целью последующей их покупки в нашей стране является долевое строительство. Специфика данных отношений состоит в том, что после внесения суммы, определённой в договоре, обязанным лицом становится строительная организация. Но в связи с длительностью строительства и отсутствием постоянного контроля, как со стороны государства, так и со стороны банков, граждане оказываются менее защищённой стороной договора, так как в дальнейшем они не могут влиять на исполнение перед ними обязательств.

Универсальным средством правовой защиты участников долевого строительства является взыскание убытков. На практике у дольщиков возникают некоторые проблемы при взыскании убытков, поскольку граждане не являются профессиональной стороной данных отношений и изначально не собирают доказательства для подтверждения факта нарушения права. Для наступления гражданско-правовой ответственности в виде убытков необходимы следующие условия: противоправный характер поведения лица, наличие у потерпевшей стороны понесенных убытков, причинная связь между противоправным поведением лица и наступившими негативными последствиями, вина правонарушителя. Если дольщик не доказал все указанные обстоятельства, то это повлечет к отказу его исковых требований в суде.

В России не сложилось единообразной судебной практики по вопросу отнесения к убыткам дольщиков затрат по найму жилого помещения в связи с нарушением сроков ввода здания в эксплуатацию строительной организацией. Чтобы получить право на компенсацию, участнику долевого строительства нужно доказать причинно-следственную связь между необходимостью найма жилого помещения и просрочкой передачи объекта жилой недвижимости застройщиком. Так, по одному из судебных процессов строительная организация должна была передать Р. жилое помещение до 31 декабря 2015 г., но фактическая передача была осуществлена 24 июня 2016 г. Вместе с тем Р., как указал суд, зарегистрирована в населенном пункте, находящемся на значительном расстоянии от места фактического проживания и работы, а другого жилья в этом городе не имела. Суд встал на сторону дольщика и взыскал с застройщика, нарушившего срок передачи объекта жилой недвижимости, расходы на оплату аренды

жилья: Р. объективно была вправе рассчитывать на своевременную передачу жилого помещения, но по причине допущенной строительной компанией просрочкой вынуждена была нести расходы по аренде другой квартиры [1].

Соответственно, суд пришёл к справедливому выводу о том, что между отсутствием у дольщика квартиры на праве собственности, понесёнными им затратами на аренду иного жилого помещения и нарушением застройщиком срока передачи объекта жилой недвижимости, имеется причинно-следственная связь, признав данные расходы убытком участника долевого строительства.

Однако имеется и прямо противоположная практика. Например, апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 14 июня 2018 г. № 33-10892/2018 по делу № 2-3670/2017 отказано во взыскании убытков в виде расходов по найму жилого помещения. В двухкомнатной квартире истицы также зарегистрированы её родители и несовершеннолетние дети. Суд указал, что невозможность проживания в данном жилом помещении не доказана, а аргумент дольщицы о том, что жилищная обеспеченность проживающих в данной квартире лиц ниже установленной расчетной нормы, правового значения для разрешения дела не имеет. Таким образом, суд посчитал, что между действиями строительной организации и возникшими затратами причинно-следственной связи не имеется, а также не доказана потребность участника долевого строительства в аренде квартиры вследствие несвоевременной передачи застройщиком объекта договора при наличии прав на жилое помещение по месту регистрации [2].

Представляется, что суд необоснованно отказал дольщице в возмещении расходов по найму жилого помещения, поскольку суды должны учитывать площадь арендуемого жилья и количество проживающих в нём. По нашему мнению, следует исходить из учётной нормы площади жилого помещения, поскольку она определяет минимальный уровень обеспеченности граждан общей площадью жилого помещения [3].

Расходы на аренду жилого помещения будут убытком дольщика и в том случае, если в соответствии с договором долевого участия объект жилой недвижимости должен быть передан без чистовой отделки. Так, Верховный Суд РФ указал, что нижестоящий суд необоснованно отказал дольщику во взыскании убытков в виде затрат на

найм квартиры лишь по причине того, что жилое помещение передавалось без отделки. В данном случае следует установить, когда квартира фактически может быть использована дольщиком для проживания, и, принимая это во внимание, определить возможность возмещения убытков в виде затрат на аренду объекта недвижимости [4].

В данном случае следует проводить строительно-техническую экспертизу с определением срока проведения отделочных работ в жилом помещении. И, соответственно, выплачивать компенсацию за убытки в виде расходов на аренду жилого помещения, начиная с даты окончания проведения работ, уменьшив таким образом период просрочки на количество дней, необходимых для доведения жилого помещения до состояния, пригодного к использованию.

Судами рассматривается большое количество споров по взысканию неустойки со строительной организации за нарушение сроков передачи зданий, когда за защитой своих прав обращаются лица, которые приобрели соответствующее право на неустойку на основании договора уступки права требования [5, с. 73].

Вследствие этого в судебной практике возникают вопросы, касающиеся регистрации договора уступки права требования неустойки. Некоторые суды считают, что данный договор регистрировать не следует, поскольку неустойка не связана с правами на недвижимость, а обязательства, не влекущие обременения на недвижимое имущество, регистрации не подлежат. Другие суды указывают на необходимость проведения соответствующей регистрации [5, с. 73]. Данный вопрос разрешил Верховный Суд РФ в Определении от 26 апреля 2018 г. по делу № 305-ЭС17-17670, в котором указал об обязательности государственной регистрации договора уступки права требования неустойки [6].

Неоднозначным в сфере долевого строительства является вопрос возможности признания права собственности на объекты незавершенного строительства. Действующее законодательство в определённых случаях предусматривает признание прав на объект незавершенного строительства, а также на получение и нахождение данного объекта в собственности дольщиков [7].

А.В. Алтухов отрицательно относится к практике признания права собственности на объекты незавершенного строительства. Он считает, что до момента передачи строительной организацией дольщику

объекта жилой недвижимости, участнику долевого строительства должны быть доступны лишь средства обязательственно-правовой защиты [8, с. 33].

Согласно ст. 130 ГК РФ к объектам недвижимости относятся земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землёй, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства [9, ст. 130, п. 1]. Соответственно, признание прав на объекты незавершенного строительства возможно и по решению суда.

Незавершённое строительство здания застройщиком не должно нарушать право дольщиков на защиту своих гражданских прав с помощью признания права собственности на долю в праве собственности на объект незавершенного строительства. Но существуют некоторые проблемы, с которыми сталкиваются участники долевого строительства при реализации вышеуказанного права.

Можно выделить несколько оснований, имеющих важное значение при признании права собственности на объект незавершенного строительства. Прежде всего участник долевого строительства должен доказать в суде, что выполнил обязательства по выплате полной стоимости объекта жилой недвижимости, предусмотренной договором [10, 11, п. 3].

Также для признания права на соответствующий объект строительства следует удостовериться, что объект зарегистрирован в Едином государственном реестре недвижимости, поскольку без такой регистрации проведенные сделки могут быть признаны недействительными, так как недвижимое имущество может быть предметом сделок только в случае оформления на него права собственности [7].

Одним из главных оснований для удовлетворения требований участника долевого строительства является уровень готовности объекта незавершенного строительства. Верховный Суд РФ считает, что при решении вопроса о признании права собственности на объект незавершенного строительства следует установить, что на нём, как минимум, завершены работы по возведению фундамента или аналогичные им работы. При этом суд отмечает, что замощение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, не может быть признано индивидуальным объектом недвижимости [12, п. 38].

В зависимости от уровня завершённости объекта строительства могут быть удовлетворены требования дольщиков о признании права собственности на объект недвижимости в виде квартиры. Верховный Суд указывает, что квартиру, имеющую индивидуально-определённые характеристики, при высокой степени завершённости строительства (80%) можно признать самостоятельным объектом недвижимого имущества [13, п. 16].

Вместе с тем некоторые суды не признают квартиры, находящиеся по проектам внутри домов, самостоятельными объектами оборота в гражданско-правовых обязательствах до завершения строительства и ввода здания в эксплуатацию, поскольку данные объекты нельзя индивидуализировать [14].

Соответственно, участнику долевого строительства целесообразнее требовать признания права собственности на долю в объекте незавершенного строительства, а не на саму квартиру. Проблема состоит в том, что в момент предъявления искового заявления у застройщика, как правило, ещё не имеется права собственности на жилые помещения, поскольку они не поставлены на кадастровый учёт. Таким образом, суд может защитить гражданские права дольщика путём признания права собственности на долю в объекте незавершенного строительства, которая в действительности выражена в виде квартиры.

Можно сделать вывод, что, несмотря на все меры, принимаемые государством для повышения ответственности застройщиков, в настоящее время имеется ряд недостатков как в законодательстве, так и в судебной практике. Законодателю стоит подумать о возможных дополнительных изменениях нормативно-правовой базы, в которых будут учтены перечисленные выше проблемные вопросы.

Литература

1. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2017 г. по делу № 18-КГ17-239. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 13.11.2020).
2. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 14 июня 2018 г. № 33-10892/2018 по делу № 2-3670/2017. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 13.11.2020).

3. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 07.11.2020).
4. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 04 сентября 2018 г. № 46-КГ18-38. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 07.11.2020).
5. *Борсова Ж.П.* Правовое регулирование участия в долевом строительстве. Вопросы судебной практики / Ж.П. Борсова, М.Ю. Бондарев // Вестник Арбитражного суда Московской области. — 2019. — №1. — С. 68-76.
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 апреля 2018 г. по делу № 305-ЭС17-17670. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 09.10.2020).
7. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. Ст. 40. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 16.09.2020).
8. *Алтухов А.В.* Гражданско-правовая защита прав участников долевого строительства многоквартирных домов при несостоятельности (банкротстве) застройщика: дис. …канд. юрид. наук. — М. 2016. — 226 с.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Ст. 130 П. 1. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 14.10.2020).
10. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 сентября 2018 г. по делу № 33-40132/2018 — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3(2017)»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г. П. 3 Определение № 89-КГ16-10. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 14.10.2020).
12. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации. П. 38: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 16.09.2020).
13. Обзор практики разрешения судами споров, возникающих в связи «с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04 декабря 2013 г. П. 16. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 16.09.2020)
14. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2019 г. № 11АП-5419/2019 по делу № А49-10760/2016. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный (дата обращения: 16.09.2020).

Лаврова Ирина Геннадьевна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Формирование светской цензуры в российской империи в эпоху Петра I

Аннотация: *Реорганизация цензурного аппарата с курсом на расширение легального светского книгопечатания стоит в одном ряду со значимыми реформами эпохи Петра I. В статье рассмотрены основные моменты деятельности Петра I в сфере зарождающейся светской цензуры, а также попытки монарха ограничить монополию церкви на издание книг и в результате получить подконтрольную только воле императора светскую и духовную цензуру.*

Ключевые слова: *цензура, Пётр I, светское книгопечатание, реформы Петра I, Синод, полицейское государство, «Великое посольство», идея «общего блага», гражданская типография, церковь, лубок, воеводские канцелярии, полиция, Изуграфская палата, живопись.*

Irina Gennadyevna Lavrova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

The formation of secular censorship in the russian empire in the epoch of Peter I

Abstract: *The reorganization of the censorship apparatus with a course to expand the legal secular printing is on a par with the significant reforms of the epoch of Peter I. In this article, the author considered the main points of Peter I's activity in the sphere of nascent secular censorship, the attempts of the monarch to limit the church's monopoly on publishing books and, as a result, to obtain both secular and spiritual censorship controlled only by the will of the emperor.*

Keywords: *censorship, Peter I, secular printing, reforms of Peter I, Synod, police state, «Great Embassy», the idea of «common good», civil printing house, church, lubok, voivodeship offices, police, Izugraf chamber, painting.*

Пётр I известен всем прежде всего как реформатор, выдающийся правитель, однако вместе с этим, как охарактеризовал его А.С. Пушкин, — «нетерпеливый самовластный помещик», чьи указы «жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом» [1]. Во всяком случае, великий поэт ясно осознавал, что благодаря светской цензуре увидели свет многие произведения талантливых писателей и поэтов, которые не получили бы у клира разрешения на публикацию, если бы не этот «кнут» Петра I. Действительно, политика императора про-

тиворечила устоявшимся старомосковским традициям и ценностям, а претворение его замыслов в жизнь сопровождалось известными строгостями реформатора в отношении исполнителей. Тем не менее, император в основу государственных преобразований закладывал политико-правовой идеал «общего блага». Роль главы государства в качестве гаранта и первого слуги Отечества давала право присвоить себе исключительную способность тонкого понимания общей пользы. Многие реформы Петра I во внешней и внутренней политике подкрепляются этой идеей служения России как высшей ценности для монарха. Неудивительно, что такой нетерпеливый и энергичный правитель берётся за реорганизацию дела цензуры. Особое значение на этом пути имело «Великое посольство» (1697-1698 гг.), во время которого молодой Пётр I убеждается в разнице взглядов разных слоёв населения европейских стран и оценивает возможность согласования всех противоречивых общественных позиций в России только волей государя, единственно верной и оправданной, в нормативном правовом акте. Так сложилась оценка чрезмерности полномочий церкви в деле книгопечатания и цензуры, и монарх сам берётся за регулирование этой сферы путем сосредоточения в своих руках большей части цензурного аппарата в непреодолимом желании контролировать в своём государстве всё: начиная от слов и действий своих поданных и заканчивая их потаёнными мыслями.

При Петре I начинается активное развитие светского книгопечатания. Впервые были открыты казённые гражданские типографии. Примечателен факт открытия первой русской типографии Петром I в 1697 г. в Амстердаме, где царь познакомился с типографом Яном Тессингом и выдал тому разрешительную грамоту на осуществление русского книгопечатания в течение 15-ти лет с общим цензурным требованием к содержанию произведений — «к славе великого государя». В то же время монарх понимал необходимость введения нового алфавита для светской печати, поэтому и заказал в упомянутом ранее Амстердаме полный комплект нового гражданского шрифта, который вошёл в употребление в 1708 г. В том же году была выпущена первая книга с использованием новшества — «Геометрия славенски землемерие» (рис. 1). А уже в 1715 г. гражданский шрифт полностью вытеснил церковнославянский в официальной печати (рис. 2). Это была первая реформа русского алфавита, ограничившая права церкви на

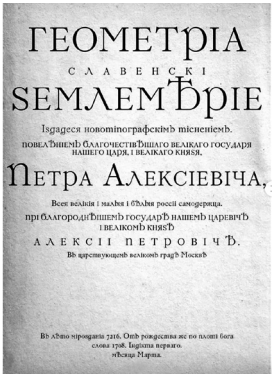

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКІ
SEMЛЕМѢРІЕ
Іздадеся новопіографскімъ тісненіемъ.
повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго государя нашего царя, і великаго князя.
Петра Алексіевича,
Всеи великія і малыя і бѣлыя россіи самодержца.
при благородивѣйшемъ государѣ нашемъ царевичѣ і великомъ князѣ
АЛЕКСІІ ПЕТРОВІЧѢ.
Въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ
Въ лѣто чірозданіа 7216. Отъ рождества же по плоти бога слова 1708. Іюдіта перваго
тѣсяца Марта.

Рис. 1. Первая книга, напечатанная с использованием гражданского шрифта

АБВГДЕЖSIКЛ
МНОПРСТУФ
ХЦЧШЩЪЫЬ
ѢЭЮЯѲ
абвгдежsiклмнопрстуфхцчшщъыь
ѣэюяѳ

Рис. 2. Гражданский шрифт

1
САНКТЪПІТЕРБУРХЪ.
ВѢДОМОСТЪ.
Сего марта 1 числа, 1713.
ЦАРСКОЕ ВЕЛІЧЕСТВО ПІСАЛЪ, КЪ ГОСПОДІНУ АДМІРАЛУ, ИЗЪ ФРЕДРІХЪ ШТАТА, ОТЪ 3 ЧІСЛА ПРОШЕДШАГО ФЕВРАЛЯ.

Рис. 3. Газета «Ведомости»

книгопечатание и расширившая возможности для развития светского издания, в частности, образовательной литературы.

Одним из результатов «Великого посольства» стало знакомство Петра I с периодикой, что и послужило к учреждению им первой печатной газеты «Ведомости» (1702-1728 гг.) (рис. 3). Глава российского государства быстро оценил возможности печатных изданий в формировании определённого образа мыслей у читателей. Более того, Пётр I стал издавать свою газету в тяжелый военный период, когда русские войска к 1702 году понесли серьёзные поражения в Северной войне и теряли веру в победу над неприятелем. Как раз петровские «Ведомости» должны были убедить русский народ в возможности победы над казавшейся несокрушимой шведской армией. Именно поэтому в первых выпусках газеты сообщалось о захвате артиллерии врага, успешных военных операциях. Император сам являлся автором многих статей в «Ведомостях», лично был цензором газеты, «мимо него не прошла ни одна печатная строка», как, впрочем, и все иные печатные издания в стране. Таким образом, Пётр I устанавливал монополию государства на печатание, сосредоточенную в руках монарха.

Несмотря на всепоглощающий контроль со стороны верховной власти в области цензуры, в западных частях страны — Чернигове и Киеве — оставались относительно вольные типографии, которые лишь частично контролировались в правление Алексея Михайловича. Привилегии, данные при присоединении этих земель к Российскому цар-

ству, например, сохранение действия Магдебургского права, касались и печати. Следует заметить, что в Киеве и Чернигове воспитывали священников на идеалах западно-европейской церкви, то есть замечались протестантские веяния в издаваемых там книгах. Таким образом, исторически сложилась роль «рассадника вольнодумия» западной части государства. Пётр I сохранял такое положение дел по причине возможностей извлечения государственной пользы — активного участия выходцев с Украины в процессе включения церкви в механизм полицейского государства. В этом смысле издание книг с передовыми европейскими идеями рассматривалось верховной властью как бесспорно важный фактор перестройки мировоззрения российского общества. Однако проявление в печатной продукции вольнодумия в отношении создаваемых государственных порядков в интересах общей пользы виделось недопустимой и не разрешенной деятельностью. Таким образом, сложилось представление о необходимости установить довольно жёсткие цензурные правила для печати. Сенатским указом от 5 октября 1720 г. закреплялся институт контроля над вольными типографиями монастырей Киева и Чернигова со стороны Духовной коллегии. Устанавливался обязательный предварительный просмотр рукописи, подлежащей публикации. Книги, напечатанные без предварительной цензуры, объявлялись незаконными и не допускались к распространению под страхом наказания. Так в области книгопечатания закладывается позиция полицейского государства — разрешается то, что прямо дозволено [2].

С тех пор усиливается политика Петра I в сфере ограничения прав церкви на цензурную деятельность. Начиная с 1718 г., у Петра I зарождаются мысли превратить церковь в подчинённый государству орган, и потому император приказывает Феофану Прокоповичу разработать план изменения церковного управления по примеру гражданских коллегий. Всё это приводит к утверждению «Регламента или Устава Духовной, Коллегии» от 25 января 1721 г. и окончательному упразднению патриаршества [3]. Обязанности контроля за выпуском богословской, религиозной литературы с 16 февраля 1721 г. возложены на Святейший Правительствующий Синод [4]. При этом Коллегия выполняет свою миссию с участием чиновников, то есть светских лиц, далёких от духовного образования, но уполномоченных осуществлять свою деятельность в соответствии с весьма чёткими

цензурными требованиями. Церковь здесь рассматривается элементом государственного механизма с вполне светскими полномочиями в области публикации духовной литературы. Указом от 20 марта 1721 г. воспрещается продажа в Москве книг духовного содержания «без дозволения, под страхом жестокого ответа и беспощадного штрафования» [5]. Таким образом, можно считать, что Регламент являлся своего рода первым законом о печати в России.

В начале XVIII в. бесконтрольно распространялись лубочные картинки и иные произведения народного творчества. Синод Указом от 20 марта 1721 г. «О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода…» высказал требование усилить контроль за лубочным творчеством и отправлять такого рода изделия в Церковный приказ [5]. Для ограничения безнадзорной типографской деятельности «разных чинов людей» Пётр I учреждает в Москве Изуграфскую палату — орган предварительной цензуры, без разрешения которой лубочная литература не могла выходить в свет. Однако всё это было безуспешно, и народ продолжал распространять лубок самостоятельно, уклоняясь от предварительной цензуры (рис. 4). Следует разобраться, почему так происходило. Прежде всего, лубочная литература продавалась с небольших лоточков, которые носили с

Рис. 4. Изображение Петра I в лубочном стиле

собой; продавалась она непублично, то есть было трудно отслеживать и пресекать её распространение действующей в то время полицией. Полиция петровской эпохи — малочисленный орган — существовала только в Москве и Санкт-Петербурге, уполномочивалась следить за правопорядком и распространением лубка лишь на своих территориях, в то время как в остальных местах этим призывались заниматься малочисленные воеводские канцелярии по 10–15 человек делопроизводителей, перегруженные другими, более значимыми и неотложными делами. К тому же многие местные чиновники не совсем понимали, распространение какого рода литературы следовало пресекать. Меры, принятые для эффективного контроля за обширной самодельной литературой, оказались недостаточными. Тем не менее, в создании Изуграфской палаты намечалась тенденция переноса неформального распространения продукции народного творчества к его легальному изданию в масштабных тиражах, тем самым народу предоставлялась подконтрольная государству возможность самовыражаться.

Не менее важным моментом эпохи Петра I является издание Указа от 21 января 1723 г. «О писании портретов Императорской Фамилии людям искусным в живописи» [6]. На первый взгляд, этот Указ кажется курьёзным и нелепым, однако следует иметь в виду, что в петровское время живопись приобретала ярко выраженный идеологический характер. В частности, если раньше портреты государя писались для личного хранения, то теперь их также начинали использовать для публичного тиража, а значит, возникала необходимость изображать главу государства и его семью на высоком идейно-художественном уровне, то есть красиво и политически правильно (рис. 5). Также обязательным условием было изображение Екатерины на портретах. Осознавая, что женитьба на Екатерине юридически небезупречна и многие подданные не воспринимали этот брак, изображение супруги императора на портретах было необ-

Рис. 5. Портрет Петра I в рыцарских доспехах. Жан-Марк Натье, 1717

ходимым для утверждения ее в сознании подданных в качестве законной супруги главы государства. Отсюда следуют определённые цензурные требования к людям, умеющим рисовать. Большинство из них рисовали именно лубочным стилем, примитивно. В то же время не допускалось изображения лица императора в непристойном виде. Таким образом, по причине малограмотности народа, рисунки выступали инструментом эффективного идеологического воздействия на население, вследствие чего и вводилось запрещение изображать императора вне рамок государственно установленного концепта.

В заключение отметим, что в период правления Петра I цензура как социально-правовой институт начинает формироваться «сверху». Более того, складывается определённая позиция в государственной политике о необходимости контроля выражения письменных, словесных и художественных мыслей народа. Однако централизованной системы контроля и достаточно чётко распределенных полномочий между органами государственной власти ещё не существовало, но сама тенденция была обозначена. Таким образом, Петром I были заложены основы цензуры, которые впоследствии развивали его преемники на российском престоле.

Литература

1. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. История Петра I. Подготовительные тексты: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
2. Сенатский указ от 5 октября 1720 г. «О именовании Киевопечерского и Черниговского монастырей, во всех книгах, Ставропигиею Всероссийских Патриархов, и о непечатании новых книг без позволения Духовной Коллегии» // Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ). — Т. 6. — № 3653.
3. Регламент или Устав Духовной, Коллегии от 25 января 1721 г. // ПСЗ. — Т. 6. — № 3718.
4. О бытии Московской и Санктпетербургской типографий в ведении Святейшего Синода: Именной указ от 16 февраля 1721 г. // ПСЗ. — Т. 6. — № 3741.
5. О непродаже листов разных изображений, служебников и канонов, изданных без дозволения Синода, и об отбирании оных в Церковный приказ: Синодский указ от 20 марта 1721 г. // ПСЗ. — Т. 6. — № 3765.
6. О писании портретов Императорской Фамилии людям искусным в живописи: Именной указ от 21 января 1723 г. // ПСЗ. — Т. 7. — № 4148.

Ли Анжелика Романовна,
магистрант Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Нечеткие методы идентификации и оценки рисков при планировании и выполнении инфраструктурных проектов в контексте обеспечения экономической безопасности страны

Аннотация: *В статье обосновано использование нечетких методов идентификации и оценки рисков при планировании и выполнении инфраструктурных проектов в градостроительстве. Показано, что применяемые в настоящее время методы построения матриц рисков не обеспечивают достоверности оценки рисков, так как используют субъективные суждения и носят интервальный характер. Сделан вывод, что особый интерес представляет исследование возможности использования компонентов архитектуры и механизма вывода нечетких логических систем интервального типа 2 при разработке интеллектуальных систем поддержки принятия решений по управлению рисками выполнения проектов в контексте обеспечения экономической безопасности страны.*

Ключевые слова: *оценка и управление рисками, инфраструктурные проекты, градостроительство, экономическая безопасность, нечеткие методы, матрицы рисков.*

Anzhelika Romanovna Li,
master's student of the Faculty of National Security,
ILNS of RANEPA

Fuzzy methods for identifying and assessing risks in the planning and implementation of infrastructure projects in the context of ensuring the countru's economic security

Abstract: *The article substantiates the use of fuzzy methods of identification and risk assessment in the planning and implementation of infrastructure projects in urban planning. It is shown that the currently used methods for constructing risk matrices do not ensure the reliability of risk assessment, since they use subjective judgments and are of an interval nature. It is concluded that of particular interest is the study of the possibility of using architecture components and the inference mechanism of fuzzy logical systems of interval type 2 in the development of intelligent decision support systems for managing the risks of project execution in the context of ensuring the economic security of the country.*

Keywords: *risk assessment and management, infrastructure projects, urban planning, economic security, fuzzy methods, risk matrices.*

Развитие строительной отрасли государства и градостроительства в соответствие со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р, призваны обеспечить устойчивое и сбалансированное развитие РФ, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также национальную безопасность страны [1]. Мировой опыт использования строительной отрасли и развития территорий за счет совершенствования инфраструктуры, градостроительства и других факторов развития территорий показывает эффективность и актуальность данного стратегического направления для выхода из затяжных экономических кризисов. Однако сформулированные в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года цели и задачи в настоящее время не реализуются в полной мере. Это приводит к замедлению или срывам реализации стратегических планов развития территорий, как на федеральном, так и на региональных уровнях. Неуправляемые процессы в градостроительстве приводят к серьезным негативным последствиям. Это объясняется тем, что экономическая безопасность строительного бизнеса России обладает специфическими экономическими институтами, которые, в сочетании с ресурсозависимостью, делают экономическую динамику неустойчивой, а экономический рост легко сменяется спадом. Последнее обуславливает переход проблем развития строительной отрасли государства и градостроительства из состояния «рисков» и «вызовов» в состояние «опасности» и «угроз» в сфере экономической безопасности.

Идентификация и оценка рисков проектов в процессе стратегического планирования и выполнения крупных инфраструктурных проектов в сфере градостроительства, в том числе с учетом их вероятностей и тяжести последствий неблагоприятных событий, являются необходимыми условиями поиска и реализации эффективных алгоритмов управления проектами [2-4]. При этом следует понимать, что управление рисками не всегда означает их устранение. Отказ от риска может не принести ощутимой экономической пользы, поскольку, как правило, именно рискованные проекты сопровождаются большими потенциальными возможностями. Как и в любом деле, в области управления рисками важны нюансы и поиск золотой середины, когда

оправданный и обоснованный риск является условием максимальной эффективности проекта.

Следует отметить, что в специальной литературе наряду с понятием риска используется понятие неопределенности [5]. С точки зрения экономиста Чикагского университета Френка Найта (1885-1972), это не одно и то же. По его мнению, неопределенность следует понимать в смысле радикально отличном от привычного понятия риска. Существенный факт заключается в том, что «риск» означает величину, поддающуюся измерению, в то время как в других случаях он имеет совершенно другую природу. В зависимости от типа, с которым нам приходится иметь дело, существуют далеко идущие и фундаментальные различия в понимании этого явления [6].

В технической области понятие риска трактуется как сочетание вероятности нежелательного события и размера его последствий. Для оценки риска используют уровень риска, под которым понимается некоторый функционал, связывающий вероятность (или частоту) нежелательного события и математическое ожидание размера последствий (ущерба) от возникновения данного события [7]. Для задач по управлению рисками интересны не только значения уровня риска, но и соотношение его составляющих — вероятности и последствий реализации. Например, риски могут иметь одинаковый уровень, но у одного высокая вероятность и незначительные последствия, у другого — низкая вероятность, но серьезные последствия. В первом случае обработка риска может заключаться в уменьшении вероятности события, во втором — может использоваться передача риска, например, страхование [8].

Для оценивания рисков в наглядной форме используют матрицу рисков, которая представляет собой таблицу с сочетанием вероятности (частоты) возникновения события и тяжести последствий этого события (рис. 1).

Однако матрица рисков при всей ее наглядности имеет существенный недостаток, поскольку градации показателей риска, заносимые в матрицу, имеют интервальный характер, границы которых задаются не четко, да и сами оценки показателей определяются с высокой погрешностью [9].

Кроме того, окраска ячеек матрицы рисков, устанавливающая области разного уровня, носит не однозначный характер. Хотя матрицы рисков широко используются на практике, при их построении в основ-

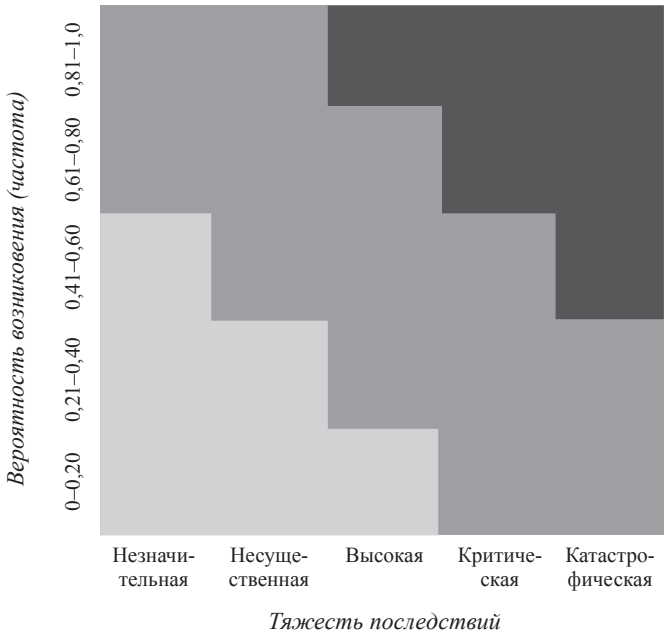


Рис. 1. Матрица рисков

ном используются субъективные суждения, что делает оценку рисков не вероятной. Недавно исследователи осознали эту проблему, а затем предложили несколько методов, пытающихся дать приемлемый дизайн матриц риска. Рассмотрим два метода, которые предлагаются в нормативном порядке, а именно: контуры, основанные на изо-рисках, и три аксиомы Кокса [9, 10]. Хотя оба метода кажутся теоретически разумными, они дают разные конструкции матрицы риска одной размерности, что затрудняет выбор пользователями одного из них.

Отметим также, что вероятность и точность достоверной оценки уровней рисков зависит от ряда непредсказуемых факторов, к которым относятся:

– недостаток априорной информации;

– ошибки в полученных данных;

– субъективность экспертных оценок как в оценке вероятности наступления не благоприятных событий, так и в оценке тяжести их последствий.

Таким образом, эффективность распределения ресурсов для снижения рисков, основанная на интервальных категориях, предусмотренных матрицами рисков, и субъективных экспертных оценках не высока. Эти недостатки в процессе реализации стратегии управления могут привести к противоположному результату относительно поставленной цели.

В последние годы в стране и за рубежом появилось много работ, посвященных использованию нечеткой логики в задачах оценки и управления рисками [11, 12]. В основе этих работ лежит тезис, сформулированный американским математиком, основоположником теории нечетких множеств и алгоритмов управления Лотфи А. Заде, смысл которого заключается в следующем: в условиях недостатка априорной информации о процессах или явлениях, например, в экономике нечеткие модели и методы оценки ситуаций являются более точными и адекватными, нежели традиционные математические модели и методы [13].

На рис. 2 показаны области эффективного применения методов управления, основанных на использовании принципиально разных подходов.

Классические методы управления хорошо работают при полностью управляемом и наблюдаемом объекте управления и детерминированной среде. Для систем с неполной или неточной информацией и высокой сложностью объекта управления лучшие результаты дают нечеткие методы управления. Методы управления с применением искусственных нейронных сетей позволяют обеспечить высокие показатели качества управления при высокой сложности объекта и практически полном отсутствии данных о нём.

Наилучшие результаты для систем средней сложности и детерминированности информационной среды достигаются применением нечетких алгоритмов управления, а для систем высокой сложности и малой детерминированности — применением нейронных сетей. Однако не исключено совместное использование как классических методов управления, так и методов искусственных нейронных сетей с нечеткими системами (на рис. 2 показано заштрихованными областями).

Поскольку эффективность управления рисками напрямую зависит от возможностей присвоить риску определенную количественную ха-

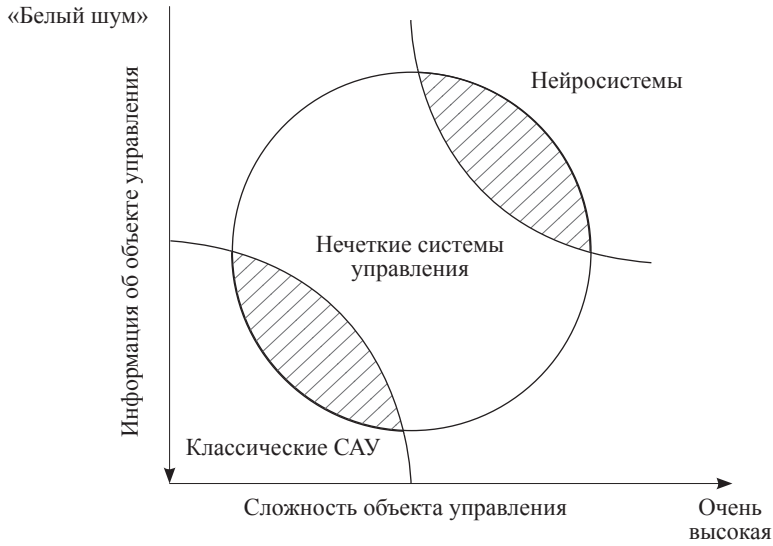


Рис. 2. Области эффективного применения методов управления, основанных на принципиально разных подходах

рактеристику и показать, какие численные последствия для проекта повлекут те или иные риски, целесообразно обратить внимание на методы управления, занимающие центральную часть диаграммы на рис. 2 и оптимальные для систем с неполной или неточной информацией и высокой сложностью объекта управления.

Рассматривая матрицу рисков как нечеткую систему, на входы которой подается информация в виде лингвистических переменных, сформулируем последовательность этапов проектирования системы оценки рисков с последующим переводом нечеткую информацию на входе в количественную на выходе:

– определить входы и выходы создаваемой системы;

– задать для каждой из входных и выходных лингвистических переменных терм-множества функции принадлежности;

– разработать базы правил выводов для реализуемой нечёткой системы;

– провести дефаззификацию;

– провести настройку и анализ адекватности разработанной модели в системе реального времени.

В данном случае дефаззификация — это операция перевода нечеткой информации в четкую информацию [14].

Поскольку архитектура матриц рисков основана на интервальном характере входных переменных, перспективными являются вопросы применения нечетких логических систем интервального типа 2 (interval type-2 fuzzy logic systems) [15]. При этом во многих публикациях зарубежных авторов по данной тематике нечеткие логические системы интервального типа 2 рассматриваются, как правило, для разработки только нечетких контроллеров [16, 17]. В контексте вопросов, поднимаемых в настоящей работе, особый интерес представляют исследования подходов к использованию компонентов архитектуры и механизма вывода нечетких логических систем интервального типа 2 при разработке интеллектуальных систем поддержки принятия решений по управлению рисками выполнения проектов в рамках интеллектуальных информационных технологий.

Таким образом, рассмотрение теоретических аспектов метода нечетких множеств и освоения специфики нечеткой логики и алгоритмов для оценки рисков при стратегическом планировании и выполнении крупных инфраструктурных проектов может существенно повысить достоверность оценки рисков, влияет на процессы обеспечения экономической безопасности страны, и объективно требуют дальнейшего научного исследования.

Литература

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2015 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р. — Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс. — Текст: электронный (дата обращения: 12.05.2020).
2. *Schieg Martin.* Risk management in construction project management // Journal of Business Economics and Management. — 2006. — Vol VII. — № 2. — Pp. 77–83.
3. *Iqbal S., Choudhry R.M., Holschemacher K., Ali A., Tamošaitienė J.* Risk management in construction projects // Technological and Economic Development. — 2015. — Vol. 21(1). — Pp. 65–78. — Doi:10.3846/20294913.2014.994582.
4. *Юрьева Л.В.* Основные методы управления рисками на предприятиях / Л.В. Юрьев, М.С. Марфицына, А.Р. Юрьева // Экономические науки. — 2019. — № 4. — С.131–136.
5. *Звягин Л.С.* Определение неопределенности и риска в управлении проектами // Мягкие вычисления и измерения. — 2019. — Т. 26. — № 1. — С. 46–60.

6. *Knight Frank H.* Risk Uncertainty and Profit. — Boston and New York: Houghton Mifflin Company, 1921. — 381 p.
7. ГОСТ 33433-2015. Безопасность функциональная. Управление рисками на железнодорожном транспорте. — URL: http://docs.cntd.ru/document/ 1200127759.
8. *Новожилов Е.О.* Принципы построения матрицы рисков // Надежность. — 2015. — № 3. — С.73-86.
9. *Cox L.A. Jr.* What's wrong with risk matrices? // Risk analysis. — 2008. — Vol. 28. — № 2. — Pp. 497–512. Doi: 10.1111/j.1539-6924.2008.01030.x.
10. *Chunbing Bao, Dengsheng Wu, Jie Wan, Jianping Li, Jianming Chen*. Comparison of Different Methods to Design Risk Matrices from the Perspective of Applicability // 5th International Conference on Information Technology and Quantitative Management (ITQM 2017). — Procedia Computer Science. — 2017. — Vol. 122. — Pp. 455–462.
11. *Уткин Л.В.* Анализ риска и принятие решений при неполной информации. — СПб.: Наука, 2007. — 404 с.
12. *Szymański Paweł.* Risk management in construction projects / Procedia Engineering. — 2017. — Vol. 208. — Pp. 174–182. Doi: 10.1016/j.proeng.2017.11.036.
13. *Заде Л.А.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений: Пер. с англ. — М.: Мир, 1976 — 165 с.
14. Леготкина Т.С. Модификация метода центроида / Т.С. Леготкина, Ю.Н. Хижняков // Вестник Ижевского государственного технического университета. — 2011. — № 1. — С.122–125.
15. *Hagras H.* Introduction to Interval Type-2 Fuzzy Logic Controllers — Towards Better Uncertainty Handling in Real World Applications / Hani Hagras, Christian Wagner // IEEE Newsletter. Systems, Man and Cybernetics Society. — June 2009. — Issue 27. — Pp.181–200.
16. *Wagner C.* Uncertainty and Type-2 Fuzzy Sets and Systems / C. Wagner, H. Hagras // Workshop on Computational Intelligence (UKCI), October 2010 UK. Doi:10.1109/ UKCI.2010.5625603.

Малышкин Семён Павлович,
студент Волгоградского института управления — филиала РАНХиГС

Правовая оценка перспектив внедрения цифрового рубля

Аннотация: *В статье представлен анализ популярного и обсуждаемого в последние годы прогнозируемого нововведения в области электронных платежных средств — цифрового рубля с точки зрения его переноса в правовую сферу. Автор рассматривает категорию цифрового рубля в аспекте ее введения в систему законодательства, ее соотношения с обычным рублем, установленным Конституцией Российской Федерации и Гражданским кодексом Российской Федерации; структуры установленных гражданским законодательством форм оплаты, а также нормативных положений налогового и финансового права, на которые может повлиять введение цифрового рубля в систему законодательства. Анализ дополняется результатами обобщения способов разрешения возможных правовых коллизий в связи с внедрением инноваций*

Ключевые слова: *цифровой рубль, цифровизация права, финансовое право, электронные средства платежа, цифровые активы.*

Semyon Pavlovich Malyshkin*,*
student of the Volgograd Institute of Management, Branch of RANEPA

Legal assessment of the prospects for digital ruble implementation

Abstract: *The article presents an analysis of a popular and discussed in recent years projected innovation in the field of electronic means of payment — the digital ruble in terms of its transposition into the legal sphere. The author considers the digital ruble category in the aspect of its introduction into the system of legislation, its correlation with the usual ruble established by the Constitution of the Russian Federation and the Civil Code of the Russian Federation; the structure of the established by civil legislation forms of payment, as well as the regulatory provisions of tax and financial law, which might be affected by the introduction of the digital ruble into the legislation system. Analysis is supplemented by the synthesis results of ways to resolve possible legal conflicts due to the introduction of innovations.*

Keywords: *digital ruble, digitalization of law, financial law, electronic means of payment, digital assets.*

Во второй половине второго десятилетия XXI века в связи с закономерным интересом к возможности применения новых технологий для оптимизации государственного управления активизировалась деятельность исследователей стран мира по анализу и оценке стратегии введения цифровой валюты центрального банка. Российская Федерация не стала исключением. В апреле 2019 года вышла в свет аналитическая записка «Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?», подготовленная Департаментом исследований и прогнозирования Банка России [1, с. 3].

Однако предметом таких исследований становится именно экономический аспект. Вместе с тем, для полномерного изучения рассматриваемого объекта следует обращаться ещё и к иным аспектам такого внедрения, в частности, к юридическому. Из доклада «Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций», подготовленного подразделениями Банка России, следует, что цифровой валютой центрального банка планируется установить Цифровой рубль [2, с. 3]. Цифровую валюту центрального банка и её правовое регулирование следует отличать от правового регулирования криптовалюты, так как последняя неподконтрольна эмитенту (алгоритмическая эмиссия криптовалюты) и децентрализована (отсутствует оператор по переводу денежных средств) [3, с. 190–192]. Цифровая валюта центрального банка, в частности, цифровой рубль, таким качествам не отвечает, так как в представленной специалистами Банка России модели цифрового рубля эмиссию цифрового рубля осуществляет Банк России, а также присутствует оператор по переводу денежных средств через платформу Цифровой валюты Центрального банка РФ, о которой будет упомянуто далее [2, с. 5, 26], что выводит его обсуждение из дискурса о криптовалютах, развёрнутого среди российской юридической общественности, на более широкое.

Как и при обсуждении внедрения любой новой категории, внедряемой в систему законодательства, встаёт вопрос о совместимости со смежными, уже включенными в категориальный аппарат действующих нормативно-правовых актов, понятиями. В этой же ситуации небезынтересным также представляется прогнозирование последствий введения новой, довольно масштабной категории, значимость которой обусловлена референцией в силу технологического развития ранее не существовавшего не менее значимого электронного платёж-

ного инструмента, а также платформы и иных необходимых для его обращения элементов. Поэтому представляется важным рассмотреть последствия внедрения и сопоставимость с иными категориями не только по горизонтали — между разными отраслями права, но и по вертикали — в иерархии нормативно-правовых актов. Начнём с основной нормы, по терминологии Ганса Кельзена, — Конституции Российской Федерации.

Напомним, что ст. 75 Конституции Российской Федерации устанавливает: «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль» [4, ст. 75]. В то же время, предполагаемым платёжным средством планируется сделать цифровой рубль. Если сравнивать эти два понятия, станет проявленным, что цифровой рубль не вписывается в категориальную систему Конституции РФ, что требуется внесение поправок. С точки зрения формальной логики цифровой рубль является видом рубля, и указанные понятия находятся в состоянии подчинения (объём понятия цифрового рубля входит в объём понятия рубля). Но несмотря на состояние сходства понятий, оба они являются самостоятельными и разными, что в процессе внедрения цифрового рубля создаст трудности юридической квалификации.

Вместе с тем поправки в Основной закон являются радикальным методом разрешения коллизий, и поэтому целесообразно обратиться к более мягким методам. Теории и философии права известны и иные пути решения указанного противоречия: через действие «живого права» концепции Ойгена Эрлиха или посредством механизмов, предлагаемых концепцией правовой науки США, «Живой конституции». Однако, если концепция Ойгена Эрлиха допускает существование «живого» права даже contra legem (против закона) [5, с. 487], то концепция «живой конституции» нацелена на улаживание конфликта между буквальным изначальным значением положений основного закона и применением их к современным общественным отношениям, через интерпретацию (общее право в США) [6]. Несмотря на органичную принадлежность концепции живой конституции англо-саксонской правовой системе, последний способ представляется возможным и для обоснования интерпретативных конституционных изменений. В частности, соответствия цифрового рубля статье 75 Конституции РФ через Постановление Конституционного Суда РФ [7, с. 66–68].

Обоснование согласованности рубля и цифрового рубля с помощью толкования в рамках одного юридического документа, однако, не позволяет согласовать это одновременно и со всеми остальными законоположениями. Например, последний способ решения проблемы осложняется для применения в свете положений ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г.№ 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» (далее — Закон о цифровых активах), в соответствии с которой данные, являющиеся цифровой валютой, «предлагаются или могут быть приняты в качестве средства платежа, *не являющегося денежной единицей РФ»* (курсив мой. — *С.М.*) [8]. В последнем случае само словосочетание «цифровой рубль» становится сочетанием несочетаемого.

Следуя от Конституции Российской Федерации, обратимся к положениям второго по значимости акта, содержащего правовое регулирование рубля — Гражданского кодекса Российской Федерации. В ст. 140 Гражданского кодекса РФ указано два вида платёжных средств (рубль и иностранная валюта) и два вида расчётов (наличные и безналичные). В этой же статье указано на обязательность принятия рубля по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации [9, ст. 140]. При рассмотрении указанных законоположений в контексте введения цифрового рубля возникает вопрос об обязательности принятия цифрового рубля на территории РФ (п. 1 ст. 140 ГК РФ), разрешаемый аналогичным вышеописанному образом: посредством известных способов толкования права или через создание законоположений. Второй вопрос более интересен: как текстуально сформулировать вид расчёта цифровым рублём? Ведь он не попадает под безналичный вид расчётов, а представляет собой самостоятельный технологический способ. Подходящей представляется формулировка «расчёт с помощью цифровых транзакций», основанная на понятиях, содержавшихся в первоначальной редакции законопроекта «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…» № 419059-7 [10]. Однако категория «цифровая транзакция» не вошла в список терминов Закона о цифровых активах, что представляет возможные коллизии права в случае упоминания её в ГК РФ. Разрешение такого противоречия представляется возможным через унификацию правовых актов по данному вопросу либо предложение альтернативных формулировок для гражданского законодательства.

Препятствием для правомерного осуществления расчётов цифровым рублём является обязательный элемент любых форм расчётов, установленных главой 45 ГК РФ — Банковский счёт. Так как расчёты цифровым рублём, согласно представленной модели, будут проходить через платформу Цифровой валюты Центрального банка РФ с использованием электронных кошельков [2, с. 7–8, 33], понятие «банковский счёт» не будет охватывать такие отношения. Однако в Гражданский кодекс РФ, как в основной документ, регламентирующий гражданский оборот, неотъемлемой частью которого является производство расчётов между хозяйствующими субъектами, должен быть включён способ расчётов посредством цифровых транзакций для недопущения огромного пробела в праве. В связи с этим целесообразна, во-первых, разработка понятий «цифровой кошелёк», «платформа Цифровой валюты центрального банка РФ», включение их в Закон о цифровых активах или Федеральный закон «О национальной платёжной системе». А во-вторых, включение таких понятий наряду с понятием «банковский счёт» в главу 45 ГК РФ с предварительной переформулировкой основных форм расчёта под цифровые транзакции с цифровым рублём.

При внедрении цифрового рубля возникает потребность во внесении изменений, помимо актов гражданского права, в нормативно-правовые акты финансового и налогового права. Так, в Бюджетном кодексе РФ рубль служит ориентиром для идентификации конкретного вида дохода в бюджет (ст. 50, 56, 61 БК РФ), для определения получателя бюджетных ассигнований (ч. 3 ст. 78.2 БК РФ), а также для определения объекта бюджетных инвестиций (ст. 79 БК РФ) [11]. В Налоговом кодексе РФ рубль также используется для идентификации правовых явлений, например, условий создания консолидированной группы налогоплательщиков (п. 5 ст. 25.2 НК РФ) или минимального объёма капитальных вложений, определяющих сумму финансирования регионального инвестиционного проекта (п. 4 ст. 25.8 НК РФ) и т.д. [12]. Для подзаконных актов проблема остаётся такой же острой. Например, в рублях измеряется доход, необходимый для признания и отграничения микропредприятий, малых и средних предприятий [13]. И в такой ситуации для хозяйствующих субъектов останется неясным, прибавлять ли доход в виде

цифрового рубля к доходу, полученному в форме обычного рубля. Таким образом, с точки зрения бюджетного, налогового, предпринимательского права также существует массив актов, которые не ориентированы на внедрение цифрового рубля и требуют соответствующих корректировок.

Это лишь самая заметная часть противоречий, возникающих с вопросом введения в оборот цифрового рубля. Представляется, что ещё более масштабные последствия внедрение цифрового рубля окажет на документы подзаконного регулирования, особенно в части форм бухгалтерской и налоговой отчётности. Поэтому полагаем, что целесообразна обстоятельная и детальная подготовка к внедрению цифрового рубля не только с позиций финансов и экономики, но и с точки зрения права. Так как ошибки в юридической стороне вопросов смогут вызвать на практике не меньше проблем, чем экономический просчёт.

Литература

1. *Киселев А.* Есть ли будущее у цифровых валют центральных банков?: Аналитическая записка. — М.: Банк России. — 2019. — 23 с.
2. Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций. — М.: Банк России. — 2020. — 47 с.
3. *Была А.Б.* К вопросу об использовании криптовалют в Российской Федерации // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 9 (73). — С. 187–197.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6 ФКЗ, от 30.12.2008 № 7 ФКЗ, от 05.02.2014 № 2 ФКЗ, от 21.07.2014 № 11 ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. *Эрлих О.* Основоположение социологии права / Пер. с нем. Антонова М.В.; Под ред. Графского В.Г., Гревцова Ю.И. — СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. — 704 с.
6. *Strauss D.A.* The Living Constitution / University of Chicago Law School website. — Текст: электронный // — URL: https://www.law.uchicago.edu/news/living-constitution (дата обращения: 20.11.2020).
7. *Османова З.С.* Концепция «живой» Конституции в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Закон и право. — 2019. — № 2. — С. 66–68.

8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Российская газета. — 2020. — № 173.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (по сост. на 08 декабря 2020) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
10. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: законопроект № 419059-7 / Система обеспечения законодательной деятельности. — Текст: электронный // — URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7 (дата обращения: 20.11.2020).
11. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31, ст. 3823.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть первая: (по сост. на 23.11.2020) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 31. — Ст. 3824.
13. О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства: Постановление Правительства РФ от 4 апреля 2016 г. № 265 // Российская газета. — 2016. — № 76.

Мжельская Анна Сергеевна,
студент Международно-правового института
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина

Проблематика реализации конституционных принципов равенства прав женщины и мужчины в России XXI века

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности реализации конституционно-правового принципа равенства прав и возможностей мужчин и женщин в России в XXI веке. Углубленно — нормативно-правовая база и правовые подходы реализации принципа равенства в современных российских реалиях. Дан развернутый анализ, содержащий основные проблемы, сложности и нарушения в области гендерного равенства. Прогнозируются эффективные решения для недопустимости ограничения и нарушения прав человека.*

Ключевые слова: *принцип равенства, гендерное равенство, права и возможности, половой ценз, Россия.*

Anna Sergeevna Mzhelskaya,
student of International Law Faculty,
Kutafin Moscow State Law University

Implementation problems of the constitutional principle equalities of rights for men and women in Russia of the XXI century

Abstract: *The article examines the implementation peculiarities of the constitutional principle of rights' equality and opportunities for both genders in Russia in the 21st century. The regulatory framework and legal approaches to the implementation of the equalities' principle in modern Russian realities are examined in depth. A detailed analysis is given, containing the main problems, difficulties and violations in the field of gender equality. Effective solutions are predicted for the inadmissibility of limiting and violating human rights during the pandemic.*

Keywords: *the principle of equality, gender equality, rights and opportunities, sex qualification, Russia.*

Во многих странах выборы были мужской прерогативой до начала XIX века, говоря конкретнее — повсеместно присутствовал половой ценз для осуществления активного избирательного права. Ценз объяснялся растиражированным стереотипом о том, что уделом женщины является воспитание детей и домашнее хозяйство *(более известный в Германии, как сочетание трех «К» — Kirche, Kuche, Kinder)*. Однако в 2020 году Конституция Российской Федерации, а конкретнее п. 3 ст. 19, провозглашает принцип равенства между мужчиной и женщиной как один из главных конституционно-правовых принципов [1]. Данная норма закреплена в целях правовой защиты граждан от любых форм ущемления по половому признаку, из-за этого ни один специальный закон не может содержать в себе положение, направленное на половую дискриминацию.

В период пандемии COVID-19 участились случаи увольнения женщин, а получить новое место работы в условиях растущей безработицы оказалось для них сложной проблемой. Именно поэтому попытки, уже предпринятые для выравнивания прав по гендерному различию, не эффективны [2, с. 170], поскольку до сих пор ощущается острая нехватка правовых механизмов для грамотной регламентации и реальной реализации равенства прав и возможностей женщин и мужчин в России.

Конституционно-правовой принцип равноправия находится в кризисной ситуации, все чаще он подвергается деформации. Это про-

исходит от того, что множество реформ в России проводится за счет женщин как социальной группы [3]. Можно объяснить это тем, что политика в сфере экономических отношений будто «выталкивает» женщин-работников, например, из сферы общественного производства. Более того, в России женщины слабо представлены на руководящих постах: отмечается, что их представительство в государственных структурах в части принятия решений в отношении управления страной в сравнении с мужчинами ничтожно мало [4, с. 182].

Нередки нарушения равенства прав мужчин и женщин в сфере трудовых правоотношений. В частности, постоянные дискуссии вызывает *253-я статья Трудового Кодекса РФ*, которая в рамках своего действия ограничивает применение труда женщин на работах с вредными или опасными условиями [5], что, к сожалению, становится частым аргументом в пользу отказа в приеме их на работу. Например, неправомерный отказ гражданке А.Ю. Клевец в приеме на должность машиниста электропоезда метро — как явной половой дискриминации. Однако Конституционный Суд РФ не нашел нарушений конституционных прав гражданки Клевец, аргументировав такой отказ тем, что подобная работа вредна для репродуктивного здоровья женщины, сочетается с повышенной ответственностью за сохранность материальных ценностей и жизнь, проходит в условиях большого дефицита времени, имеет связь с физической и эмоциональной нагрузкой, требует постоянного, сосредоточенного и напряженного внимания [6].

В семейном законодательстве также наблюдается нарушение баланса прав и возможностей мужчин и женщин: ярко выраженное ограничение права мужчины на расторжение брака в период беременности жены и одного года после рождения их ребенка, даже если ребенок не родился живым или умер до достижения им годовалого возраста *(ст. 17 Семейного Кодекса РФ)*, или возможности установления в судебном порядке только отцовства, но не материнства *(ст. 49 Семейного Кодекса РФ)* [7].

Более подробно обратимся к нормам о предоставлении и использовании материнского (семейного) капитала. В ст. 3 ч. 4 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» установлено, что отец сможет приобрести право на дополнительные меры поддержки государства исключительно в ситуациях, когда он единственный усыновитель ребенка,

либо же данное право будет приобретаться в связи с его переходом от матери данного ребенка [8]. Данная норма вызывает сомнение с точки зрения соответствия принципу недопустимости половой дискриминации.

Примером является ситуация, в которой региональное учреждение Пенсионного Фонда РФ отказало отцу двоих детей А.В. Лукъянице в выдаче госсертификата на получение семейного (материнского) капитала. Конституционным Судом было указано на то, что государственная поддержка оказывается лицам, несущим социальный риск материнства, по этой причине мужчина, право которого на получение такой помощи происходит от права женщины, может реализовать его только в случаях, когда женщина утрачивает свое право при наступлении определенных законом обстоятельств. У названной нормы нет объективного и разумного оправдания, и, более того, согласно практике Конституционного Суда РФ, разделение, обоснованное лишь формальным критерием, не учитывает всех обстоятельств, которые имеют важное и реальное значение для выполнения родителями обязанности по содержанию и воспитанию детей надлежащим образом, такой критерий может привести к различиям в положении семей, воспитывающих детей. По мнению судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева, такое разделение еще и снижает эффективность системы поддержки института семьи государством [9].

Таким образом, в XXI веке в сфере семейных отношений наблюдаются значительные нарушения принципа гендерного равенства, что является грубым нарушением конституционно-правовой нормы о равенстве прав мужчин и мужчин в России. Сейчас можно рассматривать это как значительный пробел в российском правотворчестве, однако так не может быть вечно, уже в ближайшем будущем данные нормы нуждаются в конкретизации и приведении в соответствие с правовым принципом равенства мужчин и женщин, не имея аспекта, дискриминирующего по признаку пола.

Считаю целесообразным в целях преодоления несовершенств в вопросах реализации российского конституционно-правового принципа гендерного равенства принять и ввести в силу уже разработанный законопроект ФЗ «О государственных гарантиях равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации» 2003 года или разработать новый проект Федерального Закона «О реализации принципа гендерного равенства в Российской Феде-

рации», который бы позволил расширить возможности для реализации мужчинами и женщинами тех прав и свобод, которые закреплены Конституцией РФ и нормами международного права.

Видится необходимым, во-первых, создавать механизмы обеспечения гендерного равноправия как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ, поскольку ощущается острая нехватка уже существующих правовых гарантий равенства прав мужчин и женщин. Во-вторых, если и дальше проводить политику «уравнивания» прав и возможностей за счет создания привилегий только для одного пола, то закономерным последствием станет «косвенная» дискриминации другого пола. В-третьих, необходимо создать специальный орган в целях надзора за соблюдением принципа равенства мужчин и женщин в России, поскольку в современных реалиях институт Уполномоченного по правам человека в РФ и субъектах РФ не отслеживает ситуацию по проблемам реализации принципа гендерного равенства в полной мере.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. — 2020. — № 144.
2. *Козлова Е.И.* Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2014. — 592 с.
3. *Завадская Л.Н.* Российские реалии: проблема равенства полов / Российская академия управления, Министерство социальной защиты населения РФ, Научно-исследовательский коллектив «Территориальные социальные службы». — Текст: электронный. — М., Луч, 1994. — Ч. 2. — URL: http://www.a-z.ru/women/texts/zavadskr.htm.
4. *Фадеев В.И.* Конституционное право: учебник для бакалавров. — 2-е изд. / В.И. Фадеев, В.В. Комарова. — М.: Проспект, 2017. — 581 с.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ч. I. — Ст. 3.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин: Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 617-О-О — Текст: электронный. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/ 70077168/
7. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. — № 223-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. Ст. 16.

8. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 1. Ч. I. — Ст. 19.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лукьяницы Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав и конституционных прав его несовершеннолетних детей Лукьяницы Владимира Александровича и Лукьяницы Николая Александровича положениями статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»: Определение Конституционного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 1518-О — Текст: электронный. — URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71027034/

Миронова Анна Алексеевна,
студент Юридического факультета
имени М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Учёт рабочего времени дистанционных работников и оплата их переработок согласно трудовому законодательству РФ

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы учёта рабочего времени дистанционных работников, особенность определения такого времени, а также порядок оплаты переработок дистанционных работников. Поднимается вопрос о разработке механизма учета рабочего времени таких работников. Анализируется порядок привлечения к работе в выходной день и сверхурочной работе.*

Ключевые слова: *удаленная работа, дистанционные работники, рабочее время, учёт рабочего времени, сверхурочная работа.*

Anna Alekseevna Mironova,
student of the M. M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Accounting of the working time of remote workers and payment for their processing according to the labor law of the Russian Federation

Abstract: *The article deals with the issues of accounting for the working time of remote workers, the peculiarity of determining such time, as well as the procedure for paying for overtime of remote workers. The question is raised about the development of a mechanism for recording the working hours of such employees. The order of attraction to work on a day off and overtime is analyzed.*

Keywords: *remote work, remote workers, working hours, time tracking, overtime work.*

В последние годы в Российской Федерации все чаще используется формат дистанционной работы, а особенно востребованным он оказался в период пандемии коронавируса. В июне 2020 года Министерство труда и социальной защиты РФ указало, что более 6 млн человек работали дистанционно во время нерабочих дней, объявленных Президентом РФ [1]. Считается, что после окончания снятия всех ограничений, имеющих отношение к пандемии, некоторые категории граждан так и останутся работать удалённо.

Так как сотрудники работают вне офиса, работодателю сложно контролировать выполнение трудовой функции работниками, следить за соблюдением ими режима рабочего времени и соответственно выявлять нарушения трудовой дисциплины. Также оказывается не понятно — в каком порядке работники могут претендовать на сверхурочную оплату их работы.

Главная особенность дистанционной работы выражается в том, что работник не имеет стационарного рабочего места и обязан трудиться вне места нахождения работодателя.

Правовое регулирование дистанционной работы осуществляется главой 49.1 Трудового Кодекса РФ (далее — ТК РФ), а график работы указывается в ч. 1 ст. 312.4 ТК РФ, в которой сказано, что такой работник вправе установить себе график работы самостоятельно, что означает, что он сам решает, когда он имеет возможность отдохнуть, а когда — работать. Работник определяет себе время начала и окончания работы, перерывы в работе, выходные дни и продолжительность рабочей недели [2].

Ст. 91 ТК РФ обязывает работодателя вести учёт рабочего времени штатных сотрудников. Он осуществляется с помощью утверждения табеля учета рабочего времени по самостоятельно разработанной организацией форме или унифицированным формам №Т-12, №Т-13, утвержденным Постановлением Госкомстата России от 05 января 2004 г. № 1 [3].

Отметим, что режим работы дистанционного работника указывается в трудовом договоре или в дополнительном соглашении. В них указывается, в какой промежуток времени или в какие дни сотрудник должен работать обязательно, и это упрощает заполнение табеля учёта рабочего времени работодателем. Важно пояснить, что при установлении продолжительности рабочего дня дистанцион-

ного работника она не должна превышать 40 часов в неделю (ч. 2 ст. 91 ТК РФ).

Выделим несколько видов учёта рабочего времени удаленного работника:

1. Учет по дням. В данном случае принимается во внимание выход работника каждый день и количество проработанных часов.

2. Учет по неделям. Необходимо учитывать количество фактически отработанных часов в неделю. Такой учет можно использовать при разной длительности рабочего дня.

Следует сказать, что правила внутреннего трудового распорядка (ПВТР) не распространяются на трудовой договор с дистанционным работником, следовательно, как было сказано ранее, работник самостоятельно организовывает своё рабочее время. При этом работодателю нужно проконтролировать его соблюдение работником.

В связи с этим для составления табеля об учете рабочего времени целесообразно установить механизм, который будет учитывать количество часов, проведённых работником за работой. В качестве примера можно привести использование отчетов о перемещениях, внесение записей в специальные программы, видеоконференции. Но если такой учёт будет иметь место, важно указать его в договоре [4, с. 1141].

Вопрос работы дистанционных сотрудников в выходные дни Роструд урегулировал в Обзоре актуальных вопросов от работников и работодателей за май 2018 года [5]. Он указал, что претендовать на выплаты за работу в выходной день работник может только в том случае, если рабочие часы и время отдыха установлены в качестве отдельного условия в договоре. Тогда привлечение к такой работе осуществляется на общих основаниях, но также есть специфика — можно оформить такое привлечение посредством электронных документов.

Если же в трудовой договор не вписаны четкие условия об определении режима работы, а сотрудник самостоятельно устанавливает себе время, то он не может требовать оплаты работы в выходной день и соответственно сверхурочной работы тоже. В.И. Неклюдов — эксперт Государственной инспекции труда (далее — ГИТ) — придерживается такой же точки зрения и считает, что такой работник сам несёт ответственность за переработки. Он обращает внимание на то, что сверхурочная работа устанавливается по прямому указанию работодателя (ст. 99 ТК РФ), а не просто выполняется за пределами нор-

мального рабочего времени, указанного в договоре [6]. Рассмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Например, в трудовом договоре действительно не урегулирован режим работы работника, но работник может заранее, в начале каждой недели прислать работодателю свой график работы. Если же работодатель захочет привлечь сотрудника в работе в выходной день, либо сверхурочно, и работник дает своё согласие на такую работу, то, согласно разъяснениям ГИТ, такие переработки не будут оплачиваться. Но это некорректно, и такая проблема не урегулирована в нормативно-правовых актах. Исходя же из смысла ст. 312.4 ТК РФ, закрепление рабочего времени дистанционного работника в договоре — это право, а не обязанность. Соответственно, привлечение к работе в выходной день и сверхурочно должно осуществляться на общих основаниях.

Следует также отметить изменения, касающиеся учёта рабочего времени и оплаты переработок. В июне 2020 года в Государственную Думу РФ внесён законопроект «О внесении изменений в ТК РФ в части регулирования дистанционной и удалённой работы» [7]. Согласно законопроекту, взаимодействие с работодателем в нерабочее время будет оплачиваться как работа сверхурочно. Для работы во время отдыха работодатель должен будет запросить письменное согласие работника, и в таком случае это будет считаться сверхурочной работой. Также предполагается установить такой режим рабочего времени, чтобы работник мог иметь своё личное время, имея право не быть на связи с работодателем круглосуточно.

С одной стороны, детальное урегулирование рабочего времени позволит работодателям держать сотрудников под своим контролем, но вероятно, что работники не оценят такой подход. Так, например, если сотруднику необходимо будет скорректировать рабочее время, придётся договариваться об изменениях. У оплаты сверхурочной работы тоже есть свои нюансы — непонятно, как норма будет применяться на практике, например, можно ли будет отнести к сверхурочной работе звонок начальника дистанционному работнику во внерабочее время, чтобы проинформировать его о грядущей срочной конференции.

В законопроекте не указаны способы контроля рабочего времени, соответственно, работодатель не понимает, как проводить этот контроль, что в свою очередь может приводить к злоупотреблениям

со стороны сотрудников. Может быть такая ситуация, что работник целый день не выполняет свою трудовую функцию, но работодатель из-за отсутствия контроля об этом не знает.

Поэтому в данном законе необходимо обратить внимание на возможность использования способов контроля за выполнением работником трудовой функции, закрепить их виды — только на самоорганизацию работника полагаться нельзя. Использование способов контроля должно непосредственно закрепляться в трудовом договоре, если работодатель посчитает нужным их установить. Но стоит уточнить, что в полной мере проконтролировать работника невозможно, в частности из-за сбоев в сети Интернет.

Таким образом, в настоящее время существует проблема правового регулирования учёта рабочего времени дистанционных работников и их переработок, а именно — его недостаточность. Принятие законопроекта о внесении изменений в Трудовой кодекс РФ должно очертить более конкретные рамки правового регулирования данной проблемы и упростить организацию удаленного труда. Кроме того, следует дополнить данный закон нормой о перечислении способов контроля за дистанционным работником и возможностью предусматривать такие способы в трудовом договоре, если работодатель сочтёт необходимым их применение.

Литература

1. В период нерабочих дней до 6 млн трудоустроенных россиян работали удаленно. 25.06.2020. — Текст: электронный // Минтруд России [сайт]. — URL: https://mintrud.gov.ru/employment/61 (дата обращения: 22.10.2020 г.).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1. — Ч. I. — Ст. 3.
3. Об утверждении унифицированных форм первичной учетной документации по учету труда и его оплаты: Постановление Госкомстата России от 05 января 2004 г. № 1. — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
4. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. Изд. 6-е, испр., доп. и перераб. / отв. ред. проф. Ю.П. Орловский. — М.: «КОНТРАКТ»: ИНФРА-М, 2014. — 1680 с. — Текст: электронный. — URL: https://izak.ru/upload/iblock/f8d/f8ddce07e42a2396475b0ea7c33adf38.pdf (дата обращения: 22.10.2020 г.)
5. Обзор актуальных вопросов от работников и работодателей за май 2018 года. — Текст: электронный. — URL: https://онлайнинспекция.рф/analytics/ show/27 (дата обращения: 24.10.2020 г.)

6. Как оформлять и фиксировать сверхурочную работу при дистанционной работе? — Текст: электронный. — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=home#doc/QUEST/194646/4294967295/0 (дата обращения: 24.10.2020 г.)
7. О внесении изменений в ТК РФ в части регулирования дистанционной и удалённой работы: Законопроект. — Текст: электронный. — URL: https://sozd.duma.gov.ru/download/A19F1262-3EB9-4A21-931B-6B1EED05B2C7 (дата обращения: 24.10.2020 г.)

Мишанина Дарья Константиновна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Вклад интерпола в борьбу с торговлей людьми
(на примере практики бача-бази в Афганистане)

Аннотация: *В статье рассматривается проблема торговли детьми на примере практики бача-бази в Афганистане, операции Интерпола, направленные на борьбу с сексуальной эксплуатацией людей и международно-правовые гарантии защиты от торговли людьми, в первую очередь, детей.*

Ключевые слова: *международное право, международная преступность, Интерпол, торговля людьми, практика бача-бази в Афганистане.*

Darya Konstantinovna Mishanina,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Interpol's contribution to the fight against human trafficking
(on the example of bacha-bazi practice in Afghanistan)

Abstract: *The article deals with the problem of children trafficking on the example of bacha-bazi practice in Afghanistan, Interpol's operations aimed at combating the sexual exploitation of people and international legal guarantees of protection against trafficking in persons, primarily children.*

Keywords: *international law, international crime, Interpol, human trafficking, bacha-bazi practice in Afghanistan.*

За прошедшее столетие все сферы жизни, от политики до экономики, претерпели серьезные качественные изменения под влиянием последовательного и закономерного усложнения жизнедеятельности людей. Эта тенденция отразилась и на таком социальном явлении,

как международная преступность. Международная преступность, распространившаяся благодаря развитию всемирной сети Интернет и последующему «стиранию» границ в деятельности организованной преступности, особенно в таких сферах, как коррупция, отмывание преступных доходов и, конечно, транснациональность торговли людьми, при которой государства становятся либо странами назначения, либо странами транзита, не только представляет угрозу для национальной безопасности государств, но и ставит под вопрос благополучие общества в целом.

В 2020 году основополагающему международному договору, регулирующему борьбу с транснациональной преступностью — Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 г. (далее — Конвенция 2000 г.), а также Палермскому протоколу 2000 г. исполнилось 20 лет. В ст. 1 Конвенции 2000 г. уделяется особое внимание межгосударственному сотрудничеству «в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней».

Меры, предпринимаемые отдельными государствами для искоренения транснациональной преступности, недостаточны, поэтому правительства многих стран осознали необходимость в создании координационного органа, призванного объединять усилия национальных полицейских органов в целях борьбы с международной преступностью. Так была учреждена Международная организация уголовной полиции, более известная как Интерпол.

Основными и наиболее важными направлениями деятельности Интерпола на протяжении последних пяти лет является координация деятельности по борьбе с международной террористической деятельностью, преступлениями в сфере информационных технологий (киберпреступностью) и организованной преступной деятельностью.

Одной из форм транснациональной организованной преступности является торговля людьми и сексуальное рабство. Согласно Палермскому протоколу 2000 г., торговля людьми — это «осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем

подкупа, в виде платежей или выгод, для получения согласия лица, контролирующего другое лицо» [1]. Существует мнение, что эта социальная проблема распространена исключительно в странах «третьего мира», но на самом деле это не так. Проблема траффикинга актуальна сегодня для всех стран мира, включая благополучные страны Европейского Союза, Соединенные Штаты Америки и, к сожалению, Россию. По приблизительным подсчетам, жертвами современного рабства являются 25 миллионов человек [2].

Однако наибольшее распространение торговля людьми получила в странах Африки, Латинской Америки и Океании. Согласно данным Ежегодного отчета Интерпола за 2019 год, операция «Черное запястье» (Blackwrist), разработка которой длилась два года, завершилась освобождением пятидесяти детей (причем, младшей жертве было всего пятнадцать месяцев) и арестом девяти преступников-педофилов в Таиланде, Австралии и Соединенных Штатах [3, с. 8].

Операция началась со стандартного для Интерпола мониторинга Даркнета (Darkweb), в ходе которого были выявлены фотографии и видео оскорбительного и порнографического содержания с участием несовершеннолетних с закрытого (доступного только по подписке) сайта. Примерная аудитория сайта насчитывала 63 000 подписчиков по всему миру. Администратор сайта оставил лишь небольшую долю аудио- и видео доказательств, но офицерам Интерпола удалось изъять дополнительные фото и видеоматериалы и загрузить их в Международную базу данных Интерпола по сексуальной эксплуатации детей (INTERPOL's International Child Sexual Exploitation database). Результаты операции Blackwrist, скорее всего, будут анализироваться ближайшие несколько лет, так как офицеры Интерпола продолжают изучать устройства, использованные преступниками, их чаты, известных партнеров и пользователей сайта.

Контрабанда людей, то есть их незаконное, тайное, иногда по подложным документам, перемещение через границу государства также весьма распространено. Чаще всего жертвами преступлений такого характера становятся мигранты. Порой их заставляют совершать смертельно опасные путешествия через джунгли, на ненадежных лодках или грузовиках. В октябре 2019 года состоялась операция Интерпола по пресечению деятельности преступных группировок, организовавших контрабанду людей в США и Канаде [3, с. 8]. В результате были

арестованы 53 человека, было выявлено 775 нелегальных мигрантов из более чем 30 стран. Операция осуществлялась при поддержке властей 20 стран, проведено почти миллион проверок воздушных, сухопутных и морских границ, чтобы пресечь возможность повторного использования контрабандных маршрутов в США и Канаде.

Интерпол также сообщает, что, по статистике, 71% от всех пострадавших от торговли людьми — женщины и девушки, причем три из четырех подвергались сексуальной эксплуатации. Наиболее распространена практика продажи женщин и девушек для занятий проституцией. Яркий пример — операция «Эпервье II» (Epervier II), проведенная Интерполом в апреле 2019 года в Бенине и Нигерии, в ходе которой были освобождены 220 жертв, среди которых и дети (младшим 11 лет). Женщины и девочки принуждались к труду, а также к проституции [3, с. 9].

Торговля женщинами, обращение их в сексуальное рабство, к несчастью, существовали во все времена, и к этим явлениям даже успели «привыкнуть». По словам действующего Генерального Секретаря Интерпола Юргена Стока, «уязвимые слои населения сталкиваются со множеством опасностей, в том числе торговлей людьми и сексуальным насилием. Дети, в частности, остро нуждаются в защите. Интерпол полон решимости бороться со всеми формами эксплуатации» [3, с. 8].

Торговля людьми и сексуальное рабство как одна из целей данной торговли нередко приобретает специфические формы, как это получилось с бача-бази в Афганистане. Несмотря на широкое освещение в международных средствах массовой информации, о данной практике знают далеко не все. Бача-бази в дословном переводе с персидского означает «играть с мальчиками». По сути, это вид торговли детьми и детской проституции, вовлекающий мальчиков допубертатного возраста для исполнения эротических танцев в женском образе для клиентов-мужчин, которые могут впоследствии этих мальчиков «приобрести, купить» для сексуального удовлетворения.

Согласно факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, торговля детьми — это «любой акт или сделка, посредством которых ребенок передается любым лицом или любой группой лиц другому лицу или группе лиц за вознаграждение или любое иное возмещение» [4]. Детская проституция определяется как «использование ребенка в деятельности сексуального характера за вознаграждение или любую

иную форму возмещения». Данная практика напрямую противоречит Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка 1989 года, согласно которой дети нуждаются «в заботе и помощи». На территории Афганистана бизнес по продаже бача-бази получил широкое распространение в начале 2000-х годов, сразу после падения режима Талибана. В период правления радикальных исламистов в Афганистане подобные танцы и даже музыка, исполняемая бача-бази, были запрещены из-за явного гомосексуального подтекста. На сегодняшний день практика бача-бази официально запрещена и уголовно наказуема, однако на деле приобрести мальчика-танцора при условии наличия денег не составляет труда. Чаще всего покупателями выступают члены Парламента и военные командиры, при активном покрывательстве со стороны полицейских. Бача-бази в данном случае выступает, как бы цинично это не звучало, показателем богатства и статусности хозяина.

Часто такое явление пытаются обосновать строгостью нравов, царящих в Афганистане, ведь мужчинам строго воспрещается говорить с женщинами или смотреть на них. В народном обиходе даже прижилась пословица: «Женщины — для детей, а мальчики — для удовольствия». Именно потому бача-бази остаются со своими хозяевами даже после женитьбы последних.

Кто же становится жертвой практики бача-бази? Для танцев так называемые «учителя» выбирают привлекательных, здоровых мальчиков от 10-11 лет и, как правило, из бедных семей для обучения в специальных школах музыке и танцам. Родители либо добровольно отказываются от своих детей, либо продают их. Не исключен также и тот вариант, что маленькие мальчики, в силу возраста не понимающие в полной мере, что их ждет, сами соглашаются танцевать. Манипуляторы очень тонко играют на детской психологии, обещают им заботу и домашний уют, то, чего мальчикам наверняка так не хватает в собственных семьях. Танцевать могут юноши в возрасте до 19 лет, после чего, в случае, если покровитель будет ими доволен, им позволяется устроиться на понравившуюся работу или даже открыть собственную школу бача-бази.

О практике бача-бази знают далеко за пределами Афганистана. Ни для кого не секрет, что в Афганистане расположены американские военные базы, которые взаимодействуют со своими местными союзниками. Американские солдаты в своих рапортах в вышестоящие органы

писали сообщали о нарушениях прав детей, но им было приказано «игнорировать данное обстоятельство, потому что это чужая культура» [5]. Выступающие против дисциплины строго наказывались. В 2012 году бывший военный Дэн Куинн в интервью различным издательствам отмечал следующее: «Причина, по которой мы [американские военные — прим.] здесь [в Афганистане — прим.], потому что мы слышали об ужасных вещах, которые Талибан творит с людьми, но мы приводили к власти людей, которые делали вещи похуже, чем талибы».

До недавнего времени в деле бача-бази ничего не менялось. Однако 19 декабря 2019 года печатное издание «European Interest» опубликовало новость о том, что Европейский Парламент принял резолюцию, в которой акцентируется внимание на несоблюдении прав человека в Афганистане, в частности, в бача-бази [6]. Депутаты Европарламента призвали центральные и местные власти Афганистана к прекращению данной практики и созданию национальной телефонной линии поддержки жертв. Обязанности по обеспечению исполнения резолюции в таком случае принимает на себя Интерпол. И тем не менее, по состоянию на 2020 год практика бача-бази, хотя официально запрещена и осуждена на уровне Организации Объединенных Наций и высшего законодательного органа Европейского Союза, все еще продолжает существовать.

Литература

1. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности: Принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 г. — Текст: электронный. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml
2. *Забродин А.* «Жертвы современного рабства — 25 млн человек»: Интервью со Специальным представителем ОБСЕ по торговле людьми М. Джарбусыновой. 24 мая 2018. — Текст: электронный. — URL: https://iz.ru/746825/alekseizabrodin/zhertvy-sovremennogo-rabstva-25-mln-chelovek
3. Ежегодный отчет Интерпола за 2019 год. С. 8–9 // Интерпол [сайт]. — URL: www.interpol.int
4. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии: принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 г. — Текст: электронный. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ rightschild_protocol2.shtml

5. *Голдштейн Дж.* Американским солдатам приказано игнорировать сексуальное насилие мальчиков со стороны афганских союзников // The New York Times. — 2015. — Секция А, с. 1
6. Афганистан должен положить конец практике бача-бази, сексуального насилия над мальчиками. — Текст: электронный // European Interest. — 2019. — URL: https://www.europeaninterest.eu/article/afghanistan-must-end-practice-bacha-bazi-sexual-abuse-boys/

Мухина Екатерина Дмитриевна,
студент Факультета таможенного дела ИПиНБ РАНХиГС

Нетарифное регулирование ЕАЭС как неотъемлемый элемент экономической безопасности

Аннотация: *В статье рассматривается взаимосвязь мер нетарифного регулирования и экономической безопасности, влияние этих мер на структуру экономики государства.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, экономическая безопасность, нетарифное регулирование, ограничительные меры, особые виды таможенной пошлины.*

Ekaterina Dmitrievna Mukhina,
student of the Faculty of Customs Affairs of the ILNS of RANEPA

Non-tariff regulation of the EAEU as an integral element of economic security

Abstract: *The article examines the relationship between non-tariff regulation measures and economic security, the impact of these measures on the structure of the state economy.*

Keywords: *national security, economic security, non-tariff regulation, restrictive measures, special types of customs duties.*

В современном мире существует много аспектов, определяющих экономическую безопасность. Эти аспекты обеспечивают прочный фундамент защиты от иностранного вмешательства непосредственно в систему экономики. Они затрагивают как косвенное, так и прямое вмешательство государства в экономику страны. Нетарифное регулирование — один из тех аспектов, который косвенно затрагивает экономическую систему, регулирует продовольствие и различные группы товаров, а также непосредственно обеспечивает экономическую безопасность, да и национальную безопасность в целом. Объекты нетарифного регулирования играют в этом ключевую роль.

Особые виды таможенной пошлины представляют собой механизм, используемый как техническое средство для ограничения доступа иностранных товаров на внутренний рынок несмотря на то, что сами ограничения применяются как часть более сложных торгово-политических инструментов. Исходя из этого, в данном случае таможенная пошлина — основополагающий инструмент методов нетарифного регулирования, который обеспечивает протекционистскую функцию внутреннего рынка страны. За счёт обеспечения данной функции особая таможенная пошлина напрямую положительно влияет на экономическую безопасность страны. К особым видам таможенных пошлин относят антидемпинговые, компенсационные и специальные.

Антидемпинговая таможенная пошлина применяется в том случае, если экспортируемый товар наносит ущерб определённой отрасли экономики и является предметом демпингового импорта. Данной пошлине присущи применение антидемпинговых мер и взимание самой пошлины независимо от взимания ввозной таможенной пошлины. Ключевым фактором применения указанной пошлины является обязательное расследование, оно проводится компетентными органами в течение определённого времени.

Компенсационная таможенная пошлина осуществляет нейтрализацию определенной продукции, если она относится к предмету субсидированного импорта и её закупка за рубежом наносит ущерб определённой отрасли экономики. Применению данной пошлины также присуще обязательное расследование, выясняющее следующие обстоятельства: наносит ли финансовый ущерб та или иная продукция, относится ли она к предмету субсидированного импорта. Компенсационная пошлина будет установлена, если в результате расследования оба факта будут подтверждены.

Специальная таможенная пошлина — это пошлина, которая применяется в особых случаях. Такими случаями являются ситуации, когда импортируемые товары в количестве или на условиях представляют собой угрозу нанесения ущерба той или иной отрасли экономики, да и в целом интересам отечественных производителей. Специальные пошлины вводятся в основном в том случае, если страны или союзы осуществляют негативные действия по отношению к определённому государству.

Если рассматривать статистику ограничительных мер, действующих на зарубежных рынках в отношении российских товаров, то можно увидеть, что по состоянию на 1 октября 2020 г. такие меры применяют 36 стран, а также страны Европейского Союза и Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

В отношении российских товаров действует 204 меры, в том числе: антидемпинговые меры — 51, специальные защитные меры — 24 (их них 2 защитные меры по соображениям национальной безопасности в США), компенсационная мера — 1, прочие нетарифные меры — 128 (административные меры — 42, технические барьеры — 17, дополнительные пошлины и сборы — 10, тарифные квоты — 4, импортные квоты — 3, акцизы на дискриминационной основе — 3, запреты на импорт — 12, санитарные и фитосанитарные меры — 33, взимание импортной пошлины — 2, ограничения по номенклатуре — 1, а также существует 8 угроз введения ограничительных мер) [1].

Вследствие применения данных ограничительных мер по отношению к РФ уровень экономической безопасности относительно снизился, однако благодаря большому запасу продовольствия и других видов товаров, положение экономической безопасности к концу 2020 года нормализовалось, сбалансировалось и зафиксировалось.

Существует большое количество импортных запретов, обусловленных экономическими причинами и направленных на защиту национальной промышленности и сельского хозяйства от иностранной конкуренции. Это особенно прослеживается на перечнях, запрещенных к импорту товаров в развивающиеся страны. В них обычно содержатся товары, которые могут конкурировать с отечественной продукцией на внутреннем рынке страны-импортера [2, с. 12].

Применение данных импортных ограничений пагубно влияет на экономическую безопасность нашей страны. Для стабилизации её уровня необходимо применять нетарифные меры также по отношению к другим государствам, а поэтому стоит рассмотреть пути повышения эффективности нетарифного регулирования в Российской Федерации.

В первую очередь нужно модернизировать таможенное регулирование в России в соответствии с требованиями, сформулированными Всемирной таможенной организацией, так как таможенное регулирование напрямую связано с нетарифным.

Следующим этапом повышения эффективности нетарифного регулирования является проведение эффективной антикоррупционной политики на таможнях и в других органах исполнительной власти, которые осуществляют надзор за перемещением товаров и транспортных средств через таможенную границу РФ [2, с. 16].

Также нужно синхронизировать таможенное и внешнеторговое регулирование с целью снижения административной нагрузки на участников внешнеэкономической деятельности и создать благоприятные условия для развития международно-экономических отношений и привлечения иностранных инвестиций.

Заключительным этапом повышения эффективности будет тесная интеграция и кооперация с партнёрами по Таможенному союзу, в рамках которого передаются функции по применению большинства инструментов внешнеторговой политики органам управления ЕАЭС и Комиссии ЕЭК [3].

Особые виды таможенной пошлины и другие элементы нетарифного регулирования — своеобразный механизм защиты внутреннего рынка. Этот механизм является вспомогательным компонентом регулирования внутреннего рынка. Внутренний рынок государства напрямую связан с экономической безопасностью страны, он является её главным компонентом и его регулирование является базисом для обеспечения экономической безопасности. Для того, чтобы положение экономической безопасности было стабильным, следует не отходить от основных принципов повышения эффективности нетарифного регулирования в РФ, а в каких-то направлениях их усовершенствовать.

Литература

1. Реестр ограничительных мер. Информация по состоянию на 1 октября 2020 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации [сайт]. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/ vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/dostup_na_vneshnie_rynki_i_zashchitnye_mery/reestr_ogranich_mer/ (дата обращения: 21.09.2020 г.)
2. *Прокопович Г.А.* Актуальные проблемы таможенного права: учебное пособие / Г.А. Прокопович, В.Б. Мантусов, Н.Д. Эриашвили, Е.Н. Соловьёв. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 230 с.
3. *Трошкина Т.Н.* Пути повышения эффективности нетарифного регулирования в Российской Федерации». — Текст: электронный. — URL: http://www.brokert.ru/material/povyschenie-effektivnosti-netarifnogo-regulirovaniya (дата обращения: 21.09.2020 г.)

Несмелова Валерия Георгиевна,
студент Юридического факультета Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Реформирование института крупных сделок: крупные сделки — исключение или правило?

Аннотация: *В статье рассмотрена реформа института крупных сделок, правовые аспекты, возникающие при регулировании данного вопроса, и применение норм на практике. Внимание также уделено непоследовательности законодателя в некоторых вопросах, вытекающих из разъяснений Верховного Суда РФ.*

Ключевые слова: *крупные сделки, обычная хозяйственная деятельность, количественный и качественный критерии, взаимосвязанные сделки.*

Valeria Georgievna Nesmelova,
student of the Law Faculty of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Reforming the institute of large deals: large deals – an exception or rule?

Abstract: *This article discusses the reform of the institution of large transactions, Legal aspects that arise in the regulation of this issue, and the application of the rules in practice. Attention is also paid to the inconsistency of the legislator in some issues arising from the explanations of the Supreme Court.*

Keywords: *a major transaction of ordinary business activities, the quantitative and qualitative measure, related transactions.*

Институт крупных сделок существует в российском праве достаточно давно. Его реформирование каждый раз порождает множество дискуссий. Судебная практика свидетельствует о том, что число корпоративных споров о признании недействительными договоров в связи с нарушением порядка одобрения крупных сделок достаточно высока. Рассмотрим некоторые негативные тенденции, складывающиеся в связи с внесением изменений в законы об акционерных обществах (далее — закон об АО) и ООО (далее — Закон об ООО) в части регулирования крупных сделок, а также проблемы реализации указанных норм, вытекающих из разъяснений Верховного Суда РФ.

Крупной признается сделка, совершенная с соблюдением двух критериев: количественного и качественного [1]. Количественный

признак имеет место, когда предметом сделки является имущество, цена которого составляет более 25% от балансовой стоимости всех активов общества. Под качественным критерием понимается выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (далее — ОХД) общества. Характеристика крупной сделки закреплена в статье 46 Закона об ООО [2] и статье 76 Закона об АО [3].

До 2017 года не было определено, что конкретно понимается под ОХД. В ходе реформирования института крупных сделок в пункте 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее — ПП ВС или Пленум) было закреплено понятие сделки, выходящей за пределы ОХД, через три критерия: 1) такая сделка должна приводить к прекращению деятельности общества, 2) изменению вида деятельности или 3) существенному изменению её масштабов. Бремя доказывания «запредельности» такой сделки, согласно позиции Пленума, лежит на истце. Помимо этого отсутствует обязанность контрагента изучать, является ли сделка крупной. Введение таких широких ограничений привело к усложнению доказывания качественного критерия крупности на практике. К тому же указанные в ПП ВС категории являются достаточно оценочными. Например, для каждого вида деятельности могут применяться разные единицы измерения масштабов. Даже в отношении одного и того же вида деятельности в разных случаях изменения могут оцениваться по разным критериям. Данные обстоятельства не искореняют «неопределенность» и никак не упрощают процесс оценки хозяйственной деятельности общества для участников гражданского оборота.

По существу, законодатель сталкивает количественный и качественный критерии между собой. Если в результате совершения конкретной сделки общество прекратило свою деятельность, или существенно изменились масштабы этой деятельности или её виды, то должно ли иметь принципиальное значение соблюдение одновременно с этим и количественного критерия. Аналогично, если количественный критерий соблюден, так как, например, имеет место заключение сделки с вовлечением значительного объема активов, становится очевидным, что такая сделка должна повлечь последствия, отраженные в качественном критерии.

В Пленуме закреплена презумпция совершения сделок общества в пределах ОХД (абз. 5 п. 9 ПП ВС № 27). Можно предположить, что такая норма направлена на защиту контрагента и предотвращение ситуаций, когда акционеры (участники) действуют исключительно в интересах определенных лиц, желающих разрушить сделку, без реального интереса на её опровержение.

Однако законодателю не удалось установить справедливый баланс интересов сторон. Судебной коллегией Верховного суда РФ была выражена позиция, согласно которой регулирование механизма одобрения направлено на введение контроля со стороны участников за сделками, затрагивающими саму суть хозяйственной деятельности общества [4]. Следовательно, основная цель правового регулирования крупных сделок — это ограничение полномочий директора и недопущение вывода значительных активов корпорации без согласия общего собрания участников (то есть защита интересов акционеров (участников).

Александра Александровна Маковская неоднократно обращала внимание на проблему оценки крупности сделок. По её мнению, значительную сложность представляет оценка влияния сделок на масштаб деятельности обществ, которые только что созданы путем учреждения или реорганизации, а также на изменение видов деятельности таких обществ. Сделки, заключенные подобным обществом впервые, будут считаться совершенными в пределах ОХД при условии, что их заключают организации, занимающиеся аналогичными видами деятельности (п. 4 ст. 78 Закона об АО и п. 8 ст. 46 Закона об ООО) и не будут являться крупными. Однако, как отмечает А.А. Маковская, если в такой ситуации имеет место один из трех критериев крупности, закрепленных в законах об АО и ООО, сделка должна квалифицироваться как выходящая за пределы ОХД, то есть как крупная [5, с. 12].

Заметим, на практике существует достаточно много спорных и неоднозначных ситуаций. Одни из таких возникают из-за неопределенности момента, когда необходимо определять наличие или отсутствие качественного и количественного критериев. Так, Законы об АО и ООО не определяют, на какой момент общество должно установить, является ли сделка крупной. В п. 9 ПП ВС № 27 указано, что наличие качественного критерия следует учитывать на момент совершения

сделки, последующее наступление таких последствий само по себе не свидетельствует о том, что их причиной стала соответствующая сделка и что такая сделка выходила за пределы ОХД. При буквальном толковании сделка сразу после совершения должна привести как минимум к одному из трех признаков, характеризующих качественный критерий, а именно к прекращению деятельности, изменению масштаба или вида деятельности. В ином случае сделка не является крупной. Такое положение делает наличие крупных сделок скорее исключением, чем правилом.

Стоимость приобретаемого или отчуждаемого имущества сопоставляется с балансовой стоимостью активов общества на момент совершения сделки. При этом, согласно п. 12 ПП ВС № 27, балансовая стоимость, по общему правилу, определяется на основании данных годовой бухгалтерской отчетности на 31 декабря года, предшествующего совершению сделки (статья 15 Федерального закона от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»). Данные промежуточной отчетности могут применяться, только если законодательством или уставом предусмотрена обязанность общества составлять такую отчетность. Получается, что возможна ситуация, когда разрыв между датой составления годовой отчетности и датой совершения сделки будет значительным (например, отчетность на декабрь прошлого года, а дата совершения сделки декабрь текущего года). Подобное может допустить искажение реального экономического значения сделки, а также привести к неправильной оценке её последствий.

Сложность также представляют сделки, которые на первый взгляд выглядят как обычные, не отличающиеся от всех прочих, но через определенный промежуток времени (например, год) способные привести к значительному изменению масштабов деятельности такого общества или вообще к ликвидации.

Евгений Владимирович Глухов по этому поводу правильно отметил: «Много ли в вашей практики было случаев, когда после совершения крупной сделки общество прекращало свою деятельность? А когда изменяло вид деятельности? В моей — ни одного» [6]. Изменение вида деятельности общества — это, в первую очередь, комплексный вопрос развития компании и результат корпоративного решения, а не прямое следствие совершения определенной сделки.

Одним из громких дел, напрямую затрагивающих проблему признания сделок крупными, является дело Объединенной вагонной компании [7]. Причиной спора стало общее собрание акционеров указанной Компании, на котором было принято решение об одобрении в качестве крупной сделки совокупности договоров поручительства в отношении дочерних компаний, стоимость которых превышала 100% балансовой стоимости активов общества. После принятия решения акционеры компании, голосовавшие против, потребовали выкупа принадлежащих им акций. Первоначально суд признал, что одобренные договоры поручительства являются крупными по количественному критерию как взаимосвязанные сделки. Однако впоследствии апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции, установив, что договоры поручительства не являются крупными сделками, так как были совершены в процессе ОХД и не повлекли последствий, предусмотренных п. 4 ст. 78 Закона об АО, а именно, не привели к прекращению деятельности общества, изменению ее вида или существенному изменению ее масштабов. Следовательно, по мнению суда, такие сделки не требовали одобрения совета директоров. Таким образом, директору компании удалось доказать, что сделка на 115 млрд руб. является обычной хозяйственной деятельностью компании.

Аргументируя совершение сделки в пределах ОХД, апелляционная инстанция указала, что подобные сделки повторяются у многих вагонных компаний. Ирина Сергеевна Шиткина прокомментировала дело следующим образом: «Мне кажется, это достаточно легкомысленный аргумент, что это бывает у многих. Он не работает, когда 127% активов, возможно, будут отчуждены, если это обязательство не будет исполнено. Существенное отчуждение актива — это перерастание из количества в качество» [8].

Данное дело является прямым доказательством, что для правильного и справедливого разрешения споров, необходимо комплексно толковать признаки, характеризующие качественный критерий. На момент совершения сделки необходимо оценивать потенциальное негативное влияние конкретной сделки на хозяйственную деятельность общества.

Сложность представляет также вопрос о том, какие сделки считать взаимосвязанными. В п. 14 ПП ВС № 27 не предусмотрено

исчерпывающего перечня таких критериев, о чем свидетельствует фраза «помимо прочего». Пленум прямо называет только такой критерий взаимосвязанности, как преследование единой хозяйственной цели при заключении сделок. К признакам проявления данного критерия Пленум относит общее хозяйственное назначение проданного (переданного во временное владение или пользование) имущества, консолидацию всего отчужденного по сделкам у одного лица, непродолжительный период между совершением нескольких сделок. Практика (включая позиции ВС РФ [9] и ВАС РФ [10]) приводит различные позиции по оценке таких сделок. Поскольку взаимосвязанные сделки могут заключаться на протяжении определенного периода времени, в п. 14 ПП ВС № 27 указано, что необходимо сопоставлять балансовую стоимость или цену имущества, отчужденного по всем взаимосвязанным сделкам, с балансовой стоимостью активов на последнюю отчетную дату, которой будет являться дата бухгалтерского баланса, предшествующая заключению первой из сделок. Следовательно, для признания сделок взаимосвязанными, требуется определение общей по всем сделкам балансовой стоимости и (или) цены имущества. Но в некоторых ситуациях это может и не требоваться (например, договор кредита и обеспечительная акцессорная сделка (договор залога и др.)). Однако, если обратить внимание на ряд сделок, являющихся взаимосвязанными, но допускающих возможность исполнения либо одного, либо другого обязательства, необходимо не суммировать балансовую стоимость имущества, которое приобретается или отчуждается, а брать большую величину из всех взаимосвязанных сделок и сопоставлять с балансовой стоимостью активов общества (например, сделки, устанавливающие альтернативные или факультативные обязательства, оформленные несколькими сделками).

Таким образом, анализ правоприменительной практики и норм о крупных сделках позволяет выявить необходимость урегулирования спорных вопросов в рамках данного института для минимизирования в дальнейшем негативных последствий для гражданского оборота.

Литература

1. Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
3. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № 307-ЭС14-3942. — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
5. *Маковская А.А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». — М.: Статут, 2020. — 177 с.
6. Новый старый подход: юристы обсудили реформу института крупных сделок: Тезисы к заседанию научного круглого стола «Обычная хозяйственная деятельность общества в крупных сделках». Москва. 22 января 2019 г. — Текст: электронный. — URL: https://pravo.ru/news/208387/
7. Определение Верховного Суда РФ от 15 августа 2019 г. по делу № А40-99921/2018. — Текст: электронный — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-15082019-n-305-es19-13544-po-delu-n-a40-999212018/
8. Цитаты выступления на круглом столе «Обычная хозяйственная деятельность общества в крупных сделках». — Текст: электронный. — URL: https://epam.ru/ru/media/view/tsitaty-vystupleniya-na-kruglom-stole-obychnaya-hozyaistvennaya-deyatelnost-obshchestva-v-krupnyh
9. Определение Верховного Суда РФ от 20 февраля 2017 г. № 309-ЭС16-20998 по делу № А60-17861/2015. — Текст: электронный. — URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20022017-n-309-es16-20998-po-delu-n-a60-178612015/
10. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 8 сентября 2009 г. № 5477/09 по делу № А19-5536/08-10. — Текст: электронный. — URL: http://www.arbitr.ru/bras.net/f.aspx?id_casedoc=1_1_44274a8b-f836-4523-987d-1887be415dd5

Пирязева Наталья Евгеньевна,
магистрант кафедры правосудия
и правоохранительной деятельности
Тульского государственного университета

Реализация права на свободу и личную неприкосновенность в контексте вынесения решений о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства

Аннотация: *Автор рассматривает проблемные аспекты правового регулирования принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Принятие указанных решений крайне отрицательно сказывается на правовом положении именно лиц без гражданства, которые в целях депортации помещаются в специальные учреждения для временного содержания иностранных граждан и лиц без гражданства. В условиях отсутствия у них документов, удостоверяющих личность и страны гражданской принадлежности, срок нахождения в специальных учреждениях неоднократно продлевается, что несет угрозу реализации одного из системообразующих личных прав человека, а именно права на свободу и личную неприкосновенность. Автор пытается разработать систему критериев, на основании которой уполномоченные органы будут оценивать необходимость принятия решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *нежелательность пребывания, право на свободу и личную неприкосновенность, лица без гражданства, иностранные граждане, специальные учреждения временного содержания иностранных граждан*

Natalia Evgenievna Piryazeva,
master's student Department of Justice and Law Enforcement
Tula State University

Implementation of the right to freedom and personal invalidity in the context of making decisions on the unwill of staying in the territory of the Russian Federation of foreign citizens and persons without citizenship

Abstract: *Tthe author examines the problematic aspects of the legal regulation of decision-making on the undesirability of stay (residence) in the Russian Federation of a foreign citizen or stateless person. The adoption of these decisions has an extremely negative effect*

on the legal status of precisely stateless persons who, for the purpose of deportation, are placed in special institutions for the temporary detention of foreign citizens and stateless persons. In the absence of documents proving their identity and country of citizenship, the period of stay in special institutions is repeatedly extended, which poses a threat to the realization of one of the systemic personal human rights, namely the right to freedom and personal inviolability. The author makes an attempt to develop a system of criteria on the basis of which the authorized bodies will assess the necessity of making a decision on the undesirability of stay (residence) in the Russian Federation.

Keywords: *undesirability of stay, right to liberty and security of person, stateless persons, foreign citizens, special institutions for temporary detention of foreign citizens.*

Право на свободу и личную неприкосновенность является одним из фундаментальных в системе личных прав человека. Данное право устанавливается рядом международных актов, например, статьей 8 Всеобщей декларации прав человека [1], статьей 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], статьей 9 Международного пакта о гражданских и политических правах [3]. В теории конституционного и международного права до настоящего времени отсутствует единый подход к определению правового содержания права на свободу и личную неприкосновенность. Несмотря на различные теоретически подходы, в наиболее общем виде под правом на свободу и личную неприкосновенность стоит понимать установленное Конституцией и актами международного права, право каждого человека на защиту со стороны государства как физической и психической свободы, так и условий, создающих возможность использования принадлежащих ему благ в целях реализации индивидуальных потребностей, при условии, что это не будет противоречить интересам общества и государства [4, с. 141]. Основная цель признания права на свободу и личную неприкосновенность заключается в том, чтобы гарантировать защиту физической свободы лица, ограждая его от произвольного заключения под стражу [5]. Российское законодательство в полной мере следует вышеназванным принципам, в частности, в соответствии со статьей 22 Конституции Российской Федерации [6], каждое лицо имеет право на свободу и личную неприкосновенность, в то время как арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по решению суда. Специфика данного права объясняется несколькими обстоятельствами. Во-первых, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, значимую роль играют не только реальные ограничения свободы или личной

неприкосновенности, но и выявившаяся их опасность, которая выражается в угрозе потери свободы [7]. Это может расцениваться как своеобразное нарушение неприкосновенности личности и оказание давления на сознание и поступки человека. Во-вторых, отдельные аспекты ограничения реализации права на свободу и личную неприкосновенность не всегда заключаются лишь в применении мер, указанных в статье 22 Конституции, но также могут быть в определенной степени характерны для иных форм ограничения личной свободы. В рамках данной статьи рассмотрим теоретические и практические аспекты помещения иностранных граждан и лиц без гражданства в специальные учреждения временного содержания иностранных граждан после принятия уполномоченным органом решения о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации.

В соответствии со статьей 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», если пребывание (проживание) иностранного гражданина или лица без гражданства, законно находящихся в Российской Федерации, создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, либо общественному порядку, либо здоровью населения, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, прав и законных интересов других лиц может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) данного иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации [8]. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 апреля 2003 г. № 199 [9], в перечень федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать вышеуказанное решение, входят МВД России, ФСБ России, Минобороны России, Росфинмониторинг, СВР России, МИД России и ФСИН России. С 2017 по 2019 гг. из данного перечня были исключены ФМС России, ФСКН России, Минюст России, Роспотребнадзор и ФМБА России. В настоящее время на уровне каждого органа, уполномоченного принимать решения о нежелательности пребывания разработан соответствующий акт, детализирующий отдельные вопросы, связанные с рассмотрением материалов, необходимых для вынесения соответствующего решения. Так, Правительством Российской Федерации утверждено Положение о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без

гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения [9], а также Положение о порядке принятия, приостановления действия и отмены решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения [10]. Порядок представления материалов для вынесения решения определяется Приказами ФСИН России, ФМС России, Роспотребнадзора, ФМБА России и Министра обороны РФ. При этом на основе анализа данных актов можно сделать вывод об отсутствии четкой системы критериев, на основании которых принимается решение о нежелательности пребывания в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства. Во всех актах делается акцент лишь на необходимость вынесения соответствующего решения при наличии обстоятельств, перечисленных в статье 25.10 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», а именно, на условия, согласно которым проживание или пребывание создает реальную угрозу обороноспособности или безопасности государства, общественному порядку, здоровью населения, основам конституционного строя, нравственности, правам и законным интересам других лиц. Данные критерии носят оценочный характер, и в отсутствии конкретизации остается неясным, что именно имел ввиду законодатель, и какие факты могут свидетельствовать о наличии опасности для российских граждан в нахождении в стране иностранных граждан. Относительная четкость касательно оснований принятия решения содержится лишь в Положении о вынесении решений в отношении лиц, создающих реальную угрозу здоровью населения [10]. Несмотря на то, что в данном Положении отсутствует ссылка на перечень заболеваний, наличие которых является основанием для вынесения решений в отношение иностранного гражданина или лица без гражданства, обращаясь к нормативной базе, можно сделать вывод, что в данном Положении речь идет исключительно об инфекционных заболеваниях, представляющих опасность для окружающих, перечень которых утвержден Приказом Минздрава России от 29 июня 2015 г.

№ 384н [11]. В число этих заболеваний входит туберкулез, лепра, сифилис, ВИЧ и COVID-19.

Наиболее противоречивая, на наш взгляд, ситуация складывается с иностранными гражданами или лицами без гражданства, в отношении которых Федеральной службой исполнения наказаний принимается решение о нежелательности их пребывания (проживания) в Российской Федерации после отбывания наказания в исправительных учреждениях Российской Федерации. До настоящего времени система критериев, на основании которых Федеральная служба исполнения наказания Российской Федерации должна принимать решение о наличии угрозы основам конституционного строя или общественной безопасности в нахождении на территории Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства, также не выработана. Согласно положениям приказа ФСИН России от 23 декабря 2019 г. № 1180, определяется процедура подготовки и представления материалов для их рассмотрения и принятия ФСИН России решений о нежелательности пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства, имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации или за ее пределами, подлежащих освобождению из мест лишения свободы [12]. При этом в акте нет данных, какие именно материалы подлежат рассмотрению, и на основании каких фактов принимается решение о нежелательности пребывания. В нем приведены положения относительно порядка подготовки материалов и специфических сроков начала данной деятельности, а также принятия итогового решения. В акте содержатся также приложения в виде опросного листа, заключения и представления о необходимости принятия решения о нежелательности пребывания, а также заключение об отсутствии оснований для вынесения решения о нежелательности пребывания. Ни в одном из приложений не указаны основания для принятия решения как о нежелательности пребывания, так и об отсутствии оснований для принятия вышеуказанного решения. Можно сделать вывод, что данный факт призван не ограничивать уполномоченный орган в аргументации вынесенных решений, однако в значительном числе случаев наличие непогашенной или неснятой судимости напрямую коррелирует с принятием решения о нежелательности пребывания в стране.

Наиболее ярко проблема отсутствия конкретизации в процессе принятия решений о нежелательности пребывания проявляется в отношении лиц без гражданства. По данным правозащитного комитета «Гражданское содействие», решения о нежелательности принимаются, в частности, в отношении заключенных-лиц без гражданства, отбывших наказание в исправительных учреждениях страны [13]. Лицо, в отношении которого принято данное решение, должно покинуть Российскую Федерацию в указанный в акте срок, однако лицо без гражданства, не имеющее документов, удостоверяющих личность, а также страны гражданской принадлежности, фактически не может самостоятельно выполнить предписание уполномоченного органа, и оно подлежит депортации (за исключением случаев передачи и приема иностранных граждан и лиц без гражданства в соответствии с международными договорами Российской Федерации о реадмиссии). В отчете комитета «Гражданское содействие» относительно положения лиц без гражданства в стране указывается, что сложилась определенная практика, согласно которой отбывшие наказание в исправительных учреждениях лица без гражданства в целях дальнейшей депортации по решению суда помещаются в специальные учреждения временного содержания иностранных граждан. Именно в данной ситуации лица без гражданства сталкиваются с нарушением права на свободу и личную неприкосновенность, поскольку в условиях отсутствия страны, готовой принять апатрида, срок помещения в учреждение продолжает продлеваться фактически на неопределенный период времени [13]. Так, решением Абаканского городского суда Республики Хакасия № 2А-7441/2019 от 5 декабря 2019 г. по делу № 2А-7441/2019, был продлен срок содержания в специальном учреждении лица без гражданства, в отношении которого Министерством юстиции Российской Федерации было принято решение о нежелательности пребывания, отбывшего наказание в виде лишения свободы, проживающего в России более 10 лет и имеющего родителей, являющихся российскими гражданами [14]. В свою очередь, решением Троицкого районного суда г. Москвы № 2а-188/19 [15] повторно на 90 дней был продлен срок содержания в специальном учреждении лица, отбывшего наказание в виде шести лет лишения свободы по части 2 ст. 228 УК РФ [16], не имеющего документов, удостоверяющих личность.

В условиях противодействия распространению новой коронавирусной инфекции может показаться, что проблематика депортации, выдворения и содержания в специальных учреждениях не является актуальной, поскольку Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 [8] депортация иностранных граждан из России фактически приостановлена. При этом суды продолжают выносить решения о помещении иностранных граждан в специальные учреждения из-за прекращения авиасообщения между Российской Федерации и другими государствами. Так, Апелляционным определением Свердловского областного суда от 20 июля 2020 г. по делу № 33а-10695/2020 [17] оставлено без изменений решение суда о помещении в специальное учреждение лица, отбывшего наказание в виде 3 лет 3 месяцев в исправительном учреждении. Помимо этого, решением Октябрьского районного суда города Екатеринбург № 2А-2273/2020 2А-от 12 мая 2020 г. по делу № 2А-2273/2020 [18] также продлен срок содержания в специальном учреждении лицу, отбывшего наказание в виде пяти лет лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного по ч. 3 ст. 30 п. «б» ч. 3 с т. 291.1 УК РФ.

Европейский Суд по правам человека неоднократно обращал внимание на данный проблемный аспект при реализации депортации. Так, в Постановлении ЕСПЧ от 27 сентября 2011 г. по делу «Алим (Alim) против Российской Федерации» [19] содержится позиция, согласно которой любое лишение свободы является оправданным исключительно в ходе разбирательства о высылке, и срок содержания не должен превышать разумного предела. Из системного толкования позиций Европейского Суда по правам человека можно сделать вывод, что лишение физической свободы может приобретать любые формы, не всегда тождественные тюремному заключению, и необоснованное заключение может расцениваться как нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренное статьей 5 Европейской Конвенции о правах человека.

В данной крайне неопределенной (с правовой точки зрения) ситуации возрастает значение судебного контроля при разрешении вопросов, связанных с фактически неограниченным сроком содержания в специальных учреждениях. Это объясняется тем, что опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности должны противосто-

ять не только правовые гарантии справедливости и соразмерности, но и право на судебное обжалование принятого решения [7]. Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации указывал, что содержание иностранных граждан или лиц без гражданства в специальных учреждениях на протяжении неопределенного срока является нарушением права на свободу и личную неприкосновенность [20], в Апелляционном определении Свердловского областного суда от 20 июля 2020 г. по делу № 33а-10695/2020 [17] содержится позиция, согласно которой указанная мера является механизмом реализации решения уполномоченного органа о депортации и не может рассматриваться как ограничение прав, поскольку данное ограничение свободы прямо предусмотрено п. 9 ст. 31, ст. 35.1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [21]. Также Кассационным определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. № 88а-8641/2020 подтверждена законность решения о нежелательности пребывания на территории Российской Федерации лица без гражданства, прибывшего в 1993 году на постоянное место жительство в Россию из Грузии, отбывшего наказание в виде одного года лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении [22].

Правовая неопределенность в ряде случаев приводит к крайне неблагоприятным последствиям, например, весной 2020 года в специальном учреждении временного содержания города Екатеринбург произошли беспорядки [23]. Среди находящихся в учреждении был 21 человек, помещенные туда сразу после отбывания наказания в местах лишения свободы.

Из анализа судебной практики видно, решения о продлении сроков содержания в специальном учреждении выносятся в значительном количестве и в 2020 году — в условиях масштабного распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19. Как отмечает председатель Комитета «Гражданское содействие» С.А. Ганнушкина, в условиях содержания в специальных учреждениях для иностранных граждан и лиц без гражданства, когда в камерах, рассчитанных на двух человек содержатся четыре человека, невозможно соблюдение требований о социальной дистанции [24]. Специальные учреждения в подавляющем большинстве случаев ограничены в средствах инди-

видуальной защиты и не могут в полной мере обеспечить реализацию прав иностранных граждан и лиц без гражданства на медицинскую помощь. Так, Решением Кировского районного суда города Иркутска № 2А-1474/2020 2А-1474/2020~М-843/2020 М-843/2020 от 22 апреля 2020 г. по делу № 2А-1474/2020 [25] установлено, что Центр временного содержания иностранных граждан ГУ МВД России по Иркутской области вовсе не имел лицензии на осуществление медицинской деятельности, что ставило под угрозу здоровье содержащихся там иностранных граждан и лиц без гражданства.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости дальнейшего развития законодательства о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в целях обеспечения их прав на свободу и личную неприкосновенность. В отсутствие четко установленной системы критериев о наличии угрозы безопасности государства, либо общественному порядку целесообразным представляется, во-первых, указание в Федеральном законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» о том, что решение о нежелательности пребывания (проживания) может быть вынесено в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление. Это объясняется тем, что автоматическое принятие решений о нежелательности нахождения в отношении иностранца или апатрида, отбывшего наказание, без учета характера преступных деяний, ставит под угрозу реализацию принципа равенства прав и свобод человека и гражданина, провозглашенного статьей 19 Конституции Российской Федерации. Так, в качестве реальной угрозы безопасности населения может быть расценено пребывание в стране как лица, отбывшего наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренное статьей 228.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств), или 205 УК РФ (террористический акт), так и за совершение преступления по статье 158 УК РФ (кража), а именно за кражу кислородного баллона на сумму 1553,33 рубля. Необходимо учитывать не только характер преступного деяния и степень тяжести совершенного преступления, важно также акцентировать внимание на поведении лица, отбывающего наказание. Помимо этого, в систему критериев для вынесения заключения об отсутствии оснований для вынесения решения о нежелательности

пребывания представляется разумным включение таких критериев, как наличие у лица, отбывшего наказание, близких родственников, имеющих российское гражданство, несовершеннолетних детей, факта работы в России, получения образования на территории Российской Федерации, подтверждения наличия законного источника средств к существованию, наличие места жительства или информации о лицах, готовых предоставить место проживания. Разумеется, помимо развития нормативной базы, необходимо дальнейшее расширение сотрудничества Российской Федерации с другими государствами в части заключения международных соглашений о реадмиссии, что заметно упростит порядок приема и передачи лиц, в отношении которых уполномоченными органами было принято решение о нежелательности пребывания (проживания) в стране. Указанные меры, на наш взгляд, будут способствовать минимизации правовой незащищенности иностранных граждан и лиц без гражданства в части реализации права на свободу и личную неприкосновенность.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека: Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 1995. — № 67. 05 апреля.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: Заключена в г. Риме 04 ноября 1950 г. (с изм. от 13.05.2004) // СЗ РФ. — 2001. — № 2, ст. 163.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах: Принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17, ст. 291.
4. *Морозов А.П.* Личная неприкосновенность в Российской Федерации: конституционный аспект // Вестник СГЮА. — 2014. — №4. — С. 136–141.
5. Право на свободу и личную неприкосновенность в рамках Европейской конвенции о защите прав человека: INTERIGHTS Руководство для юристов. — Текст: электронный. — URL: http://www.echr.ru/documents/manuals/Article05/Interights-Right%20to%20Liberty_RUS.pdf (дата обращения: 05.11.2020).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
7. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна: Постановление Конституционного Суда РФ от 03 мая 1995 г. № 4-П // Российская газета. — № 91. — 1995. 12 мая.

8. О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19): Указ Президента РФ от 18 апреля 202 г. № 274 (ред. от 23.09.2020) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 16. — Ст. 2573. 20 апреля.
9. Об утверждении Положения о принятии решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, за исключением решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения, и перечня федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных принимать такое решение: Постановление Правительства РФ от 07 апреля 2003 г. № 199 (ред. от 10.05.2019) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 15. — Ст. 1369. 14 апреля.
10. О порядке принятия, приостановления действия и отмены решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина или лица без гражданства в Российской Федерации, принятого в связи с наличием обстоятельств, создающих реальную угрозу здоровью населения: Постановление Правительства РФ от 05 мая 2018 г. № 551 // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2018. — № 20. — Ст. 2845. 14 мая.
11. Об утверждении перечня инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих и являющихся основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства, или вида на жительство, или патента, или разрешения на работу в Российской Федерации, а также порядка подтверждения их наличия или отсутствия, а также формы медицинского заключения о наличии (об отсутствии) указанных заболеваний: Приказ Минздрава России от 29 июня 2015 г. № 384н (ред. от 15.06.2020). — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
12. Об утверждении Порядка представления и рассмотрения материалов, подтверждающих обстоятельства, являющиеся основанием для принятия Федеральной службой исполнения наказаний решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории Российской Федерации или за ее пределами, подлежащих освобождению из мест лишения свободы: Приказ ФСИН России от 23 декабря 2019 г. № 1180 // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 30.12.2019.
13. Лица без гражданства в Центрах временного содержания иностранных граждан МВД РФ: статистика, законодательство, правоприменение / Москва. Правозащитный центр «Мемориал». 2018. — Текст: электронный. — URL: https://refugee.ru/wp-content/uploads/2018/03/Litsa-bez-grazhdanstva-v-TSVSIG.pdf (дата обращения: 10.11.2020).
14. Решение № 2А-7441/2019 2А-7441/2019~М-7370/2019 М-7370/2019 от 5 декабря 2019 г. по делу № 2А-7441/2019. — Текст: электронный. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/41kfadTKbnde/

15. Решение Троицкого районного суда г. Москвы по делу № 2а-188/19. — Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». — Текст: электронный.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. Ст. 2954. 17 июня.
17. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 20 июля 2020 г. по делу № 33а-10695/2020. — Текст: электронный. — URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOUR&n=259889#QmH1pbSgmXhwGNX41
18. Решение № 2А-2273/2020 2А-2273/2020~М-1953/2020 М-1953/2020 от 12 мая 2020 г. по делу № 2А-2273/2020 — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/ KEVcLpWt2toR/ (дата обращения: 10.11.2020).
19. Постановление ЕСПЧ от 27.09.2011 «Дело «Алим (Alim) против Российской Федерации» (жалоба № 39417/07)» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. — 2013. — № 2.
20. По делу о проверке конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой лица без гражданства Н.Г. Мсхиладзе: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2017 № 14-П // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2017.– № 5.
21. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 30. ст. 3032. 29 июля.
22. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 мая 2020 г. № 88а-8641/2020 // — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
23. *Маслова О.* В спецприемнике для мигрантов в Екатеринбурге произошли беспорядки. 27.04.2020. — Текст: электронный// Uralweb.ru. — URL: https://www.uralweb.ru/news/crime/512214-v-specpriemnike-dlya-migrantov-v-ekaterinburge-proizoshli-besporyadki.html
24. *Кайшури Н.* Милосердие.Ru «На улице три года не был, сижу здесь»: мигранты взаперти 21.04.2020. — Текст: электронный // Комитет «Гражданское содействие». — URL: https://refugee.ru/news/ (дата обращения: 10.11.2020).
25. Решение № 2А-1474/2020 2А-1474/2020~М-843/2020 М-843/2020 от 22 апреля 2020 г. по делу № 2А-1474/2020 — Текст: электронный // Судебные и нормативные акты РФ [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/ZivvWQubY9ZH/ (дата обращения: 10.11.2020).

Полещук Мария Игоревна,
студент Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Влияние геоэкономики на экономическую безопасность Российской Федерации

Аннотация: *В статье исследуется влияние различных геоэкономических механизмов на систему экономической безопасности Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена напряженностью международных отношений последних лет, характеризующихся разбалансировкой сил и перераспределением сфер и форм влияния на мировой арене. Особое внимание уделяется влиянию геоэкономики на системообразующие предприятия Российской Федерации и волатильность рубля. Данное направление раскрывается в формировании ведущих геоэкономических механизмов, оказывающих систематическое и комплексное влияние на экономическую систему государства. Представленные категории проиллюстрированы конкретными примерами, статистическими данными и регрессионным анализом.*

Ключевые слова: *геоэкономика, санкции, международные отношения, международная экономика, геоэкономические механизмы влияния, системообразующие предприятия, волатильность денежной единицы.*

Maria Igorevna Poleshchuk,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Impact of geoeconomics on the economic security of the Russian Federation

Abstract: *the article examines the influence of various geoeconomic mechanisms on the system of economic security of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the tension of international relations in recent years, characterized by an imbalance of forces and a redistribution of spheres and forms of influence in the world arena. Particular attention is paid to the impact of geoeconomics on the backbone enterprises of the Russian Federation and the volatility of the ruble. This direction is revealed in the formation of the leading geoeconomic mechanisms that have a systematic and complex impact on the economic system of the state. The categories presented are illustrated with specific examples, statistics and regression analysis.*

Keywords: *geoeconomics, sanctions, international relations, international economy, geoeconomic mechanisms of influence, system-forming enterprises, volatility of the monetary unit.*

«Все, похоже, теперь согласны с тем, что методы торговли вытесняют военные методы — с располагаемым капиталом вместо огневой мощи, гражданскими инновациями вместо военно-технического прогресса и проникновением на рынок вместо гарнизонов и баз» [1, с. 147–148].

Эдвард Люттвак

В сложившихся достаточно напряженных международных отношениях последних десятилетий государства все больше обращаются к внешнеполитическому лоббированию собственных экономических интересов. В связи с этим геоэкономическую политику ведущих мировых держав необходимо рассматривать как попытку трансформировать международные экономические и правовые отношения с целью усиления контроля и сдерживания объема экономик стран, обладающих существенным потенциалом. В данных условиях, определенных парадигмой геоэкономических перемен, увеличилось значение экономической дипломатии как симбиоза государственной политики и экономики, доведенного до уровня принятия и реализации управленческих решений, с помощью и при посредстве которых осуществляются сотрудничество и соперничество, определяются формы и методы развития и совершенствования рыночной экономики [2, с. 17].

Геоэкономика исследует поведение государства в условиях геоэкономической конкуренции, анализирует особенности его стратегии и тактики на глобальном рынке. Так, на современном этапе международных отношений определяющую роль геоэкономической науки рассматривают с точки зрения разрешения проблемы сбалансированности и пропорциональности развития всего комплекса мирохозяйственных связей.

Механизмы комплексного воздействия на экономическую систему страны извне количественны и многогранны. Используя геоэкономические механизмы, государства стремятся расколоть экономическую систему оппонента, лишить его конкурентных преимуществ на международной арене, снизить темпы экономического роста, ослабить ресурсную базу и подавить экономический потенциал. В условиях рыночной экономики эти меры прежде всего направлены против системообразующих предприятий государства и его валютной системы, обеспечивающих эффективное функционирование экономики страны.

В качестве основных методов геоэкономического влияния рассматриваются международное лоббирование, торговые войны, международные санкции, манипуляции на товарных и финансовых рынках.

Основными геоэкономическими механизмами влияния на системообразующие предприятия Российской Федерации на современном этапе исторического развития являются:

1. Недобросовестная конкуренция (отказ от сотрудничества с отечественными предприятиями). Недобросовестная конкуренция на международной арене является частью ведения экономической войны и формально не коррелирована с веденными санкционными мерами, хотя фактически является их прямым продолжением. Ярким примером использования данного механизма является отказ зарубежных партнеров поставлять композитные материалы для разрабатываемого российского самолета МС-21. Нарушая общепризнанные международные положения и принципы, американская компания Hexcel и японская Toray Industries под давлением Вашингтона объявили о прекращении поставок композитного материала для «черного крыла» МС-21. Новейшая технологическая разработка («черное крыло» МС- 21), позволяющая повысить экономичность лайнера и увеличить вместимость салона, является основным конкурентным преимуществом летательного аппарата на мировом рынке самолетостроения. Таким образом, запуск МС-21, способного создать конкуренцию американской корпорации Boeing и европейской компании Airbus, в серийное производство был отложен на несколько лет по причине неправомерных действий зарубежных партнеров [3].

2. Протекционистские барьеры (введение антироссийских пошлин). Данные меры относятся к оборонительной стратегии, осуществляемой методами «воспитательного протекционизма», направленной прежде всего на подавление конкуренции на внутреннем рынке с целью обеспечения быстрого индустриального подъема страны через установление таможенных пошлин. Ярким примером, иллюстрирующим применение данного инструментария, является доклад Еврокомиссии от 22 октября 2020 г. о «существенных искажениях» в экономике Российской Федерации. Авторы доклада связывают конкурентоспособность российской стали и химической продукции с низкими внутренними ценами на энергоносители [4]. Так, данный документ является основой для продолжения неправомерных анти-

демпинговых практик, связанных прежде всего с неспособностью европейских производителей конкурировать с российской продукцией в сфере ценообразования. Также доклад является ответной реакцией европейского сообщества на победу Российской Федерации в споре на площадке ВТО по «энергокорректировкам» — надбавкам к себестоимости российских экспортных товаров из-за низких цен внутри страны на энергоресурсы (решение не вступило в силу из-за апелляции, поданной ЕС 28 августа 2020 г. «в пустоту»: апелляционный орган ВТО не функционирует с декабря 2019 г.) [5].

3. Санкционные меры. Теоретическая сущность санкций относит данную категорию к мерам принуждения экономического характера.

Одним из примеров последствий введенных санкций, обязывающая американских инвесторов избавиться от российского риска [6], является обвальное падение котировок ценных бумаг алюминиевых компаний О.В. Дерипаски EN+ Group и UC Rusal. В день введения санкций бумаги холдинга EN+ Group упали в цене на 21%, тогда как акции UC Rusal на Московской бирже — на 17,7%. В следующий торговый день, 9 апреля 2018 г., распродажи продолжились — обе компании потеряли в стоимости еще 38% и 20,3% соответственно, а бумаги принадлежащей О.В. Дерипаске «Группы ГАЗ» подешевели на 7,15%. Всего за два торговых дня капитализация EN+ сократилась на 126 млрд рублей, до 280 млрд рублей, а стоимость UC Rusal — на 178,9 млрд рублей, до 342,6 млрд рублей. Их обвальное падение увлекло за собой весь российский фондовый рынок и обесценило многомиллионные вложения многих частных и институциональных инвесторов: индексы Мосбиржи и РТС потеряли за первые два дня нового санкционного режима примерно 9% и 12,6%, акции ГМК «Норильский никель» и Сбербанка потеряли по 17,55%, на 15,55% подешевел «Полюс», более чем на 11%-бумаги «Аэрофлота» и «Россетей» [6].

Волатильность денежной единицы объясняется комплексным влиянием внутренних (денежно-кредитная политика государства, рост расходов бюджета и т.д.) и внешних (цены на нефть, санкционная политика иностранных государств, политические события на мировой арене и т.д.) факторов.

Далее рассмотрим основные внешние факторы, задающие курс рубля по отношению к доллару США.

1. Цена на нефть марки Brent. По данным Банка международных расчётов, реальный эффективный курс рубля к сентябрю 2015 г. снизился относительно декабря 2013 г. на 30,4%. 2016 год начался ослаблением и крайней нестабильностью курса рубля на фоне падения цен на нефть. Восстановление позиций рубля, связанное с повышением нефтяных котировок, позволило российской валюте в мае 2016 года вернуться к уровню 65 рублей за доллар [7]. Дальнейшие колебания курса рубля по отношению к доллару США также были обусловлены влиянием нефтяных котировок: в марте-апреле 2020 г., при падении цены за баррель нефти практически в 2,2 раза (последствия сделки ОПЕК+, пандемии и т.д.), официальный курс рубля вырос на 13,8% с 66,991 до 77,733 руб. [8].

Достаточно высокую корреляцию между курсом рубля по отношению к доллару США и ценой на нефть доказывает составление регрессионной модели и проведение корреляционного анализа.

Регрессионная модель влияния цены на нефть на формирование курса доллар / рубль выглядит следующим образом (рис. 1).

Применяя инструменты ПО MS Excel, проведем корреляционный анализ с целью определения степени влияния указанного фактора на изменение курса валюты. Так, коэффициент парной корреляции для представленной регрессионной модели составил -0,7018. Абсолют-

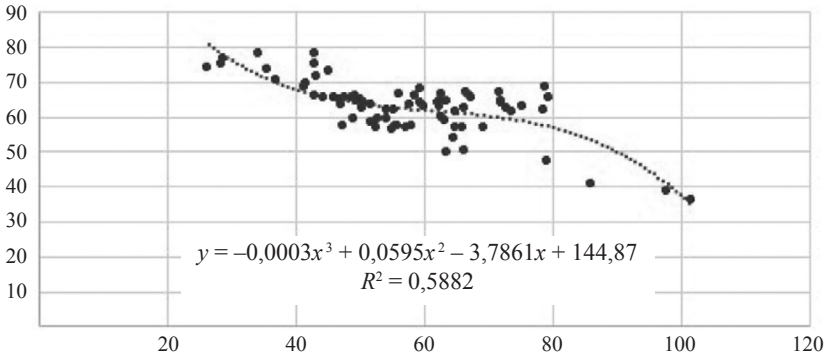


Рис. 1. Регрессионная модель влияния цены на нефть на формирование курса доллар / рубль

ная величина представленного показателя попадает в интервал 0,7-0,9, что позволяет, по шкале Чеддока, определить степень взаимной согласованности в изменениях признаков как высокую. Существует обратно пропорциональная зависимость — чем выше цена на нефть, тем ниже курс доллара по отношению к курсу рубля. Значимость коэффициента парной корреляции проверяется с помощью F-критерия Фишера. Выдвигается нулевая гипотеза (H_0), состоящая в том, что факторный признак (цена на нефть) не оказывает влияния на результат (курс валют). Для анализируемой регрессионной модели $F_{факт}$ и $F_{табл}$ составили 70,84 и 3,97 соответственно. Таким образом, полученное фактическое значение (=70,84) превышает заданное табличное значение (=3,97), что позволяет отвергнуть предложенную гипотезу и признать статистическую значимость влияния факторного признака на результат с вероятностью 95%.

При дальнейшей разработке модели рассчитывается коэффициент детерминации (R^2), равный 0,59. Таким образом, 59% изменения курса валют доллар / рубль определяется ценой за баррель нефти марки Brent. Значимость коэффициента проверяется также с помощью F-критерия Фишера. Так, выдвигается нулевая гипотеза (H_0), состоящая в том, что коэффициент детерминации статистически незначим. Для анализируемой регрессионной модели $F_{факт}$ и $F_{табл}$ составили 51,42 и 3,12 соответственно. Таким образом, полученное фактическое значение (=51,42) превышает заданное табличное значение (=3,12), что позволяет отвергнуть предложенную гипотезу и признать статистическую значимость коэффициента детерминации с вероятностью 95%.

2. Санкционная политика иностранных государств (рис. 2).

После обвального падения Мосбиржи 9 апреля 2018 года, в результате введенных США санкций, инвесторы на валютном рынке осознали возможный масштаб последствий от ужесточения американской санкционной политики и ухудшения отношений между Россией и Западом. В результате доллар США, на закрытии торгов 9 апреля стоивший 60,3 руб., утром 10-го вырос до 63 руб. (максимум с декабря 2016 года), а евро — с 74,26 руб. — выше 78 руб. (такого не было с апреля 2016 года) [9].

3. Политические события на мировой арене. В преддверии выборов Президента США рубль вновь был подвержен колебаниям на

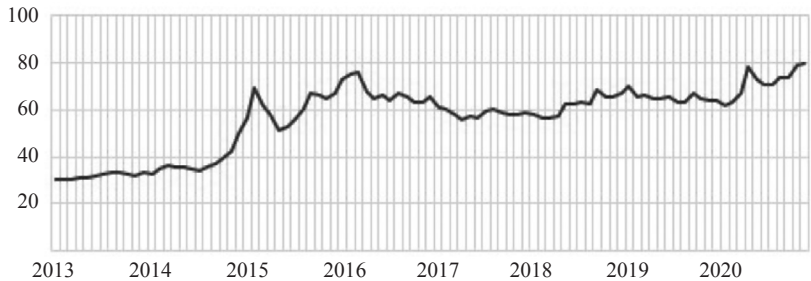


Рис. 2. Динамика курса доллар / рубль [8].

международной арене, что признало большинство экспертов и аналитиков [10]. Подавляющее большинство экспертов утверждает, что для национальной валюты предпочтительнее победа Дональда Трампа: более резкая позиция демократов по отношению к России может со временем привести к ужесточению санкционной политики США. Таким образом, международные рынки заблаговременно отреагировали на возможность введения новых санкций, провоцируя нестабильность и ослабление денежной единицы Российской Федерации.

Подводя итоги, необходимо признать неоспоримость факта ведения геоэкономической войны против Российской Федерации. Также необходимо отметить, что данный процесс не является краткосрочным, не отражает геоэкономическую тенденцию нескольких ближайших лет, а лишь наоборот обнажает стратегическую политику мировых держав в отношении России. Именно поэтому государству необходимо выстроить эффективную экономическую систему, способную не только отвечать вызовам и угрозам, поступающим от мирового сообщества, но и обеспечивать достаточность внутреннего рынка.

Литература

1. Туманян Ю.Р. Геоэкономика в системе междисциплинарных исследований // Ю.Р. Туманян, О.А. Ищенко-Падукова, И.В. Мовчан. — Текст: электронный // Terra economicus. — 2018. — Т. 16. № 4. — С.144-153. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-144-153. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ geoekonomika-v-sisteme-mezhdistsiplinarnyh-issledovaniy/viewer (дата обращения: 23.10.2020).

2. Черная И.П. Геоэкономика: учебное пособие. — М.: Дашков и К, 2012. — 247 с. — ISBN 978-5-394-01420-8. — Текст: электронный. — URL: https://library.rosvuz.ru/files/library/book/ef9cbc887ecd99ef4b3728a6655c8cd6.pdf (дата обращения: 25.10.2020).
3. Калюков Е. Путин назвал хамством отказ поставлять материалы для лайнера МС-21 // РБК. — 2020. — URL: https://www.rbc.ru/politics/23/09/2020/5f6b61149a7947f771b83e2d (дата обращения: 12.11.2020).
4. Commission staff working document on significant distortions in the economy of the Russian Federation for the purposes of trade defence investigations (Brussels, 22.10.2020). — Текст: электронный. — URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2020/ october/tradoc_158997.pdf (дата обращения: 13.11.2020).
5. Старостина Ю. Минэкономики обвинило ЕС в апелляции «в пустоту» в историческом споре — Текст: электронный // РБК. — 2020. — URL: https://www.rbc.ru/economics/ 28/08/2020/5f48c4b29a794767084c569c (дата обращения: 13.11.2020).
6. Как новые американские санкции повлияли на курс рубля и рынок акций. — Текст: электронный.// ТАСС. — 2018. — URL: https://tass.ru/ekonomika/5109793 (дата обращения: 13.11.2020).
7. Тютина М.В. Анализ влияния различных факторов на валютный курс. — Текст: электронный // Вопросы экономики и управления. — 2018. — № 5(16). — С. 11-17. — URL: https://moluch.ru/th/5/archive/105/3685/ (дата обращения: 15.11.2020).
8. Банк России [официальный сайт]. — Москва — Обновляется в течение суток. — URL: https://cbr.ru/currency_base/daily/ (дата обращения 16.11.2020).
9. Криворотова А. Валютная нервозность: что будет с рублем из-за введения санкций США / А. Криворотова, А. Михеева, Ю. Старостина, А. Могилевская, Г. Перемитин. — Текст: электронный // РБК. — 2018. — URL: https://www.rbc.ru/finances/10/04/2018/5acca4b49a7947366ba90291?from=center_1 (дата обращения: 16.11.2020).
10. Курс доллара превысил 80 рублей впервые с марта. — Текст: электронный // РБК. — 2020. — URL: https://quote.rbc.ru/news/article/ 5f9bba619a79474e0a45ecff (дата обращения: 16.11.2020).

Рогашков Николай Алексеевич,
студент Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Рынок слияний и поглощений банковского сектора и IT-корпораций как акселератор мировой цифровой экономики

Аннотация: *Пандемия во многом определила лидерство IT-компаний в формировании новой реальности и развитии цифровой экономики, а также выступила катализатором формирования крупных экосистем между финансовыми институтами и технологическими гигантами. Целью исследования является оценка влияния глобального рынка слияний и поглощений банковского сектора и ИТ-корпораций на темпы роста глобальной цифровой экономики. В статье проанализированы крупнейшие прецеденты слияний и поглощений финансовых институтов и технологических корпораций, а также проведена оценка глобального рынка технологичных слияний и поглощений.*

Ключевые слова: *рынок слияний и поглощений, слияние и поглощение, IT-корпорации, слияния в финансовом секторе, развитие цифровой экономики, цифровая экономика, слияния и поглощения IT-компаний, формирование финансовых экосистем, объем рынка слияний и поглощений, цифровая трансформация банковского сектора.*

Nikolay Alekseevich Rogashkov,
student of the Faculty of National Security, ILNS of RANEPA

The market of mergers and acquisitions of the banking sector and big-tech corporations as an accelerator of the global digital economy

Abstract: *The pandemic has largely determined the leadership of IT companies in the formation of a new reality and the development of the digital economy and acted as a catalyst for the formation of large ecosystems between financial institutions and tech giants. The purpose of the study is to assess the impact of the global M&A market of the banking sector and IT corporations on the growth rates of the global digital economy. This article analyzes the largest precedents of mergers and acquisitions of financial institutions and technology corporations, as well as an assessment of the technology M&A global market.*

Keywords: *mergers and acquisitions market, mergers and acquisitions, IT corporations, mergers in the financial sector, development of the digital economy, digital economy, mergers and acquisitions of IT companies, formation of financial ecosystems, market size of mergers and acquisitions, digital transformation of the banking sector.*

Современная мировая экономика характеризуется акселеративным нарастанием трансформационных процессов. В последние годы структура мирового ВВП претерпевала серьезные изменения. Все большую роль в процессе глобального воспроизводства стали играть IT-корпорации. Так, например, в США, по данным Bloomberg, доля трех крупнейших технологических компаний уже превосходит целые отрасли экономики США [1].

IT-гиганты стремятся усилить свое влияние на процессы, протекающие в мировой экономике, диверсифицировать источники получения прибыли и оказывать еще больше влияние на трансформационные процессы, занимая и формируя новую нишу в финансовом секторе. Цифровая трансформация банковского сектора, слияние с технологическими компаниями оказывает значительное влияние на развитие *глобальной цифровой экономики* — Всемирный Банк определяет данное понятие как систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [2].

За последнее десятилетие определилось абсолютное первенство IT-корпораций в трансформационных процессах, сопровождающееся стремительным ростом инвестиций и как следствие капитализации компаний Big-tech[1].

Актуальность статьи обуславливается тем, что за последние десятилетия сформировалась ситуация, в которой интересы компаний финансового сектора обоюдно противопоставляются интересам IT-компаний; для привлечения клиентов субъекты банковского сектора пытаются создать собственную экосистему сервисов, а цифровые корпорации — предложить финансовые услуги.

Технологические гиганты стремятся ввести в существующие программные продукты и сервисы финансовые услуги и самостоятельно аккумулировать финансовые потоки клиентов. Политика крупных банков направлена, в свою очередь, на повышение конкурентоспособности финансовых услуг путем капитальных вложений в технологические компании и приобретение их как высоколиквидных активов.

---

[1] Big-tech — Большая пятерка, это название, данное пяти крупнейшим и наиболее доминирующим компаниям в индустрии информационных технологий США, а именно Google, Apple, Facebook, Amazon и Microsoft: Из Википедии, бесплатной энциклопедии // — URL: https://ru.xcv.wiki/wiki/Big_tech

В настоящее время активизировались процессы слияния двух массивных секторов мировой экономики — цифрового и финансового — как объективный путь конкурентного развития. Рассмотрим общие тенденции слияния и поглощения IT-компаний банковским сектором и трансформации Big-tech компаний в активные субъекты финансового сектора цифровой экономики.

Центральная гипотеза научной работы: совокупность процессов на рынке слияний и поглощений банковского сектора с IT-корпорациями в перспективе сгенерирует значительную часть увеличения объема цифровой экономики в ближайшие пять лет.

По данным Оксфордского института экономической политики, к 2025 году доля цифровой экономики в общемировом ВВП составит 24,5% (23,5 трлн долл. США) [3]. В настоящее время глобальная цифровая экономика составляет около 20% от общемирового ВВП — 17,5 трлн долл. США. Таким образом, по прогнозам объем цифровой экономики увеличится на 6 трлн долл. США к 2025 году, с учетом значительного снижения мирового ВВП в 2020 году, вызванного глобальным экономическим кризисом.

Оценим общий объем рынка слияний и поглощений. По данным Dealogic, объем рынка слияний и поглощений в 2019 году превысил 4 трлн долл. США [4]. По прогнозам экспертов, в 2020 году с учетом растущей обстановки нестабильности на финансовых рынках и повышенной волатильности объем рынка может снизиться более чем на 15%. В первом квартале активность на рынке слияний и поглощений, по данным обзора PWC «Global M&A Industry Trends», существенно снизилась [5]. Несмотря на это, согласно опросу руководителей крупнейших игроков рынка слияний и поглощений аудиторской компании Deloitte «M&A Trends Survey: The future of M&A», более половины американских участников сделок (61%) ожидают, что в течение следующих 12 месяцев активность в сфере слияний и поглощений вернется к уровням до COVID-19 [6].

Оценивая общий объем сделок слияний и поглощений за период с 1 сентября по 12 ноября 2020 года, можно прийти к выводу, что крупные сделки совершались более часто при покупке активов в финансовом секторе крупными IT-компаниями [7]. Покупки активов в сфере информационных технологий банками совершались реже и с меньшими объемами.

Общий объем сделок по слияниям и поглощениям в сфере финансовых технологий за прошедший год составил около 70 млрд долл. привлеченных средств [8].

Объем сделок по покупке IT-корпорациями финансовых активов за последний год превысил 150 млрд долларов [9].

COVID-19 представляет собой возможность более широкого использования цифровых возможностей. Финтех и компании, предоставляющие цифровые платежные решения, будут еще активнее участвовать в сделках слияний и поглощений с традиционными банками для повышения их операционной эффективности [10].

Текущий кризис стал акселератором для всех бизнес-моделей, ориентированных на цифровизацию, поэтому можно предположить, что финтех-корпорации с проверенной и устойчивой бизнес-моделью и достаточными объемами финансовых капиталов только выиграют от массового введения карантинных мер.

В совокупности наблюдается сокращение общего объема инвестиций в реальные сектора мировой экономики, но в то же время традиционные банки осознают необходимость ускорения цифровой трансформации и стремятся увеличить капиталовложения в сделки слияний и поглощений по покупке высокотехнологичных активов.

Так, ежегодно только рынок слияний и поглощений банковского сектора и IT-корпораций генерирует и привлекает инвестиции в среднем на сумму более 250 млрд долл. США, за 5 лет привлеченный капитал в цифровую экономику превысит 1,25 трлн долл. США, что составит 20,8% от совокупного роста цифровой экономики к 2025 году (6 трлн долл.). С учетом растущего сектора IT и глобальными трендами, направленными на цифровую трансформацию большинства хозяйствующих субъектов, объем сделок по слиянию и поглощения между банковским и IT сектором может еще значительнее вырасти, что непосредственно повлияет на рост капиталовложений в цифровую экономику.

Гипотеза статьи подтверждена, так как совокупность процессов на рынке слияний и поглощений банковского сектора с IT-корпорациями в ближайшие пять лет по средним оценка сгенерирует около 1/5 объема цифрового ВВП и значительно ускорит цифровую трансформацию традиционных банков, а вместе с тем и домохозяйств по всему миру. Во многом сложившаяся ситуация стремительно растущих

инвестиций в финтех- и информационные технологии обусловлена эпидемиологической обстановкой в мире и вводимыми повсеместно карантинными мерами, рост объема сделок слияний и поглощений между банковским сектором и IT-компаниями позволит не только ускорить рост цифровой экономики, но и восполнить потери мирового ВВП в 2020 и последующих годах.

Литература

1. Tech Results to Test Theory That Sector Dodged Major Virus Pain/ Bloomberg / By Ian King and Sarah Ponczek // — URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-20/tech-results-to-test-theory-that-sector-dodged-major-virus-pain?sref=p5vA60fT
2. Всемирный Банк [сайт]. World Development Report 2016: Digital Dividends // — URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016
3. Digital Spillover report. Huawei and Oxford Economics // — URL: https://www.oxfordeconomics.com/Global-Economic-Databank
4. M&A Highlights: Full Year 2019 // — URL: https://dealogic.com/insight/ma-highlights-full-year-2019/
5. PwC «Global M&A Industry Trends» // — URL: https://www.pwc.com/gx/en/services/deals/trends.html
6. Deloitte «M&A Trends Survey: The future of M&A» // — URL: https://www2.deloitte.com/us/en/pages/mergers-and-acquisitions/articles/m-a-trends-report.html.
7. Crunchbase: https://www.crunchbase.com/discover/acquisitions/ b6814c371a9bc61cd26be8e5528e7c27 (дата обращения: 16.11.2020).
8. Furber Sophia, Aitizaz Fatima, Fintech M&A 2020 Deal Tracker: Mastercard goes on shopping spree https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/fintech-m-a-2020-deal-tracker-mastercard-goes-on-shopping-spree-60385109 (дата обращения: 16.11.2020).
9. Technology deals insights: Midyear 2020 https://www.pwc.com/us/en/industries/tmt/library/technology-quarterly-deals-insights.html (дата обращения 16.11.2020).
10. KPMG corp. «Global banking M&A outlook H2 2020» https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/07/standing-firm-on-shifting-sands.pdf (дата обращения: 16.11.2020).

Ромайкин Павел Денисович,
студент Финансового факультета
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации

Предложения по совершенствованию управления трудовыми ресурсами промышленных предприятий Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации

Аннотация: *В статье выделены ключевые проблемы, характерные для современной промышленности Северо-Кавказского федерального округа, особое внимание уделено вопросам кадровой политики промышленных предприятий. На основе анализа структуры населения и происходящих процессов на рынке труда определена специфика управления трудовыми ресурсами региона. Сделан вывод о необходимости применения социально-ориентированных механизмов управления трудовыми ресурсами и обосновано применение инструмента социального контракта. Предложены меры по модернизации существующего механизма функционирования социального контракта, позволяющие обеспечить совместное решение существующих экономических и социальных проблем.*

Ключевые слова: *промышленность, трудовые ресурсы, социальная политика, Северо-Кавказский федеральный округ, социальный контракт.*

Pavel Denisovich Romaykin,
student of the Faculty of Finance,
Financial University under the Government of the Russian Federation

Proposals for improving the management of industrial resources in the North-Caucasus federal district of the Russian Federation

Abstract: *the article highlights the key problems typical for modern industry in the North-Caucasus Federal District and pays special attention to the issues of personnel policy of industrial enterprises. Based on the analysis of the population structure and the ongoing processes in the labour market, the specifics of the region's labour resources management are determined. The conclusion is made about the need to use socially oriented mechanisms of labour management and the use of the social contract tool is justified. Several measures are proposed to modernize the existing mechanism of functioning of the social contract, allowing for a joint solution of existing economic and social problems.*

Keywords: *industry, labour, social policy, North-Caucasus Federal District, social contract.*

Современное состояние промышленного сектора экономики регионов Северо-Кавказского федерального округа (далее — СКФО) характеризуется как близкое к критическому [1]. Причиной этому является ряд взаимосвязанных факторов, наиболее существенными среди которых являются истощение материально-технологической базы и снижение качества трудовых ресурсов [2]. Немаловажно при этом, что негативные тенденции, происходящие в сфере промышленности не являются сугубо отраслевыми, а охватывают практически все направления экономики СКФО. Так, в течение периода 2010-2019 гг., в СКФО ежегодно отмечается наименьший объем созданного валового регионального продукта, а дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, направленные регионам СКФО из федерального бюджета, составляют 28,7% дотаций, направляемых всем субъектам Российской Федерации [3, 4].

Несмотря на серьезные проблемы, существующие в экономическом развитии СКФО, в публикациях научного сообщества нередко обосновывается высокий промышленный потенциал региона [1, 2]. В качестве специфических преимуществ округа выделяются достойный уровень инфраструктуры (наличие развитой транспортной сети и большой объем незагруженных мощностей) и выгодное экономико-географическое положение (доступ к собственным природным ресурсам, а также соседство с крупными рынками спроса на промышленную продукцию). Характерен и факт принятия Государственной программы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года, одним из ключевых направлений которой является развитие конкурентоспособной промышленности и агропромышленного комплекса [5].

Одним из важнейших факторов, определяющих реализацию промышленного потенциала Северного Кавказа, является грамотное воспитание и использование трудовых ресурсов. Научным сообществом обоснована серьезная необходимость как проведения мероприятий по подготовке специалистов в области промышленности, так и создание условий для их удержания в регионе с целью недопущения оттока квалифицированной рабочей силы [1, 2, 6]. Еще одной специфической для СКФО проблемой является необходимость *привлечения* трудовых ресурсов в промышленный сектор из других сфер экономики, поскольку в структуре занятости населения по видам экономической

деятельности превалируют сельское хозяйство и торговля (эти отрасли создают 35% рабочих мест) [4].

Учитывая современный уровень развития промышленности Северного Кавказа, очевидным становится тот факт, что направления его развития в ближайшем будущем носят преимущественно экстенсивный характер, что предполагает ряд особенностей в формировании соответствующей кадровой политики (табл. 1).

Перед тем как проводить анализ возможности применения отдельных инструментов управления трудовыми ресурсами, необходимо определить качественную структуру населения и ту систему стимулов, которая позволила бы наиболее эффективно привлечь его в промышленный сектор.

Для начала оценим основные показатели, характеризующие социально-экономическое положение населения в регионе — уровень бедности и уровень безработицы (рисунок).

На основании данных рисунка видно, что уровень жизни населения в СКФО далек от среднероссийского. Показатель уровня бедности

Таблица 1. Специфика управления ресурсами промышленных предприятий СКФО

Сфера компетенций персонала промышленных предприятий	Специфика СКФО
1. Корпоративная: – стратегия предприятия – корпоративная этика – социальная ответственность	Необходимость формирования правовой базы и антикоррупционных инструментов. Необходимость «популяризации» рабочих мест в промышленном секторе
2. Управленческо-социальные: – эффективное вертикальное взаимодействие работников – эффективное горизонтальное взаимодействие работников	Необходимость преодоления социальной дифференциации потенциального персонала, выраженной в существенном расслоении доходов, образовательных и миграционных возможностей
3. Техническая: – квалифицированная отраслевая подготовка – инновационная подготовка	Необходимость проведения мероприятий по подготовке сотрудников на конкретных предприятиях. Необходимость сохранения в регионах СКФО наиболее квалифицированных трудовых ресурсов и недопущение их оттока

Таблица составлена автором на основе [7].

Основные показатели уровня жизни населения СКФО.

Рисунок составлен автором на основе [4]

(т.е. доля населения, доходы которого ниже установленной величины прожиточного минимума) больше чем в половине регионов превышает 1,5-ю величину соответствующего показателя по России в целом. Более того, в составе СКФО нет ни одного субъекта, в котором уровень бедности был бы ниже, чем средний по России. Схожая ситуация наблюдается и при анализе уровня безработицы. Стоит отметить, что СКФО является лидером среди федеральных округов по этому показателю.

Отдельно стоит остановиться на демографических и территориальных особенностях населения. Северный Кавказ традиционно отмечается высоким уровнем рождаемости, что определяет, во-первых, существующую возрастную структуру, где превалирует молодежь (до 35 лет) и, во-вторых, высокую долю детей (например, в Республике Дагестан дети до 15 лет составляют около 25%), которые, соответственно находятся на иждивении родителей [4]. Особенностью территориального размещения населения в регионах СКФО является высокая доля сельского населения (45% — по сравнению с 75% в среднем по России). При этом необходимо отметить высокую долю населения, проживающего в горной местности, трудовая миграция которого даже в пределах конкретного субъекта сильно ограничена [8].

Тем самым, при определении инструмента повышения эффективности управления трудовыми ресурсами промышленных пред-

приятий Северного Кавказа, необходимо считаться не только с существующими экономическими трудностями, но и с тяжелым социально-экономическим положением населения округа [9], а также с его структурными характеристиками. При этом необходимо отметить, что разработка соответствующего инструмента, учитывающего указанные выше особенности, позволит органам власти субъектов СКФО не только достичь развития конкурентоспособного промышленного сектора, но и решить целый ряд существующих социальных проблем.

Таким образом, социально-ориентированное управление трудовыми ресурсами промышленных предприятий СКФО как в контексте увеличения их общего количества (что необходимо при создании новых и загрузке уже существующих производственных мощностей региона), так и с точки зрения повышения производительности труда, требует применения инструмента, удовлетворяющего следующим параметрам:

1) обеспечение достойного уровня жизни семей работников предприятия;

2) обеспечение профессионального развития работников предприятия;

3) обеспечение возможности трудовой миграции работников предприятия.

Одним из возможных инструментов, удовлетворяющих этим требованиям, может стать механизм социальной помощи на основе социального контракта. Установленный Федеральным законом 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» социальный контракт предполагает взаимные обязательства между гражданами (малоимущими семьями, одиноко проживающими гражданами и иными категориями лиц с доходами ниже прожиточного минимума) и органами социальной защиты по оказанию *целевой* социальной поддержки, совмещенной с мероприятиями по поиску гражданами работы, получению образования, ведению собственного дела, ведению личного подсобного хозяйства и иных мероприятий [10].

Российская практика применения социального контракта в настоящее время находится в экспериментальном состоянии. В научном сообществе отмечается, что несмотря на перспективные возможности применения данной технологии (связанные прежде всего с тем, что социальный контракт, в отличие от выплаты пособий, позволяет не только довести до получателя определенную сумму денежных

средств, но и увеличить степень их социальной защищенности путем наделения возможности трудоустройства и получения дополнительных профессиональных навыков), его практическая реализация не продумана, что характеризуется невозможностью многих участников получить помощь на рынке труда [11, 12].

На взгляд автора, разделяющего мнение научного сообщества в части слабой эффективности современного социального контракта, ключом к его модернизации является усиление адресности мероприятий, применяемых в рамках социальной адаптации, с их непосредственной увязкой со стратегическим развитием соответствующего публично-правового образования. Рассматриваемая социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе является одним из примеров возможного осуществления социальной поддержки населения с целью одновременного стимулирования и уровня жизни, и развития промышленного сектора. Естественно, что такое узкоцелевое применение социального контракта требует уточнения и расширения основных форм поддержки (табл. 2).

Таблица 2. Направления модернизации социального контракта

Существующее мероприятие в рамках социального контракта	Модернизированное мероприятие в рамках социального контракта
Поиск работы гражданами	Предоставление гражданину должности в рамках обязательного норматива по приему граждан на работу на основании социального контракта для промышленных предприятий; установление испытательного срока для гражданина, по итогам которого совместным созданным контрольным органом предприятия и государства определяется профессиональная пригодность работника
Получение образования / повышение квалификации	В случае необходимости профессионального обучения или мероприятий по повышению квалификации, препятствующих осуществлению найма на работу – финансирование государством проведения соответствующих обучающих и иных мероприятий на базе промышленного мероприятия – потенциального работодателя

Таблица составлена автором.

С учетом вышеизложенного, автором предлагаются следующие шаги по совершенствованию управления трудовыми ресурсами промышленности СКФО с точки зрения увеличения их объема при сохранении необходимого уровня квалификации:

— установление обязательных нормативов приема на рабочие места и часов профессионального обучения на предприятиях промышленности СКФО;

— модернизация механизма социального контракта с целью установления взаимовыгодных прав и обязанностей органов социальной защиты, промышленных предприятий и граждан;

— создание системы контроля за качеством достигнутых результатов, основными критериями оценки в рамках которой должны быть, во-первых, улучшение материального положения лиц — участников социального контракта, а, во-вторых, увеличение качества профессиональных компетенций участника контракта, способствующих повышению спроса на его рабочую силу.

Применение вышеизложенных рекомендаций способно превратить социальный контракт из почти не применяемого на практике инструмента в один из ключевых драйверов становления промышленности регионов СКФО. Мобилизация существенного объема не задействованной до сих пор рабочей силы позволит существенно ускорить экстенсивное развитие современной промышленности Северного Кавказа, особенно необходимое для стимулирования экономического роста.

Литература

1. *Гуриева Л.К.* Оценка инвестиционной привлекательности базовых отраслей промышленности Северного Кавказа // Гуманитарные и социально-экономические науки. –2013. — № 6(73). — С. 176-181.
2. *Курдюков С.И.* Состояние и перспективы развития отраслей промышленности в регионах СКФО // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. — 2013. — № 12(60). — С. 16.
3. Межбюджетные отношения // Министерство финансов Российской Федерации [сайт]. — URL: https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/regions/ (дата обращения: 08.11.2020)
4. Федеральная служба государственной статистики [сайт]. — URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 08.11.2020)

5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа»: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 309 (с изм. и доп.). — Доступ из справ.-правовой системы Гарант. — Текст: электронный.
6. *Батов Г.Х.* Промышленная политика и ее роль в технологическом развитии промышленности субъектов СКФО / Г.Х. Батов, М.М. Кандрокова // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. — 2016. — № 6 (74). — С. 129–135.
7. *Смирнова А.М.* Профессиональные компетенции работников крупных промышленных предприятий // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. — 2010. — № 124. — С. 370–374.
8. *Хаматханова Ж.М.* Особенности формирования и развития человеческого капитала в трудоизбыточных республиках Северного Кавказа / Ж.М. Хаматханова, Т.А. Юсупова // Вестник Академии знаний. — 2020. — № 2 (37). — С. 345–348.
9. *Балынин И.В.* Интегральный индекс демографического развития российских регионов: теоретический аспект и практическая реализация // Национальная безопасность / nota bene. — 2016. — № 3. — С.381–389.
10. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (с изм. и доп.) // — URL: https://base.garant.ru/180687/
11. *Бобков В.Н.* Социальный контракт как основа модернизации системы социальной поддержки трудоспособного малоимущего населения / В.Н. Бобков, А.А. Гулюгина, Н.С. Маликов, Е.Ю. Чесалкина // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 3(157). — С. 4–19.
12. *Корчагина И.И.* Социальная помощь малоимущим домохозяйствам на условиях социального контракта / И.И. Корчагина, Л.А. Мигранова // Народонаселение. — 2013. — № 1(59). — С. 74–86.

Сафьянова Элиза Маратовна,
студент Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Преступления в сфере банкротства как угроза экономической безопасности

Аннотация: *В статье рассматриваются виды криминального банкротства и способы их совершения. Цель написания статьи — выделить и обозначить наиболее значимые угрозы экономической безопасности, вызванные преступлениями в сфере банкротства. К незаконным банкротствам принято относить преднамеренное и фиктивное банкротство, а также неправомерные действия при реальном банкротстве. На практике такие преступления латентны, их сложно выявить, в связи с чем имеют место трудности, связанные с привлечением лиц, совершивших преступления в сфере банкротства, к уголовной ответственности.*

Ключевые слова: *преднамеренное банкротство, фиктивное банкротство, реальное банкротство, незаконное банкротство, криминальное банкротство, неправомерные действия при банкротстве, уголовная ответственность.*

Safyanova Eliza Maratovna,
student of the Faculty of National Security, ILNS of RANEPA

Crimes in the field of bankruptcy as a threat to economic security

Abstract: *The article deals with the types of criminal bankruptcy and the ways of their commission. The purpose of this article is to outline and identify threats to economic security caused by crimes in the field of bankruptcy. Intentional and fictitious bankruptcy, as well as illegal actions in real bankruptcy are refered as illegal bankruptcies. In practice, these crimes are latent, they are difficult to identify, and therefore it is difficult to bring entities committed crimes in the field of bankruptcy to criminal responsibility.*

Keywords: *intentional bankruptcy, fictitious bankruptcy, real bankruptcy, illegal bankruptcy, criminal bankruptcy, illegal actions in bankruptcy, criminal liability.*

В современных условиях мирового экономического кризиса, обусловленного пандемией COVID-19, проблема банкротства юридических и физических лиц приобретает особую актуальность и значимость.

По статистическим данным Федресурса, за 9 месяцев 2020 года число банкротств физических и юридических лиц увеличилось в 1,5 раза по отношению к аналогичному периоду 2019 года (таблица) [1].

Банкротства компаний и граждан по России

Субъект	Январь–сентябрь 2019 г.	Январь–сентябрь 2020 г.	Январь–сентябрь 2020 г. к январю–сентябрю 2019 г.
Юридические лица	9126	7393	–19,0%
Физические лица	46 731	77 050	64,9%

Таблица составлена автором на основе [1]

Таким образом, интерес граждан к освобождению от долгов через механизм личного банкротства демонстрирует существенный рост. Предполагается, что число новых банкротов будет непрерывно повышаться, что обусловлено увеличением числа должников, финансовое положение которых ухудшилось в связи с эпидемиологической обстановкой в стране.

При этом в отношении ряда компаний и индивидуальных предпринимателей продолжает действовать мораторий на подачу кредиторами заявлений на банкротство, введенный в действие в апреле 2020 года. По данным Федеральной налоговой службы, на 1 октября 2020 года его действие распространяется на 517 тыс. юридических лиц и 1,61 млн индивидуальных предпринимателей. Однако по данным на 1 октября 2020 года, 708 компаний и 146 индивидуальных предпринимателей реализовали свое право на отказ от моратория [2].

Вследствие непредсказуемого и зачастую негативного воздействия факторов внешней среды повышаются риски возникновения банкротств, причем как реальных, так и незаконных. Это подчеркивает необходимость и значимость своевременного выявления преступлений в данной сфере.

Определение несостоятельности (банкротства) дано в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», под этим термином подразумевают признанную арбитражным судом или наступившую в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам [3].

В учебной литературе и в практике работы специалистов антикризисного управления выделяются следующие виды банкротств: реальное, техническое, преднамеренное и фиктивное [4, с. 35].

Автор статьи предлагает иную классификацию в зависимости причин возникновения неплатежеспособности, включающую две более крупные группы:

— непреднамеренной неплатежеспособности (подразумевает все виды реального банкротства, причинами которого являются неэффективные управленческие решения);

— сознательной неплатежеспособности (здесь причиной является преступный умысел, например, уклонение от уплаты долгов или хищение имущества, в эту группу можно отнести все виды незаконного (криминального) банкротства).

Важно учесть оговорку о том, что ответственность за незаконные банкротства предусматривается также в Кодексе об административных правонарушениях, где такие банкротства называют неправомерными, криминальные же регулируются Уголовным кодексом РФ. Таким образом можно сделать вывод, что различия между неправомерным и криминальным банкротствами обусловлены главным образом размером нанесенного ущерба [5, с. 37–38].

Термин «криминальное банкротство» является собирательным и включает в себя три вида преступлений, закрепленных статьями 195-197 УК РФ соответственно:

1. Неправомерные действия при банкротстве. В статье содержатся три состава преступления, которые можно отнести к категории небольшой тяжести:

— нарушение хода процедуры банкротства, иными словами совокупность действий должника по сокрытию информации о материальной базе компании-банкрота, имуществе или сведений о нем, а также прочих приемов манипуляции с ними, уничтожения или фальсификации важных бухгалтерских и учетных документов и прочие действия, указанные в части 1 ст. 195;

— неправомерное удовлетворение требований одних кредиторов в ущерб другим, в том числе внеочередное погашение задолженности. Неправомерность состоит в нарушении очередности, установленной ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» для удовлетворения требований кредиторов. Закон предусматривает,

что удовлетворение требований кредиторов должно производиться в строгой очередности;

— воспрепятствование, противодействие деятельности арбитражного управляющего [6].

2. Преднамеренное банкротство. Совершение руководителем или собственником предприятия либо гражданином, неправомерных действий в результате чего создается или увеличивается неплатёжеспособность и субъект становится банкротом.

3. Фиктивное банкротство. Объявление лицом о своей несостоятельности, при том, что реальное положение дел отличается от объявленного публично.

Преступления в сфере банкротства в общей массе преступлений экономической направленности составляют менее одного процента ежегодно. Наибольшую криминологическую значимость представляет *преднамеренное банкротство, оно характеризуется большей степенью общественной* опасности и занимает большую часть в структуре криминальных банкротств [7].

Общественная опасность преднамеренного банкротства заключается в создании угроз экономической безопасности личности, общества, государства. Банкротство затрагивает имущественные интересы практически всех субъектов хозяйствования — государства в целом, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, поставщиков, кредитных организаций и самой организации-должника.

В целях обеспечения экономической безопасности государство принимает меры по борьбе с теневой и криминальной экономикой, элементом которой в свою очередь выступает криминальное банкротство [8]. В соответствии со Стратегией экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, одной из основных задач также является предотвращение преднамеренных банкротств, что означает пресечение незаконных посягательств на отношения субъектов экономической деятельности в сфере банкротства [9].

Криминальные банкротства в первую очередь создают угрозы законным жизненно важным интересам в сфере финансовой безопасности, являющейся одной из функциональных видов экономической безопасности. Реализация таких преступлений, нарушая движение финансовых потоков, позволяет их субъектам получить незаконный

доход и (или) уклониться от уплаты налогов, причинив ущерб другим хозяйствующим субъектам (предприятиям, банкам) и государству [10, с. 152–157].

Как правило, преднамеренное банкротство является следствием злоупотреблений кредитом, полученным мошенническим путем. В упрощенном виде классическую схему подобного правонарушения можно представить следующим образом: в первую очередь создается фирма или приобретается уже существующая, имеющая задолженности, которая имитирует добросовестную предпринимательскую деятельность, затем эта фирма берет кредит в банке на приобретение запасов, приобретаются товары, но расчет с поставщиками не осуществляется, после чего товары продаются по заниженной цене «непринципиальным» покупателям, за счет чего недобросовестные предприниматели получают выгоду в виде денежных средств от реализации товара, остаётся только закрыть дело, объявив о своем банкротстве.

Однако есть и вторая сторона, преднамеренное банкротство можно рассматривать в качестве этапа недружественного поглощения, в таком случае реализация угроз происходит в области безопасности предпринимательской деятельности, жизненно важных интересов предпринимателей [11, с. 51-56].

В процессе недружественного поглощения с заявлением в арбитражный суд обращается кредитор того юридического или физического лица, которое не выполняет свои денежные обязательства. Иначе говоря, недобросовестные кредиторы стараются таким образом подставить неискушенного предпринимателя, направившего свои капиталы на развитие бизнеса. Вследствие того, что в этот период предприниматель не может совершить необходимые выплаты, его требуют объявить банкротом и на основании этого намереваются завладеть его активами.

Классификация основных видов угроз, влияющая на реальные и криминальные банкротства, может быть дана по различным основаниям: объектам безопасности (личность, общество, государство), функциональным видам экономической безопасности (финансовая, производственная и т.д.), по вероятности реализации (реальные и потенциальные), по источнику угрозы (внешние и внутренние) и прочие [10, с. 59–68]. В данной статье приведена наиболее комплексная и полная классификация, согласно которой выделяются угрозы экономической безопасности как следствие преступлений в сфере банкротства.

1. Угрозы интересам государства в финансовой сфере:

1.1. Реальные угрозы:

— дестабилизация денежно-финансовой системы и отсутствие достаточных денежных ресурсов для погашения внешней задолженности и обеспечения финансирования функций государства;
— снижение поступлений в бюджет страны;
— обесценивание рубля, утечка валюты из страны, рост внешней задолженности;
— усиление зависимости от иностранных инвестиций и помощи мирового сообщества;
— коррумпированность органов государственного аппарата, в частности в отношении деятельности института банкротства.

1.2. Потенциальные угрозы:

— критическое замедление и спад производства в отдельных отраслях экономики;
— потеря экономической самостоятельности России.

2. Угрозы интересам общества и личности в финансовой сфере:

— обнищание населения и углубление его социально-экономической поляризации;
— рост преступности, ее проникновение во властные структуры.

3. Угрозы в сфере предпринимательства:

— финансовые и репутационные потери вследствие несвоевременного расчета, частичного или полного невозврата средств по денежным обязательствам;
— применение средств конкуренции (рейдерские захваты, т.е. посягательства на активы предприятия).

Кроме того, помимо обозначенных угроз, в связи с непредвиденными финансовыми трудностями, у организации могут возникать сложности в реализации хозяйственной деятельности; нарушается привычная гармония в работе конкретного предприятия и появляется необходимость перестраивать его деятельность.

Заметим, что угрозы в сфере предпринимательства, по своей сути могут являться и причинами неудач российских предпринимателей. К таким причинам можно отнести и недостаточный учет предпринимательских рисков, и ущерб от недобросовестного партнерства.

Российский бизнес можно назвать в высокой степени криминализируемым, именно поэтому предприниматель должен знать и уметь распознавать мошеннические схемы и составы преступлений в сфере экономической деятельности.

Итак, в соответствии с действующим уголовным законодательством можно выделить три вида преступлений в сфере банкротства, говоря о них как об угрозах экономической безопасности. В первую очередь — об угрозах двум ее функциональным видам, а именно финансовой безопасности и безопасности предпринимательства. Общественная опасность криминальных банкротств состоит в том, что активное непротиводействие и игнорирование их последствий негативно затрагивает имущественные интересы всех субъектов хозяйствования, провоцируя и обостряя угрозы их социальной и экономической безопасности.

Литература

1. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. — [Электронный ресурс]. — URL: https://fedresurs.ru.
2. Федеральная налоговая служба [сайт]. — URL: https://www.nalog.ru/rn77
3. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 31 июля 2020 г.). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. *Бойко В.Л.* Этапы и теоретические основы антикризисного управления и антикризисного регулирования в обеспечении национальной экономической безопасности // Актуальные проблемы развития экономики и управления в современных условиях: Материалы II Международной научно-практической конференции. — Отв. ред. И.Л. Сурат. — М., 2019. — С. 33–38.
5. *Добровлянина О.В.* Виды незаконных банкротств в Российской Федерации: некоторые проблемы правового регулирования / *О.В. Добровлянина, К.С. Кондратьева, К.В. Патырбаева* // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2017. — № 3. — С. 34–49.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 октября 2020 г.). — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
7. Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. — URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai.
8. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

9. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
10. *Корнилов М.Я.* Экономическая безопасность: учебное пособие М.Я. Корнилов, И.В. Юшин. — 3-е изд. перераб. и доп. — М.: РГ-Пресс, 2019. — 320 с.
11. *Бойко В.Л.* Основные положения антикризисного управления и регулирования деятельности коммерческой организации в условиях кризиса // Перспективы развития предпринимательства в России: Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры экономики и предпринимательства Института экономики, управления и права МГОУ. — М., 2017. — С. 51–56.

Саркисян Артур Айкович,
Селезнев Юрий Всеволодович,
студенты Саратовской государственной юридической академии

Национальная безопасность Российской Федерации в Восточной Европе

Аннотация: *В статье исследуются внешние и внутренние угрозы, которые поставили Россию перед необходимостью обновить стратегию национальной безопасности. При этом проблемы ее обеспечения рассматриваются авторами в контексте взаимоотношений Российской Федерации со странами Восточной Европы.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, Восточная Европа, национальные интересы России, внешние и внутренние угрозы.*

Artur Aikovich Sargsyan,
Yuri Vsevolodovich Seleznev,
students of the Saratov State Law Academy

National security of the Russian Federation in Eastern Europe

Abstract: *The article examines the external and internal threats that have put Russia in front of the need to improve its national security strategy. At the same time, the problems of its provision are considered by the authors in the context of relations between the Russian Federation and the countries of Eastern Europe.*

Keywords: *national security, Eastern Europe, national interests of Russia, external and internal threats.*

Уже почти 30 лет как не существует Советский Союз. Для России это была огромная геополитическая катастрофа, поскольку государство потеряло статус сверхдержавы и перешло в группу стран второ-

го мира. В ходе развала СССР были потеряны стратегически важные территории окраин и их особо ценные ресурсы, тем самым Россия неожиданно оказалась в новом для себя географическом положении. Это касалось и потери своей сферы влияния в регионе Восточной Европы, долго находившейся в тесных отношениях с Советским Союзом. Страны Восточной Европы активно стали вступать в западные военные и экономические союзы, отказавшись от социалистической системы. Данные процессы нашли должный отклик со стороны США и их союзников по НАТО, ведь преследовалась общая цель — обеспечение безопасности и мира в Европе в условиях глобальных изменений, скорейшее решение экономических и экологических проблем в развитии. Вестернизация региона не встречала противодействия от России.

Стремительно интегрироваться в западные сообщества стали и страны Прибалтики, когда-то входившие в состав СССР, своей очереди ожидают Грузия, Украина и Молдавия [1]. Для России это серьезный вызов, так как она, во-первых, может лишиться своих важных экономических связей с влиятельным регионом, во-вторых, у ее границ будет располагаться целый военный блок, цели которого не совсем ясны. Ставится под сомнение решающая роль России на постсоветском пространстве, выражающаяся, например, в попытке вмешательства ЕС во внутренние дела Республики Беларусь. В связи с тем, что межнациональные вопросы не были решены после развала Советского Союза, они стали провоцировать региональный сепаратизм и проблемы национальной, языковой и религиозной идентичности, которые Россия не может игнорировать, ввиду того, что дестабилизация у ее границ приведет в первую очередь к потере стратегических союзников, а впоследствии к переносу данных противоречий на ее территорию. Переориентация государств ближнего зарубежья в направлении западноевропейского курса влечет за собой вынужденную милитаризацию России из-за приближающейся угрозы национальной безопасности [2].

Однако не все процессы идут гладко. Выход Великобритании из ЕС, разногласия стран в НАТО, соперничество государств за лидерство в ЕС, конфликт вокруг Стамбульской конвенции — все эти и родственные с ними процессы свидетельствуют о мнимости единства европейского миропорядка. А вместо того, чтобы разре-

шать сложившиеся противоречия, Восточная Европа вынужденно втягивается в военно-технические программы и военные акции в различных точках планеты в связи со своими обязательствами, тем самым непреднамеренно участвуя в новых вооруженных конфликтах различной интенсивности и создавая для себя новые опасности, одна из которых — угроза потери собственного суверенитета.

Частичный разрыв экономических связей между Россией и странами Восточной Европы нанес обеим сторонам непоправимый ущерб, до сих пор большая часть инфраструктуры государств бывшей ОВД (Организации Варшавского договора) пролегает с запада на восток, то есть в направлении на постсоветское пространство. Данный факт является наглядным признаком того, что Восточная Европа по-прежнему полагается на Россию в удовлетворении большей части своих потребностей. ЕС же в противовес стремится создать новый торговый путь и энергетические связи с севера на юг. Выражением такой воли служит проект «Инициатива трех морей» («Триморье»), в которую вступили Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония. Сущность объединения заключается в том, чтобы создать политико-экономический заслон между Западной Европой и Россией, план сдерживания расширения влияния России на Запад. «Триморье» пользуется активной финансовой и политической поддержкой США. Проект еще не является полноценным союзом, но имеет перспективу им стать. России нужно предложить более выгодную альтернативу Восточной Европе. Но низкая конкурентоспособность российских товаров создает препятствие для продвижения российского бизнеса в эти страны [3].

Перед Россией стоит множество задач в восточноевропейском направлении, из которых, на наш взгляд, приоритетными являются:

1) переориентирование экономики с нефтегазового сектора и поставок сырья на промышленное производство высокотехнологичных товаров, стремление к поиску новых рынков;

2) дальнейшее развитие проекта «Северный поток», который будет сильнее «раскалывать» Евросоюз. Против плана выступают в основном страны Триморья при поддержке США, поскольку они географически удалены от газопровода и транзитные платежи в таком случае будут для них возрастать. Но такие влиятельные страны, как

Франция, Германия и Австрия солидарны с данной инициативой и могут всячески оказывать давление на сопротивление проекту;

3) ускорение интеграционных процессов в рамках Договора о создании Союзного государства с Республикой Беларусь;

4) дипломатическая борьба за признание легитимности и законности вхождения Крыма в состав России, признание государства Косово как первого прецедента территориального отделения и его юридическое оформление на международном уровне. Позицию России в данном случае могут активно поддержать депутат немецкого бундестага Грегор Гизи и бывший президент Франции Валери Жискар Д'Эстен;

5) дипломатическая борьба против искажения истории Второй Мировой войны в документах Европарламента, против осквернения памятников советским солдатам;

6) мирное урегулирование конфликтов на востоке Украины в Приднестровье, налаживание дипломатических отношений с Украиной и Молдавией;

7) продвижение нового международного имиджа и образа Российской Федерации как демократического и правового государства, высшей ценностью которого являются права, свободы и безопасность личности, противника навязывания западных институтов и стандартов другим странам и защитника самобытности некоторых народов Восточной Европы. Необходимость такой меры заключается в том, что нужно убедить государства Восточной Европы в отсутствии угрозы и опасности со стороны Российской Федерации, так как именно страх российского вторжения является решающим в выборе западноевропейского курса развития.

Для решения перечисленных задач России необходим поиск новых союзников и укрепление уже существующих дружественных отношений с другими странами. Безусловным союзником Российской Федерации в регионе Восточной Европы является Республика Беларусь. Активно и удачно складываются экономические отношения между Россией и Венгрией, позиции в международной политике которых во многом сходятся. Это может вызвать отчасти раскол в «Инициативе трех морей», ведь Венгрия в нем занимает почти центральное географическое положение и связывает страны с выходом в Черное море (Румынию и Болгарию) с остальным союзом, а большая часть транспортных путей организации будет проходить через

территорию Венгрии. От участия в «Инициативе трех морей» может отказаться и Австрия, если организация будет приобретать все более военный характер, нежели экономический. В связи с собственным международным нейтралитетом, который, по правде говоря, иногда нарушается, Австрия скорее не будет заинтересована в расширении союза. Российско-австрийские отношения на сегодняшний день находятся на неплохом уровне. Урегулирование конфликта в Донбассе, крымского кризиса и разочарование Украины в западных сообществах могут привести к нормализации отношений с Россией.

Для России очень важно, чтобы восточноевропейские партнеры правильно оценивали ее, видели страну такой, какая она есть. И поэтому решающим фактором в привлечении Восточной Европы на свою сторону будет не только новая концепция индустриальной политики, но и информационная война, в которой Россия пока уступает ЕС. Однако территориальная близость, давние исторические связи и традиции, интересы взаимовыгодного сотрудничества немного компенсируют такую уступку. И Россия, и страны Восточной Европы должны прийти к осознанию необходимости развития всесторонних добрососедских отношений в области политики, экономики, науки, культуры и спорта, согласию и миру в столь сложном, необычном и стратегически важном регионе для нашей страны.

Литература

1. *Мальгин А.И.* «Новая Восточная Европа» и стратегические интересы России, 2011. — Текст: электронный. — URL: https://mgimo.ru/gpf-yaroslavl/210341.html
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2016. — № 1 (часть II). — Ст. 212.
3. *Орлик И.И.* Россия и Восточная Европа в XXI веке // Россия XXI. — 2014. — № 4. — С. 20–47.

Сенотрусова Евгения Михайловна,
аспирант кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального
исследовательского университета (ПГНИУ),
доцент кафедры гражданского-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
(ИЮИ(ф)УП РФ)

Гражданско-правовая категория вины в отношениях по предупреждению причинения вреда

Аннотация: *Исследуется вопрос о значении вины в институте предупреждения причинения вреда. Представлены результаты анализа легального определения категории вины в отечественном гражданском законодательстве и практики его применения. Дан краткий обзор зарубежного законодательства в части раскрытия гражданско-правовой категории вины. Обосновывается вывод о необходимости применения в гражданском праве объективистской концепции вины как отступления от стандарта поведения обычного разумного участника оборота при обязательном учете индивидуальных особенностей лица.*

Ключевые слова: *предупреждение причинения вреда, вина, объективистская концепция вины.*

Evgeniya Mikhailovna Senotrusova,
postgraduate student of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process of Perm State University, associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Civil-legal category of guilt in relations for the prevention of harm

Abstract: *The question of the meaning of guilt in the institute of harm prevention is investigated. The results of the analysis of the legal definition of the category of guilt in civil legislation and the practice of its application are presented. A brief overview of foreign legislation regarding the disclosure of the category of guilt is given. The author substantiates the conclusion that it is necessary to apply the objectivist concept of guilt in civil law as a deviation from the standard of behavior of an ordinary reasonable participant in the turnover, while taking into account the individual characteristics of the person.*

Keywords: *prevention of harm, guilt, objectivist concept of guilt.*

Вопрос о значении вины в отношениях по предупреждению причинения вреда относится к числу дискуссионных в гражданском праве. По мнению одних авторов, предусмотренные ст. 1065 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) меры должны применяться независимо от наличия или отсутствия вины лица [1, с. 10–11, 115], по мнению других, их применение возможно только при наличии таковой [2, с. 51–53].

Представляется, что полное отрицание значимости вины в институте предупреждения причинения вреда основано на узком и буквальном толковании положений ст. 1065 ГК РФ, что не соответствует социальным предпосылкам установления соответствующих мер. Одновременно следует признать необходимость разграничения объема применяемых мер соответственно к виновному и невиновному лицам, что соответствует принципам равенства и справедливости, а также позволит исключить дестимулирующее воздействие права на деятельность добросовестных участников гражданского оборота, с одной стороны, и снижение эффективности воспитательной функции по отношению к виновным лицам — с другой.

Однако, как показывает анализ судебной практики, при установлении вины в поведении лица, создавшем опасность причинения вреда, возникают серьезные затруднения, вызванные отсутствием единого подхода к ее пониманию. Так, в цивилистике существует множество подходов к сущности вины от ее объективизации до признания в качестве таковой психического отношения индивида к своему поведению и его последствиям.

Законодательное определение вины в гражданском законодательстве не может рассматриваться в качестве методолого-правового идеала при решении научных проблем и нуждается в пересмотре. В ст. 401 ГК РФ вина определяется через категории заботливости, осмотрительности и принятия надлежащих мер, которые присущи объективистскому подходу. При определении форм вины законодатель использует наработки классической субъективистской концепции. Такой законодательно закрепленный «смешанный» подход имеет ряд недостатков [3, с. 290–291]. Так, в ст. 401 ГК РФ не раскрыта умышленная форма вины, не указаны ее интеллектуальная и волевая составляющие, ее виды. Такой законодательный признак вины как отсутствие «заботливости и осмотрительности» влечет отождествление

вины и неосторожности как одной из ее форм, а, кроме того, смешение вины с категориями добросовестности и разумности [4, с. 54-57].

Кроме того, анализ положений ст. 307.1 ГК РФ вызывает сомнения о возможности применения понятия вины в смысле ст. 401 ГК РФ к иным отношениям, например, к обязательствам вследствие причинения вреда и к обязательствам вследствие неосновательного обогащения, поскольку для такого применения следует установить непротиворечие ст. 401 ГК РФ существу указанных отношений (требование непротиворечия специальным законодательным правилам можно упустить ввиду того, что на сегодняшний день вине как таковой больше не посвящено ни одной нормы в ГК РФ). Иными словами, сам законодатель признает, пусть и косвенно, неуниверсальность данного в ст. 401 ГК РФ определения категории вины.

Отсутствие ясности положений гражданского законодательства о вине, необдуманное смешение противоположных теоретических подходов оказывают негативное влияние на судебную практику. В большинстве случаев суды либо ограничиваются предложенными высшей инстанцией формулировками о непрезюмируемости вины при применении ст. 1065 ГК РФ [5], либо вовсе не исследуют эту категорию. Изучение единичных решений, где категория вины всё-таки была затронута, показывает, что вина устанавливается исходя из произвольных критериев [6].

В римском праве вина рассматривалась как объективная категория [7, с. 421]. Грубая вина имела место тогда, когда лицо не проявило ту меру заботливости, которую можно требовать от всякого, или, иными словами, это непонимание того, что все понимают. О легкой вине говорили в случае, если лицом не проявлена мера заботливости, присущая не всякому участнику оборота, а наиболее добросовестному и заботливому.

Немецкий законодатель под неосторожностью понимает пренебрежение обычной в обороте заботливостью [8], несоответствие поведения лица общим для всех обязанностям, непринятие необходимых в общении мер осмотрительности (§ 276 BGB) [9, с. 248]. Описывая историческое развитие деликтного права в Германии, К. Цвайгерт и Х. Кетц отмечали, что, согласно традиционному и наиболее распространенному подходу, «“виновно” действует тот, кто преднамеренно, т.е. сознательно, по собственной воле нарушает защищаемое

законом благо или по неосторожности. При этом под “неосторожностью” имеется в виду проявление недостаточной степени разумной осмотрительности и заботливости, понимаемых в общепринятом для делового оборота смысле слова. … С этой целью использовалась фикция образа действий разумного и добросовестного человека в подобной ситуации» [10, с. 364].

В австрийском гражданском законодательстве также отражена объективистская концепция вины: участник оборота вправе полагаться на то, что каждый способен к такой степени заботливости и осмотрительности, которая может быть соблюдена лицом с обычными способностями; тот, чье поведение не соответствует общему уровню осмотрительности и внимательности, несет виновную ответственность в случае причинения вреда (§ 1297 ABGB) [11].

Обращение к частному праву стран англосаксонской правовой системы (дело Blyth v The Company of owners of The Birmingham Waterworks [12], дело Vaughan v Menlove [13], проч.) также позволяет сделать вывод о преобладании в указанных правопорядках объективистского подхода к категории вины. Аналогичный подход использован в Модельных правилах европейского частного права (ст. 3:102).

Небольшой сравнительно-правовой анализ показывает преобладание объективистского подхода к пониманию вины, что, как представляется, соответствует сущности частного права. В гражданском праве поведение нарушителя должно рассматриваться не с точки зрения его самого, его внутренних убеждений, желаний, помыслов, а с точки зрения потребностей и ожиданий гражданского оборота. Частное право принимает во внимание личность и ее психические переживания и мотивы только тогда, когда это требуется законом или сложившейся судебной практикой, в остальных случаях человек рассматривается здесь как участник экономического оборота, обязанный сообразовывать свое поведение с некими стандартами и требованиями добросовестности. Напротив, при применении уголовного законодательства решающую роль играет психический статус лица, его вменяемость, мотивы, субъективно-личностные характеристики [14, с. 253]. Изложенные особенности находят отражение в легальных определениях вины в ГК РФ и УК РФ.

Тезис о необходимости дифференциации вины в уголовно-правовом и цивилистическом понимании находит подтверждение в судеб-

ной практике иностранных судов. В своем решении Апелляционный суд Англии и Уэльса, сославшись на установившееся различие между гражданской и уголовной неосторожностью, указал, что неосторожность, достаточная для установления гражданской ответственности, сама по себе не свидетельствует о наличии вины в форме неосторожности в уголовном праве, т.е. установление факта наступления смерти в результате деликта неосторожности не тождественно непредумышленному убийству [15].

Российские суды при рассмотрении гражданских дел, указывая на понимание вины с точки зрения психологического, субъективистского подхода, зачастую проводят сравнение конкретных действий лица и некого стандарта поведения, что характерно для объективистской концепции.

К примеру, рассматривая дело о субсидиарной ответственности контролирующих лиц, суд отметил, что в соответствии с положениями законодательства, контролирующие лица могут быть привлечены к субсидиарной ответственности, если их виновное поведение привело к невозможности погашения задолженности перед кредиторами должника.

Для установления виновного поведения контролирующих лиц суд предлагает принимать во внимание следующие обстоятельства: «1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника (что, например, исключает из круга потенциальных ответчиков рядовых сотрудников…); 2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное — банкротное — состояние (однако не могут быть признаны в качестве оснований для субсидиарной ответственности действия по совершению, хоть и не выгодных, но несущественных по своим размерам и последствиям для должника сделки); 3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий…». Суд пояснил, что «….одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации

его вины... К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки … и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежало также определить степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам, что судами не сделано» [16].

Таким образом, для определения вины во внимание принимаются преимущественно объективные, внешние обстоятельства [17]. При таком положении вещей отстаивание субъективистской концепции представляется искусственным и не соответствующим сложившейся правоприменительной практике по гражданским делам.

На наш взгляд, в гражданском праве в целом и в отношениях по предупреждению причинения вреда в частности должна применяться объективистская концепция вины как отступления от стандарта поведения обычного разумного участника оборота, но с учетом некоторых индивидуальных особенностей обязанного лица. При этом умысел отличается от неосторожности степенью нарушения стандартов поведения и состоит в нарушении наиболее простых и базовых мер заботливости и осмотрительности [18, с. 348].

Литература

1. *Гусева Е.А.* Предупреждение причинения вреда вследствие деятельности, представляющей повышенную опасность для окружающих, по гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 189 с.
2. *Хохлов В.А.* Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: дис. … докт. юрид. наук. — Самара, 1998. — 349 с.
3. *Кузнецова О.А.* Новые положения в регламентации гражданско-правовой ответственности // Реформа обязательственного права России: проблемы и перспективы / Отв. ред. Е.Е. Богданова. — М., 2018. — С. 282–312.
4. *Кузнецова О.А.* Совершенствование института ответственности за нарушение обязательств: законодательные итоги и новые научные проблемы // Вопросы российской юстиции. — 2015. — № 2(2). — С. 54–57.
5. Определение Верховного Суда РФ от 01 сентября 2017 г. по делу № А32-26115/2016. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09 июля 2015 г. по делу № А60-394/2015. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.

7. Дигесты Юстиниана. — Пер. с латинского / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. — Т. II. — М.: Статут, 2003. — 622 с.
8. German Civil Code. — Текст: электронный // — URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html#p0679 (дата обращения: 17.08.2020).
9. *Крамер Э.А.* Начало общего всем вменения в деликтном и договорном праве // Вестник гражданского права. — 2020. — № 1. — С. 236–262.
10. *Цвайгерт К.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / К. Цвайгерт, Х. Кетц. — В 2 т. Т. 2. — Пер. с нем. — М.: Международные отношения, 1998. — 512 с.
11. Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch — Текст: электронный // — URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10001622 (дата обращения: 17.08.2020).
12. Blyth v The Company of owners of The Birmingham Waterworks (1856). — Текст: электронный // — URL: http://www.bailii.org/ew/cases/EWHC/Exch/ 1856/J65.html (дата обращения: 19.07.2020).
13. Vaughan v Menlove (1837). — Текст: электронный // — URL: https://h2o.law.harvard.edu/cases/2631 (дата обращения: 06.11.2020).
14. *Мартиросян А.Г.* Соотношение вины и риска в гражданском праве // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 2010. — № 7. — С. 250-260.
15. *Misra & Anor, R* v [2004] EWCA Crim 2375 (2004). — Текст: электронный // — URL: http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2004/ 2375.html (дата обращения: 02.02.2021).
16. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2020 г. по делу № 307-ЭС19-18723(2,3). — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
17. О применении судами некоторых положений ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7. П. 7. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
18. *Кузнецова О.А.* Ответственность за нарушение обязательств // Памятники российского права. В 35 т. Т. 30. Гражданские кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / Под общ. ред. Р.Л. Хачатурова, В.Д. Рузановой. – М., 2017. — С. 339–356.

Смирнова Лилия Владиславовна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Роль комиссии ООН по праву международной торговли в правовом регулировании переводных и простых векселей

Аннотация: *В статье рассматривается вопрос о роли ЮНСИТРАЛ в подготовке проекта Конвенции ООН о международных переводных векселях и международных простых векселях 1988 г. в сфере правового регулирования международных векселей, а также исследуется проблема унификации норм международного вексельного права.*

Ключевые слова: *международное частное право, международное вексельное право, вексель, ЮНСИТРАЛ, унификация.*

Lilia Vladislavovna Smirnova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

The role of the United Nations Commission on International Trade Law in the legal regulation of bills of exchange and promissory notes

Abstract: *This article examines the role of UNCITRAL in the preparation of the draft United Nations Convention on International Bills of Exchange and International Promissory Notes of 1988 in the field of legal regulation of international bills of exchange, and also examines the problem of unification of the norms of international bill of exchange law.*

Keywords: *international private law, international bill of exchange law, bill, UNCITRAL, unification.*

Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) была создана в 1966 г. и одной из основополагающих целей данного вспомогательного органа Генеральной Ассамблеи ООН является устранение, сокращение расхождений и противоречий, возникающих при применении и использовании однотипных законов разных государств по вопросам международной торговли.

В международном частном праве помимо Женевских конвенций 1930 г. и Акта о векселях 1882 г., источником вексельного права вы-

ступает пока не вступившая в силу до настоящего времени, подготовленная Комиссией ЮНСИТРАЛ Конвенция ООН о международных переводных и простых векселях, подписанная в декабре 1988 г. в г. Нью-Йорке, в качестве Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН [1]. Таким образом, для целей принятия проекта Конвенции об унификации правил составления международных векселей специально созданной группой была начата его разработка в 1972 году, в эту рабочую группу вошли представители девяти государств, в том числе и СССР. Так как в настоящее время отсутствует необходимое число ратификационных грамот для вступления в силу данной Конвенции, она все еще не вступила в силу, в свою очередь СССР подписал Конвенцию 30 июня 1990 года.

В международном торговом обороте существуют два типа векселей, относящихся к разным правовым системам. Первым типом векселя выступает Женевский вексель, основанный в соответствии с Конвенцией о Единообразном Законе о переводном и простом векселе 1930 г., а вторым типом является англосаксонский вексель, основанный в соответствии с Законом о переводных векселях 1882 г. и Единообразным торговом кодексом США 1952 г. Кроме этого в настоящее время существуют государства, которые не присоединились ни к одной из этих систем международного вексельного права [2, с. 333]. В связи с этим Комиссия ЮНСИТРАЛ предприняла попытку объединения и устранения различий в этих двух системах путем принятия единого международного нормативного правового акта — Конвенции, которая избавила бы международный торговый оборот от некоторого рода коллизий и расхождений, а также унифицировала бы международное вексельное право.

Международное вексельное право всегда неразрывно существовало с правом международной торговли и именно с этим фактом связано стремление международного сообщества к унификации вексельного права многих государств с целью приведения его к общему стандарту [3, с. 199]. В сфере международных расчетов эта Конвенция обязана быть обобщающей и унифицирующей традиции о континентальных и англосаксонских положениях векселей и привести эти документы к общему знаменателю. Её положения затрагивают такие вопросы, как определение и содержание простого, а также переводного векселя, их отличия друг от друга с выделением

специальных элементов, присущих именно международному векселю, толкование реквизитов, права и обязанности сторон, предъявление, отказ в акцепте, а также Конвенция предусматривает регресс из неакцепта векселя, регулирование обращения международного векселя и т.п. Примечательно, что данная Конвенция не применяется к чекам и затрагивает сферу действия только лишь международных векселей, т.е. субъекты данных правоотношений должны принадлежать к разным государствам.

Как таковая роль Комиссии ООН по праву международной торговли заключается в должной унификации вексельного права для стран, присоединившихся к Конвенции. В свою очередь правовая унификация представляет собой правотворческий процесс, который направлен на принятие и утверждение в мировой практике единообразных правовых положений с целью исключения противоречий и коллизий не только между национальными системами вексельного права, но и международно-правовыми нормами в этой сфере, а также с целью создания новых правовых норм, заполняющих пробелы в правовом регулировании и обороте международных векселей.

Конвенция ООН о международных переводных и простых векселях в своей сфере действия предусматривает введение в оборот новых платежных документов, а именно векселей, имеющих международный характер, а также предусматривает достаточно исчерпывающий ряд правовых положений, регулирующих правоотношения, возникающие при использовании этих платежных средств. Конвенция определяет международный вексель на основании следующих составляющих: во-первых, названия документа, во-вторых, места совершения конкретного вексельного действия, в-третьих, содержания вексельного документа. В свою очередь местом совершения вексельного действия выступают действия, совершенные в двух и более государствах, а именно в: месте выставления векселя, месте, указанном рядом с подписью векселедателя, месте, указанном рядом с наименованием плательщика, месте, указанном рядом с наименованием получателя, месте платежа, при том условии, что место выставления векселя, либо место платежа названо в векселе и что такое место находится в одном из стран-участниц Конвенции [4, с. 83–84]. Также Конвенция применяется, если стороны используют для расчетов особую форму оборотного документа, содержа-

щего указание, что этот документ подчиняется правилам Конвенции ЮНСИТРАЛ [5, с. 346].

На основании статьи 3 Конвенции определяется, что простой и переводной вексель должен быть письменным документом, обладающим четырьмя обязательными составляющими. Общим выступает то, что оба векселя, во-первых, должны быть датированы, во-вторых, подписаны векселедателем, в-третьих, подлежат оплате в определенный в документе срок или по его предъявлении. Отличие состоит в том, что переводной вексель обязан содержать безусловный приказ, а простой обязан содержать безусловное обязательство векселедателя уплатить определенную денежную сумму получателю или по его приказу [1]. Если в векселе срок платежа либо не указан, либо указано, что он оплачивается по предъявлении или по требованию, то вексель будет рассматриваться в качестве подлежащего оплате по предъявлении.

Как говорилось выше, задача Комиссии ЮНСИТРАЛ при написании этой Конвенции заключалась в том, чтобы преодолеть основные различия и существующую правовую неопределенность в отношении платежных средств, использующихся в современных условиях для международных расчетов и заключить в Конвенции и её положениях компромисс между женевской и англосаксонской системами вексельного права.

В Конвенции ООН о международных переводных векселях и международных простых векселях 1988 г. присутствует достаточное количество норм, отличающихся от традиционного подхода вексельного права, как со стороны стран англосаксонской системы, так и со стороны стран континентальной системы вексельного права, в связи с этим данная Конвенция не приобрела пока должного уровня популярности среди государств. Например, по отношению к реквизитам векселя в англосаксонской системе права название документа, включающее в себя термин «вексель», не выступает обязательным реквизитом, а по Женевским конвенциям именование документа «векселем» является основополагающим.

Таким образом, Роль Комиссии ЮНСИТРАЛ в сфере регулирования международных векселей состоит в подготовке проекта Конвенции, которая включает в себя нормы, являющиеся компромиссом между двумя системами вексельного права, а в случаях возникно-

вения противоречий англосаксонской и континентальной систем выбор или компромисс между расходящимися нормами основывается на уже имеющихся доказательствах существующей торговой практики и потребностей, нормы о которых включены в Конвенцию о международных переводных векселях и международных простых векселях.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных переводных векселях и международных простых векселях 1988 года. — Текст: электронный // — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ int_bills_of_exchange.shtml (дата обращения: 21.01.2021).
2. *Губаревич А.В.* Международное регулирование векселей: Материалы XVIII(65) Региональной научно-практической конференции преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Гл. ред. А.П. Солодков. — Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2013. — 590 с.
3. *Максимкин Я.А.* Проблемы международной унификации вексельного права на примере Конвенции ООН «О международных переводных векселях и международных простых векселях» 1988 года: Сб. тезисов докладов 74-й итоговой конференции СНО. — Самара: ООО «Офорт», 2006. — 387 с.
4. *Шамраев А.В.* Правовое регулирование международных банковских сделок и сделок на международных финансовых рынках. — М.: КноРус, 2009. — 160 с.
5. *Никифоров В.А.* Комиссия ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) и унификация права международной торговли // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2008. — № 6.

Советкина Мария Сергеевна,
студент Юридического факультета
им. М. М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Запрет определенных действий – новая мера пресечения в Российском уголовном судопроизводстве

Аннотация: *Данная работа отображает краткий обзор новой меры пресечения — запрет определенных действий. Дается анализ значения, основных ограничений, порядок осуществления, а также делается обобщающий вывод о данной форме принуждения.*

Ключевые слова: *запрет определенных действий, система мер пресечения, уголовно-процессуальное принуждение.*

Maria Sergeevna Sovetkina,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Prohibition of certain actions – new preventive measure in russian criminal proceedings

Abstract: *This work shows a brief overview of the new measure of restraint — the prohibition of certain actions. The author analyzes the meaning, the main restrictions, the order of implementation, and makes a generalizing conclusion about this form of coercion.*

Keywords: *prohibition of certain actions, system of preventive measures, criminal procedural compulsion.*

Уголовное судопроизводство взаимосвязано с различными принуждениями, без которых воплощение в реальность его назначения затруднительна. Меры пресечения, являясь одним из наиболее важных мер принудительного характера, обеспечивают устойчивость и организованность уголовному судопроизводству [1].

В связи с этим возникает интерес в изучении новшеств в системе мер пресечения, ее оптимизации. Небезызвестно, что со времени вступления в действие Уголовно-процессуального кодекса РФ данная система не подвергалась изменениям. Но с происходящими преобразованиями в государстве и общественных отношениях внесение законодательных корректив в систему мер пресечения было неизбежно. Вследствие чего Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» в УПК РФ была введена ст. 105, и в систему мер пресечения добавлена новая мера — запрет определенных действий. Публикация посвящена изучению такой формы принуждения, как запрет определенных действий.

Актуальность исследования темы заключается в демократизации уголовно-процессуального законодательства с введением запрета определенных действий в систему мер пресечения, а также в практической неэффективности иных мер принуждения. Интересно, что данная форма принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве привела к множеству дискуссий среди ученых (вопросы дополнения в перечень ограничений, схожесть с иными мерами пресечения, а также применение на практике).

Запрет определённых действий — это самостоятельная мера пресечения, не сводящаяся к полной оторванности человека от общества, она заключается в возложении на подозреваемого или обвиняемого определенных обязанностей, и назначается в связи с ненадлежащим поведением, сведениями о личности, а также с другими обстоятельствами.

Значение запрета определенных действий как новой меры пресечения, заключается в проблеме безопасного участия граждан в судебном разбирательстве, защите прав и законных интересов участников уголовного процесса. К тому же, данная мера более приемлема при уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), так как при этом минимизируется негативное воздействие, в условиях заключения под стражу. Однако в данном случае есть мнения о замене некоторых ограничений.

Вместе с тем, важно отметить тенденцию низкой практической востребованности таких мер пресечения, как залог и домашний арест, имеющие значительные дефекты (неконкретность предписаний, неопределенность в отношении способов контроля за соблюдением обвиняемым отдельных ограничений, запретов и др.).

Законодателями была выявлена потребность в создании более гибкой меры пресечения, по сути это можно назвать «золотой серединой» в сравнении с иными ранее назначаемыми судом мерами, значительно ограничивающими права, свободы и личную неприкосновенность человека и гражданина, не соответствующие характеру и степени общественной опасности преступления.

К тому же, отмечается политика укрепления малого и среднего бизнеса в Российской Федерации. В связи с этим, естественно полагать, что домашний арест лишит возможности осуществления хозяйственной деятельности, в отличие от запрета определенных действий, который ограничит только определенные виды деятельности.

Плюс ко всему можно выделить цель новой меры пресечения, которая заключается в беспрепятственном осуществлении уголовного судопроизводства, воспрепятствовании уклонению обвиняемого от дознания, предварительного следствия, уничтожению доказательств, а также в обеспечении баланса эффективности уголовного судопроизводства.

Впервые введенная законодателем новая мера пресечения как самостоятельное средство уголовно-процессуального принуждения была применена Басманным судом города Москвы в мае 2018 года в отношении директора ООО «Магистраль Телеком» Синицына П., обвиняемого в хищении 644 млн рублей, выделенных на развитие транспортной инфраструктуры Москвы. Установленные судом ограничения заключались в запрете обвиняемому выходить за пределы дома, общаться с другими лицами, кроме близких родственников, а также использовать средства связи и Интернет. Сейчас судьи, решая вопрос об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий, могут не тревожиться на счет того, что оставленный на свободе обвиняемый (подозреваемый) скроется от следствия. Находясь вне полной оторванности от общества, этот участник уголовного судопроизводства ограничивается запретами, соблюдение которых контролируется электронными средствами слежения [2].

Порядок избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий состоит в следующем:

1) следователь возбуждает перед судом соответствующее ходатайство и готовит документы, его обосновывающие;

2) получение согласия на обращение в суд;

3) рассмотрение заявленного ходатайства в суд;

4) исполнение меры пресечения (направление решения суда, контроль за соблюдением запретов обвиняемым).

Суть запрета определенных действий заключается в возложении на подозреваемого (обвиняемого) определенных обязанностей: своевременно являться по вызовам лица или органа, ведущего производство по уголовному делу; соблюдать один или несколько запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ; а также в установлении контроля за соблюдением запретов, возложенных на подозреваемого, обвиняемого [3]. Но последнее положение трудно отнести к сущности меры пресечения, так как контроль за исполнением меры является частью процессуального порядка ее применения, обязанностью государственных органов, поэтому данные указания не являются необходимыми.

Частью 6 ст. 105.1 УПК РФ предусмотрена возможность наложения следующих запретов на обвиняемого (подозреваемого):

1) выходить в определенное время за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

2) находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до установленных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

3) общаться с определенными лицами;

4) отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

5) использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет;

6) управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

Отметим, что некоторые запреты, налагаемые новой мерой пресечения, похожи на запреты, налагаемые мерой пресечения в виде домашнего ареста (запрет общения с определенными лицами, отправление и получение почтово-телеграфных отправлений, использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет). Но есть правоограничения, присущие только запрету определенных действий: находиться в определенных местах на определенном расстоянии, участвовать в мероприятиях; управлять транспортным средством.

Таким образом, практика применения запрета определённых действий еще мала, но наблюдаются тенденции широкого применения данной меры пресечения.

Литература

1. *Петрова Г.Б.* Запрет определенных действий: правовая природа и особенности применения / Г.Б. Петрова, М.А. Лавнов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2018. — № 6. — С. 176–184.
2. *Босак Е.Е.* К Вопросу о контроле за исполнением меры пресечения в виде запрета определенных действий / Е.Е. Босак, А.В. Осколков // Функционирование учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы: сборник трудов конференции. — Псков, 2018. — С. 20–24.
3. *Новикова Е.А.* Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном судопроизводстве / Е.А. Новикова, Е.А. Черкасова, Е.В. Лакеева // Социально-политические науки. — 2018. — № 3. С. 165–167.

Сысоева Надежда Николаевна,
курсант Факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Киберсталкинг как угроза социализации и психического здоровья подростков

Аннотация: *Автором в своем исследовании затронуты и раскрыты наиболее актуальные вопросы, связанные с предупреждением и пресечением киберсталкинга среди несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Рассмотрены основные паттерны, определяющие киберсталкинг как современную форму противоправного поведения в интернет-пространстве; проработаны и предложены пути по совершенствованию действующего административного и уголовного законодательства в сфере противодействия киберсталкингу.*

Ключевые слова: *кибербуллинг, киберсталкинг, дистресс, общество, безопасность, предупреждение преступности, насилие, защита граждан.*

Nadezhda Nikolaevna Sysoeva*,*
cadet Faculty of Training of police officers for public Order Protection units,
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikot

Cyberstalking as a threat to the socialization and mental health of adolescents

Abstract: *The author, in his research, touches upon and discloses the most pressing issues related to the prevention and suppression of cyberstalking among minors on the information and telecommunications network Internet. The main patterns defining cyberstalking as a modern form of illegal behavior in the Internet space are considered; developed and proposed ways to improve the current administrative and criminal legislation in the field of countering cyberstalking.*

Keywords: *cyberbullying, cyberstalking, distress, society, security, crime prevention, violence, protection of citizens.*

Информационно-коммуникационная сеть Интернет является наиболее доступным средством не только для получения необходимой информации или обучения, но и для совершения противоправных действий.

В последнее время одним из наиболее распространенных правонарушений, оказывающих существенное влияние на психическое здоровье подростков, выступает киберсталкинг. Феномены кибербуллинга и киберсталкинга вот уже многие годы являются пред-

метом исследований, проводимых отечественными и зарубежными криминологами.

Рассмотрим подробнее общественную опасность и противоправность указанных действий.

При кибербуллинге основное внимание правонарушителей сосредотачивается на осуществлении фактического давления на потенциальную жертву. При этом указанное давление может выражаться как прямо, так и косвенно в устной, письменной форме или конклюдентно (путем осуществления демонстрации или использования различных фото-, видеоматериалов). Зачастую подобные противоправные действия в виртуальном пространстве могут сопровождаться действиями шуточно-уничижительного характера (например, «пранк», «троллинг»), в том числе и с распространением соответствующих аудиоматериалов в широком доступе.

Осуществляя противоправные действия, правонарушитель может запугивать жертву, угрожать ей, преследуя тем самым собственные низменные, корыстные цели, или реализуя патологическое стремление к всеобщему вниманию.

Киберсталкинг, в свою очередь, представляет собой преследование какого-либо лица в интернет-пространстве и других информационно-телекоммуникационных сетях.

Киберсталкинг сопровождается сбором информации о жертве посредством использования доступных правонарушителю информационно-поисковых систем, нелегального программного обеспечения (в т.ч. посредством хакер-атак, фишинга), с последующим привлечением внимания интернет-пользователей, сообществ к личности потерпевшего лица, интерпретируя полученные личные сведения о нем в негативном ключе. Одним из распространенных способов киберсталкинга является фактическое унижение жертвы в сети Интернет путем форсированного распространения информации о ней через различные чаты, форумы, блоги, топики, интернет-страницы, социальные сети и медиаресурсы (например, TikTok, Likee). Проявления подобного вида сталкинга включают в себя различные виды угроз и имеют своей целью довести жертву до истощения от нервного перенапряжения, а, иногда, и до возможного самоубийства.

Особую «популярность» данное явление приобрело среди несовершеннолетних. В настоящее время жертвой киберсталкинга может

стать любой подросток, активно пользующийся техническими ресурсами и современными средствами обмена информацией и связи.

При осуществлении киберпреследования правонарушителем используется абсолютно любой повод, даже надуманный. При этом среди несовершеннолетних правонарушителей какой-либо повод может и вовсе отсутствовать. Нередко кибербуллинг и киберсталкинг используются подростками для сведения счета с кем-либо в ситуации ревности (девушки «не поделили» молодого человека), зависти (жертва более успешна в учебе или материально благополучна), в качестве способа наказать, отыграться, показать свою значимость, величие и одновременно безнаказанность.

По данным ВОЗ, ежегодно социальным преследованиям в России (в т.ч. и в киберпространстве) подвергаются до 20% детей в возрасте от 10 до 12 лет, 19% — от 13 до 14 лет, 13% подростков от 15 до 18 лет [1].

Особую опасность представляет то, что киберсталкинг является латентным противоправным поведением, т.к. вычислить правонарушителя (группу правонарушителей) в сети Интернет бывает крайне трудно. Дополнительные сложности в идентификации указанного правонарушения связаны и с тем, что действующая система единого учета преступлений не подразумевает индикаторов, позволяющих однозначно идентифицировать киберсталкинг.

Статистика киберсталкинга в молодежной среде фактически включена в общую статистику правонарушений, совершенных несовершеннолетними, либо с их участием. Кроме того, данные подобной статистики не отображают в полной мере как возрастные, так и гендерные особенности правонарушителей или жертв противоправного преследования.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации [2], за последние три года отмечается спад подростковой преступности.

Указанный процесс связывают с расширением полномочий правоохранительных органов по предупреждению и пресечению преступлений в подростковой среде.

Так, в 2018 году количество совершенных несовершеннолетними преступлений составляло 40 860 (7,5%). Возрастные показатели преступности также заметно сократились — среди несовершеннолетних, достигших возраста 14–15 лет, они составили 13 169, а в возрастной группе 16–17 лет — 23 580 преступлений.

В 2019 году уровень преступности среди несовершеннолетних продолжил свое снижение и составил 37 953 преступления (7,3%). Количество преступлений, совершенных подростками в возрасте 14–15 лет, сократилось до 12 215, а 16–17 лет — упало до 21 892.

Общее снижение показателей криминологической статистики наблюдается и в 2020 году. Так, в 2020 году данный показатель составил 29 763 факта совершения противоправных действий несовершеннолетними (-11,3% к показателям 2019 года).

Среди противоправного поведения несовершеннолетних выделяется хулиганство, кражи и насильственные преступления (побои, причинение вреда здоровью различной степени тяжести) и противоправное поведение в сети.

Можно отметить, наиболее подверженным противоправному поведению продолжает оставаться возрастная группа 15-17 лет, при этом значительную долю (16%) составляет и противоправное поведение подростков 14 лет и младше.

Однако определить, относится ли противоправное поведение, обозначенное правовой статистикой к сталкингу, совершенному в интернет-среде, практически невозможно.

Проблема в определении указанных параметров кроется в недостаточном информационно-аналитическом сопровождении при осуществлении предварительного расследования.

Так, положения и порядок единого учета преступлений определяются совместным Приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 39/1070 «О едином учете преступлений».

В соответствии с требованиями указанного приказа правовая статистика, используемая в информационно-аналитическом сопровождении правоохранительных органов, строится на основе статистических карточек.

Каждая статистическая карточка содержит в себе индикаторы, необходимые для формирования информационных сведений о противоправном поведении лица, социальных, возрастных и гендерных особенностях правонарушителя, сведения о потерпевшем, объекте и предметах преступного посягательства, ходе расследования, особенностях места и характера совершенного преступления.

Наиболее важными с позиции правовой статистики являются карточки форм №№1, 2, 4 и 5. В каждую карточку необходимые сведения заносятся лицом, производящим расследование, посредством внесения отдельных сведений путем символьно-цифровых обозначений (кодов), соответствующих различным позициям.

Анализ формуляров статистического учета показал, что в карточке формы 1 на возбужденное уголовное дело, формы 2 — на лицо, подозреваемое в совершении преступления, и форме 5 — на потерпевшего, отсутствуют индикаторы, позволяющие интерпретировать преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних посредством психологического давления или активных противоправных действий, связанных со сталкингом в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Изложенные обстоятельства не позволяют судить об истинном положении дел по распространению киберсталкинга и его масштабах.

В целях оптимизации деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению указанного противоправного поведения в подростковой среде, его изучению и информационно-аналитическому сопровождению киберсталкинга, предлагаем подробнее остановиться на его противоправной природе.

Основным проявлением киберсталкинга является активное психологическое влияние на человека, которое по характеру воздействия, оказываемого на потерпевшего, безусловно, может расцениваться, как насилие [3; с. 34].

Нередко бывают случаи, когда психическое насилие при киберсталкинге может привести к серьёзным последствиям для ментального здоровья потерпевшего. Жертва насилия становится замкнутой, проявляет сложности в социализации, общении, резко меняет сферу интересов, нередко погружается в виртуальную среду, в т.ч. и начинает интересоваться запрещенным или специфическим контентом (пропагандирующим насилие, радикальные религиозные воззрения, суициды и пр.). Иногда изменения в поведении несовершеннолетней жертвы заметить трудно, что может быть обусловлено трудностями в социализации подростка, боязнью выразить недовольство и нарекания со стороны родителей, быть неверно понятыми или презираемыми окружающими и обществом.

С развитием современных информационных технологий анонимного пользователя-сталкера (или пользователей) в сети вычислить стало гораздо проще, однако каких-либо реальных правовых последствий в большинстве случаев для виновных лиц не наступает — в основном из-за возраста правонарушителей (максимум — постановка на профилактический учет в подразделениях по делам несовершеннолетних за совершение антиобщественных действий сроком на один год) или отсутствия видимых общественно-опасных последствий (в 70% случаев при обращении жертв киберсталкинга в правоохранительные органы, при отсутствии тяжких последствий указанных действий, в возбуждении уголовного дела отказывается за отсутствием состава или события преступления).

При этом не секрет, что потерпевшие, особенно подростки, очень тяжело переживают киберсталкинг, когда публикации в открытом доступе начинают активно обсуждать, из-за чего у жертвы киберсталкинга может развиться вполне психофизиологическая, а не виртуальная (гипотетическая) мания преследования.

Киберсталкинг в условиях тотальной глобализации стал приобретать массовый характер. Киберсталкеры с целью систематического поиска и унижения своих потенциальных жертв объединяются в референтные группы, а порой и контекстные сообщества. Идентификация членов подобных групп и сообществ в многопользовательском режиме существенно затруднена, т.к. требует значительных временных и ресурсных затрат, в результате чего указанные объединения начинают приобретать статус устоявшихся, а явление — статус субкультуры.

В заключение необходимо выделить несколько путей решения обозначенных проблем.

Во-первых, самая действенная помощь для подростка в случае киберсталкинга — это разговоры со взрослыми. Родителям необходимо больше внимания уделять ребенку, понимать, в каком состоянии он находится и как именно он взаимодействует со сверстниками посредством сети Интернет. Это касается не только родителей (законных представителей), но также и педагогов-психологов, работников образовательных учреждений, сотрудников правоохранительных органов и иных субъектов профилактики.

Во-вторых, целесообразно ввести отдельный вид юридической ответственности за киберсталкинг, а именно:

1) выделить новый вид административно-правовых норм, предусматривающих административную ответственность за «унижение человеческого достоинства, выразившееся в преследовании потерпевшего в сети Интернет», которую отнести к группе правонарушений, посягающих на общественный порядок, выделив особым составом, введя статью 13.36.1 в КоАП РФ. В качестве квалифицирующего признака обозначить ответственность за «совершение указанных действий в отношении несовершеннолетних».

2) действующий УК РФ дополнить статьей 110.3 «Склонение к самоубийству, если эти действия сопряжены с унижением человеческого достоинства, выразившимися в преследовании потерпевшего в сети Интернет», выделив в качестве отдельных признаков: «повторное совершение административного правонарушения, выразившегося в унижении человеческого достоинства, посредством преследования потерпевшего в сети Интернет в течение срока, когда лицо считалось подвергнутым административному наказанию», «совершение указанных действий в отношении несовершеннолетнего, чей возраст известен или очевиден виновному» и «преступление, совершенное в группе лиц, группе лиц по предварительному сговору или организованной группу» (данное решение небезосновательно, т.к. направлено на борьбу с «сообществами киберсталкеров», одной из целей которых является пропаганда взглядов и продвижение идеологии киберсталкерства как одного из видов девиантных субкультур в современном обществе). Составы по конструкции материальной стороны предлагаем считать формальными;

3) внести изменения в Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 39/1070 «О едином учете преступлений», в части заполнения и представления учетных документов (статистических карточек) новыми способами совершенного преступления (справочник 12), введя в него объективные и субъективные элементы, характеризующие киберсталкинг, в числе которых индикаторы «преследование в информационно-телекоммуникационной сети», «психологическое насилие в отношении потерпевшего», отягчающие признаки — «совершенное лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за унижение человеческого достоинства, выразившееся в преследовании потерпевшего в сети Интернет»,

«киберсталкинг, совершенный в составе группы лиц, организованной группы», «киберсталкинг, повлекший дополнительные негативные последствия; смерть потерпевшего», «киберсталкинг, совершенный виновным лицом в отношении заведомо несовершеннолетнего», «киберсталкинг, совершенный несовершеннолетним, не достигшим возраста уголовной ответственности».

Общественная опасность киберсталкинга в условиях цифровизации общественных отношений реальна как никогда, и необходимость поиска оптимальных путей его предупреждения является одной из первоочередных задач современного законодательства.

Своевременное пресечения подобных проявлений позволит осуществлять профилактику подростковых суицидов и существенно снизить уровень противоправного поведения в сети Интернет.

Литература

1. Издевательства среди детей: что такое буллинг и почему он опасен для ребенка. — Текст: электронный // — URL: https://news.yellmed.ru/deti/ izdevatelstva-sredi-detey-chto-takoe-bulling-i-pochemu-on-mozhet-byt-opasen-dlya-rebenka (дата обращения: 15.10.2020).
2. Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf (дата обращения: 15.10.2020).
3. *Вихляев А.А.* О некоторых проблемах, возникающих при выявлении и пресечении правонарушений, совершаемых несовершеннолетними // Актуальные вопросы административной деятельности полиции: Сборник научных трудов. — М., 2019. — С. 30–36.

Тимофеева Виктория Владиславовна,
студент Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина

Основные направления политики России по реализации своих национальных интересов в Арктике

Аннотация: *В статье рассматриваются основные направления политики Российской Федерации по реализации национальных интересов и приоритетов в Арктике с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Анализируются ключевые нормативно-правовые акты в данной области и их взаимосвязь.*

Ключевые слова: *Арктическая зона, национальная арктическая политика, национальные интересы России, арктическая стратегия России.*

Viktoriya Vladislavovna Timofeeva,
student of the O.E. Kutafin Moscow State Law University

Main directions of Russian policy on implementing its national interests in the Arctic

Abstract: *The article is devoted to the main directions of the policy of the Russian Federation on the implementation of national interests and priorities in the Arctic in terms of national security. It also analyzes the key normative legal acts in this area and their interrelation.*

Keywords: *Arctic zone, national Arctic policy, national interests of Russia, Arctic strategy of Russia.*

В 2014 году Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин определил Арктику как зону традиционных российских интересов, в которой сосредоточены все аспекты национальной безопасности: военные, политические, экономические, технологические, экологические и ресурсные [1]. Подобный интерес к Арктической зоне в первую очередь объясняется экономическими факторами. Так, основу российской экономики составляет энергетика, что делает месторождения природного газа и нефти, расположенные в Арктике, необходимыми для развития данного сектора, а богатство биологических ресурсов в этом районе влияет на устойчивость российской рыбной промышленности.

Однако главная ценность этих ресурсов, помимо безопасности их добычи, объясняется тем, что в условиях имеющейся тенденции

снижения ресурсной обеспеченности стран, Арктика становится ключевым регионом мира, за который будет бороться любое государство, чтобы обеспечить себе независимость.

Кроме того, обладая достаточными ресурсами и независимостью, страна полностью гарантирует себе экономическую безопасность. Становится актуальным и вопрос об использовании Северного морского пути как самого безопасного и короткого, позволяющего в связи с таянием ледников избежать тех высоких издержек, которые испытывает Россия при использовании Южного морского пути. Соответственно, наблюдается возможность развития морской торговли.

Также освоение Арктической зоны предполагает строительство нефтедобывающих, нефтеперерабатывающих, газоперерабатывающих заводов, развитие портовой инфраструктуры. Следовательно, стратегия предусматривает создание в Российской Арктике тысячи новых рабочих мест, что особенно актуально в условиях растущего мирового экономического кризиса.

С другой стороны, регион имеет стратегическое значение, апеллирующее к военным и оборонным интересам России.

Во-первых — это стратегическая безопасность. Арктика является северной «короной», завладение которой позволит странам-конкурентам взять под контроль всю основную часть РФ, пользуясь огромной береговой линией Северного Ледовитого океана.

Во-вторых, Арктика играет значительную роль в обеспечении национальной безопасности, поскольку имеется угроза запуска ракет из США в сторону России через этот северный регион в случае вооруженного столкновения. Данная угроза связана с тем, что наиболее короткое расстояние между границами России и США пролегает именно через Арктику, позволяя долетать ракетам в несколько раз быстрее, чем через Тихий океан или же когда они будут огибать всю Европу и Атлантику.

В-третьих — это стратегический тыл, где Россия имеет возможность разместить огромное количество подводных лодок, крейсеров, наземных боевых кораблей, превращая Арктическую зону в место сосредоточения будущего океанского флота, являющегося в том числе частью триады сдерживания агрессии любого противника. Более того — это единственное место, где Россия обладает свободой маневра, что также не даёт реализовать американцам две свои концепции:

концепцию глобального удара и план «Анаконды», предполагающий ныне постепенное сжимание петли на всем пространстве бывшего Советского Союза.

Помимо прочего, Арктическая зона стала объектом территориальных, ресурсных и военно-стратегических интересов сразу нескольких стран (в частности Швеции, Германии, США и Китая), что в перспективе может привести к эскалации конфликтных настроений в данном регионе.

Так, за последние десять лет Россия постепенно и существенно наращивала свой военный потенциал в Арктике, создавая специальное командование, переоснащая уже существующие военные базы, заброшенные после распада Советского Союза, создавая новые базы, в том числе на Новосибирском архипелаге и на острове Врангеля у побережья Восточной Сибири, укрепляя престиж Северного флота ВМФ России, который контролирует операции и оборону в регионе.

Вместе с тем была перестроена взлетно-посадочная полоса на архипелаге Новая Земля, способная принимать современные истребители, одновременно обеспечивая ее противовоздушной защитой. Помимо реконструированных военных баз, Российская Армия оснащена современным электронным щитом. Средства радиоэлектронной борьбы могут создавать помехи системам связи, навигации и управления кораблей, подводных лодок и самолетов, незаконно пересекающих границу. Через эту систему Россия обеспечивает контроль над Северным морским путем.

Тем не менее, военно-морской флот остается проигравшим в новом бюджетном программировании, поскольку предоставленных средств недостаточно для восстановления часто ветшающих зданий и поддержки сектора судостроения.

В 2019 году произошло три инцидента — сначала взрыв на борту атомной подводной лодки, затем взрыв атомной ракеты «Буревестник» и взрыв на одной из площадок «Росатома» недалеко от города Архангельск [2], подтвердившие отсутствие финансирования для многих арктических инфраструктур и наличие часто недооцениваемых рисков безопасности.

В 2019 году Вооруженные силы России по плану стратегических учений «Центр» провели ряд мероприятий и в Арктике, в ходе которых соответствующие российские силы должны были продемонстри-

ровать свою способность к отмобилизованию в районе архипелагов Новая Земля и Земля Франца-Иосифа, расположенных всего в 900 километрах от Северного полюса.

Таким образом, растущая в последние годы военная активность России в Арктике свидетельствует о том, что практически заброшенный регион, расположенный вдали от конфликтных сценариев Восточной Европы, где Запад и Москва улаживают свои разногласия, может стать в недалеком будущем новым поводом для очередной Холодной войны.

В октябре этого года В.В. Путин утвердил «Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [3] (далее — «Стратегия развития»). Этот программный документ является одним из нескольких ключевых документов стратегического планирования в отношении Арктического региона, инициированных руководством России в период с 2014 по 2020 год.

По сути, есть три политических документа, которые необходимо рассматривать во взаимосвязи при выстраивании арктической стратегии России. Так, «Стратегия развития» является продолжением подписанного ранее в марте Указа «Об основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [4], где подробно освещаются вышеупомянутые интересы и арктическая повестка в целом. И в 2014 году была утверждена Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [5] как план реализации соответствующих целей.

В свою очередь «Стратегия развития» очерчивает механизмы, в рамках которых должны быть реализованы планы указа и государственной программы в регионе. Его публикацией завершается работа над обновленным планом России по Арктике.

Утвержденная Стратегия развития Арктической зоны России определяет роль региона в социально-экономическом развитии страны и национальной безопасности. В ней определены цели и задачи развития Арктической зоны, этапы их реализации, ожидаемые результаты, а также основные механизмы реализации стратегии. Среди её целей — комплексное развитие инфраструктуры морских портов, судоходных маршрутов в акваториях Северного морского пути, Баренцева, Белого и Печорского морей.

В программном документе упоминается ряд существенных угроз и вызовов, создающих риски для развития Арктической зоны, в том числе интенсивное потепление климата, снижение естественного прироста и миграции населения, ограниченный доступ к государственным услугам, повышенный риск заболеваний. Из чего следует, что большинство проблем, связанных с освоением российской Арктики, носят действительно внутренний характер.

Исходя из анализа данных документов можно выделить следующие фундаментальные аспекты политики России по укреплению суверенитета в Арктике:

1. Юрисдикция над Северным морским путем. В этой связи стоит упомянуть План развития инфраструктуры Северного морского пути (СМП) до 2035 года [6], утверждённый Правительством РФ в 2019 году. Он включает 84 соответствующих мероприятия, осуществление которых в большинстве своем возлагается на Государственную корпорацию по атомной энергии «Росатом», Государственную корпорацию по космической деятельности «Роскосмос», Федеральное агентство морского и речного транспорта (Росморречфлот).

По данным «Росатома», бюджет этого плана составит порядка 737 700,35 млн рублей. В связи с этим планом строительства инфраструктуры и для увеличения товарооборота был принят Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», значительно снижающий налогообложение деятельности по разработке ресурсов в Арктике в целях стимулирования добывающей деятельности.

Вместе с тем на экономическом уровне российские амбиции сталкиваются с факторами, не зависящими от простой политической воли, такими как международный контекст санкций и мировые цены на сырье. Так обстоит и дело с проектом по превращению 6000 километров Северного морского пути в международный морской путь. Официальные прогнозы движения перевозок на 2024 год (в основном уголь, нефть, СПГ и различные полезные ископаемые) по Северному морскому пути, вероятно, слишком оптимистичны.

Это одна из основных слабых сторон российских интересов в отношении Северного пути: Государственная арктическая программа на 2025 год предусматривает расходы в размере 900 млрд рублей, из которых треть должна финансироваться государственными органами,

однако оставшиеся две трети вряд ли будут полностью покрыты российским частным сектором, не говоря уже о иностранном капитале.

2. Продление исключительной экономической зоны на основе непрерывности континентального шельфа для разработки ресурсов за пределами 200 миль. Расширение Арктической зоны России предоставило бы право на разработку огромных живых и минеральных ресурсов, которые там находятся. Такая возможность, наряду с использованием Северного морского пути для транспортировки нефти и газа в Китай, укрепила бы место России в борьбе за мировое лидерство в экспорте нефти, где на данный момент сохраняют своё превосходство Саудовская Аравия и США, применяющая метод гидроразрыва пласта.

3. Найти справедливый баланс интересов с Китайской Народной Республикой, где Россией будет приветствоваться помощь Китая в области инвестиций, но при этом отвергаться их присутствие в сфере безопасности или институциональной роли.

Однако стоит понимать, что утилитарное виденье региона, рассматриваемого как ресурс, который нужно эксплуатировать, подразумевает человеческие и финансовые вложения, которые правительство в нынешних социальных и бюджетных условиях не может полностью взять на себя. Конечно, российская политика в последние годы добилась некоторого успеха, но при определенных обстоятельствах она должна уметь пересматривать свои амбиции в сторону уменьшения. Москва долгое время не скрывала своих сомнений в арктических интересах Пекина.

Так власти России, например, высказались против кандидатуры Китая, получившей в 2013 году статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете, не признав его самопровозглашенного статуса «государства около Арктики» [7].

В тоже время Кремль благосклонно приветствовал китайские инвестиции в крупные проекты на Ямале, несмотря на трудные переговоры. Китай, со своей стороны, хотел бы транспортировать часть своих минеральных ресурсов по Северному маршруту, чтобы избежать перегруженных и геополитически нестабильных южных проливов Ормуз и Малакка. Тем не менее, Китай неоднократно критиковал отсутствие портовой инфраструктуры и необходимость для Москвы более качественно обновлять свои порты и укреплять коммерческую

жизнеспособность маршрута, прежде чем открыться для мирового движения.

Россия также по-прежнему с подозрением относится к любой деятельности Китая, которая может подорвать ее собственные цели, например, к перспективе создания китайского ледокольного флота, который позволил бы Китаю избавиться от российских ледоколов и освободить его от действующих законов.

Подводя итог всему вышеизложенному, стоит заметить, что до кризиса на Украине наша страна проводила достаточно миролюбивую политику в регионе, однако в настоящее время, учитывая агрессивные заявления лидеров ведущих стран Запада, Россия взяла курс на милитаризацию региона с целью защиты своих национальных интересов в Арктике.

Литература

1. Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике. — Текст: электронный // Президент России [сайт]. — URL: http://kremlin.ru/events/president/news/20845 (дата обращения: 15.11.2020).
2. Взрыв на полигоне под Архангельском. — Текст: электронный // Информационное агентство «Интерфакс». — URL: https://www.interfax.ru/chronicle/vzryv-na-poligone-pod-arhangelskom.html (дата обращения: 15.11.2020).
3. О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 26 октября 2020 г. № 645 // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 44. — Ст. 6970. 02 ноября.
4. Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года: Указ Президента РФ от 05 марта 2020 г. № 164 // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 10. — Ст. 1317. 09. марта.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 (ред. от 31.03.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.11.2020).
6. Распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2019 № 3120-р «Об утверждении Плана развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 года» // Собр. законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 1 (часть II). — Ст. 1. 06января.
7. *Тренин Д.* Россия и Китай в Арктике: сотрудничество, соперничество и последствия для евразийской безопасности. — Текст: электронный // Московский центр Карнеги [сайт]. — URL: https://carnegie.ru/commentary/81384 (дата обращения: 15.11.2020).

Филипчук Анастасия Сергеевна
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Роль ЮНСИТРАЛ в регулировании трансграничной несостоятельности

Аннотация: *Целью статьи является рассмотрение вопроса о роли ЮНСИТРАЛ в регулировании трансграничной несостоятельности, а также проанализированы положения закона, касающиеся координации параллельных производств по делам о несостоятельности.*

Ключевые слова: *международное частное право, Типовой закон, несостоятельность, ЮНСИТРАЛ, параллельное производство.*

Anastasia Sergeevna Filipchuk,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

The role of uncitral on cross-border insolvency regulation

Abstract: *This research shows the consideration of the role of UNCITRAL in the regulation of cross — border insolvency, analysis of the law concerning in UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (law of the coordination of parallel insolvency proceedings).*

Keywords: *international private law, UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency, insolvency, parallel proceedings*

Актуальность исследования вопроса трансграничного банкротства (несостоятельности) обусловлена значительным расширением международной инвестиционной деятельности и международной торговли. В связи с этим проблемы, которые возникают из трансграничных банкротств, а также пути их решения представляют значительный интерес в области международного частного права.

Под термином «трансграничная несостоятельность» подразумевается такое правоотношение несостоятельности, которое осложнено иностранным элементом, а именно случаи, когда заинтересованная сторона в лице бенефициара — иностранное лицо; процедура банкротства или отдельные элементы подчинены иностранному праву; имущество принципала находится в другом государстве; производство по делу о банкротстве в отношение принципала началось за границей [1, с. 538].

В настоящее время нередко встречается ситуации, при которых физические и юридические лица имеют активы в нескольких иностранных государствах, что при банкротстве приводит к необходимости координации совместной деятельности с целью контроля за делами и активами несостоятельного должника. Для благоприятствования развития права международной торговли Комиссией ООН по праву международной торговли (далее — ЮНСИТРАЛ) как вспомогательным органом Генеральной Ассамблеи ООН 30 мая 1997 г. был разработан Типовой закон о трансграничной несостоятельности (далее — Типовой закон). Типовой закон выступает в роли одной из составляющих правового механизма регулирования института трансграничной несостоятельности [2, с. 66].

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1997 г. № 52/158 Типовой закон был рекомендован для инкорпорации в национальные законодательства. Стоит отметить, что Типовой закон не является общеобязательным к применению актом и может рассматриваться государствами как основа для собственной нормотворческой деятельности.

Типовой закон принимался ЮНСИТРАЛ для создания эффективных механизмов при рассмотрении в судах дел о трансграничных банкротствах. Целью принятия Типового закона являются:

— гармонизация законодательств стран в области иностранных инвестиций и торговли;

— создание механизмов сотрудничества между судебными и административными органами государств по делам о трансграничном банкротстве;

— создание механизмов защиты интересов для всех сторон по таким делам (в первую очередь это касается кредиторов и должника);

— предоставление должнику возможности защиты своих интересов, а кредитору — возможности увеличивать стоимость активов должника;

— защита инвестиций должника, если у него ухудшились финансовые показатели деятельности [3, с. 65].

Типовой закон помогает разрешать спорные ситуации, когда кредиторы находятся преимущественно в одной стране, а активы должника располагаются в других государствах. В остальных случаях Типовой закон регулирует вопросы правового сотрудничества

и информационного обмена по таким делам. Согласно Типовому закону, основным/главным производством по делам о трансграничном банкротстве является судебное дело в той стране, в которой у должника больше всего активов. Эта норма в совокупности с Положением о судебной помощи и о признании иностранных представителей даёт возможность утверждать, что в основе Типового закона лежит метод единства судебного производства. В то же время Типовой закон разрешает начинать параллельное производство остальным странам, куда инвестировал должник. Также стоит отметить положение о прямом доступе в суды по таким делам иностранным представителям без оформления дополнительных процессуальных документов по дипломатическим и иным каналам.

Таким образом, Типовой закон регулирует вопросы взаимодействия государств и его уполномоченных органов по процессуальным вопросам права [4].

В основе Типового закона лежат теории основного и вторичного производства (в Типовом законе оно именуется «неосновное»). Это истекает из приведенных терминов в статье 2 Типового закона. Глава 2 Типового Закона включает вопросы участия в производствах в других государствах иностранных представителей (статьи 9–14 Типового закона), а глава 5 Типового закона регулирует параллельное производство (статьи 28–32 Типового закона).

Вопросы сотрудничества между судами и представителями иностранных государств, а также вопросы процессуального характера комплексно регулируются Типовым законом. В Типовом законе также конкретно определен вопрос открытия неосновных и основного производств, что дает возможность в государствах, в которых правоведение основано на Типовом законе, оценивать возможное будущее производство по делу о трансграничной несостоятельности. Статья 27 Типового закона закрепляет формы сотрудничества, позволяющие судам эффективно и своевременно взаимодействовать с аналогичными органами в других иностранных государствах с целью оперативного производства по делу о трансграничном банкротстве [5, с. 158].

Следуя содержанию статей 16–17 Типового Закона, речь в которых идет не о конкретных итоговых решениях по производству, а именно о его признании, можно сделать вывод, рассматриваемый нор-

мативный акт направлен в основном на признание открытия производств по банкротству в иностранных юрисдикциях. Данный вопрос уже затрагивает Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производствами по делам о банкротстве 2018 года.

Концепция «центра основных интересов» используется в Типовом законе для определения ключевой юрисдикции. Идея заключается в том, что любой бизнес, который инвестирует в иностранные государства, имеет страну или несколько стран «основных интересов», где может случиться банкротство. Если закон такой страны предусматривает возможность истребования активов у банкротящегося бизнеса, иные юрисдикции также будут пытаться истребовать активы банкрота, начинать процедуры несостоятельности, пытаться переориентировать претензии кредиторов в основную юрисдикцию банкротящегося бизнеса. Предположительно, Типовой закон не предусматривает признания иных видов производств по делам о банкротстве, в частности такие производства, которые открываются в тех государствах, в которых располагаются только активы. Вместе с тем следует указать, что некоторые государства, которые приняли Типовой закон, дают дополнительные полномочия своим судам в целях оказания содействия иностранному производству (так, например, согласно статье 426 Закона о несостоятельности Соединенного Королевства 1986 года и раздела 8 Закона о (трансграничной) несостоятельности Новой Зеландии 2006 года).

Типовой закон исходит из принципа модифицированного универсализма. В нем иностранное производство рассматривается как «коллективное судебное или административное производство в иностранном государстве — включая временное производство, в соответствии с законом о несостоятельности, в котором активы и дела должника подлежать контролю или надзору со стороны иностранного суда в целях реорганизации или ликвидации». У Типового Закона есть и свои недостатки. Так, нет правового регулирования таких правовых институтов, как административное и конкурсное управление активами должника. Также отсутствует регулирование внесудебных способов реорганизации и реабилитации должника. И самое главное: несмотря на поставленную задачу гармонизации законодательств, Типовой Закон допускает возможность различия в законах различных стран о

банкротстве. Также стоит отметить, что в целом Типовой Закон направлен на защиту интересов преимущественно иностранных, а не внутренних кредиторов должника.

В Типовом законе не предусмотрены требования, которые касаются взаимности. Типовой Закон не дает ответ на вопрос взаимного признания иностранных судебных решений. Например, не будет признано легальным судебное решение в иностранном государстве, если суд, в котором рассматривалось основное производство о банкротстве, не предоставил правовую помощь суду из той страны, которая приняла Типовой Закон. Но следует отметить, что некоторые страны отдельно заключили соглашения о взаимном признании таких категорий дел со многими странами или внесли изменения в национальные законы, которые решают возникший пробел (например, такие страны, как Южная Африка, Уганда, Мексика, Румыния).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод, что ЮНСИТРАЛ, опубликовав Типовой закон на этапе значительного увеличения в 1990-х годах количества дел о трансграничном банкротстве, не только способствовал обеспечению эффективности организации производств при рассмотрении таких дел, но и заложил основу для нормативного правового регулирования вопросов трансграничного банкротства, найдя реальное воплощение в законодательстве ряда государств. В настоящее время законодательство на основе Типового закона принято в 48 государствах (51 правовой системе). Типовой закон оказывает помощь государствам в современной правовой базе, которая предлагает странам вариант законодательства о банкротстве. Целью Типового закона является не только способствование осуществления единообразия материальных правовых норм законодательства о несостоятельности, но и упрощение взаимодействия судебных систем разных государств, имеющих различия в своих процессуальных нормах [6, с. 57].

Считаю, что Российской Федерации необходимо урегулировать вопросы в области трансграничной несостоятельности. Отдельного внимания требует создание федерального закона на основе Типового закона, что будет способствовать регламентированию отношений между лицами, происходящими из различных государств, и между самими государствами. Необходимо более детально урегулировать отношения трансграничной несостоятельности в Гражданском ко-

дексе РФ, а именно, в разделе VI «Международное частное право» и определить право, подлежащее применению к отношениям трансграничной несостоятельности. Также в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», определить исключения из правила о взаимности и установить возможность, и условия открытия отдельного производства по делу о банкротстве, затрагивающее только находящееся внутри страны имущество иностранного должника.

Необходимо отметить, что Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли дает рекомендации всем государствам продолжать рассмотрение вопроса о включении в национальное законодательство Типового закона о трансграничной несостоятельности.

Литература

1. *Богуславский М.М.* Международное частное право // — М.: НОРМА, 2016. — 672 с.
2. *Калинина Н.В.* Значение региональной унификации норм о трансграничной несостоятельности // Российский Внешнеэкономический вестник. — 2008. — № 7.
3. *Калинина Н.В.* Типовой закон комиссии ООН по праву международной торговли о трансграничной несостоятельности: цели, история создания и сфера применения // Вестник Российского университета Дружбы Народов. — 2008. — № 4.
4. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency with Guide to Enactment and Interpretation. — Текст: электронный // — URL: http://docplayer.net/15623707-Uncitral-model-law-on-cross-border-insolvency-with-guide-to-enactment-and-interpretation.html (дата обращения: 21.01.21).
5. *Гайфуллина И.Р.* Проблемы Российского законодательства в сфере трансграничной несостоятельности // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2017. — № 1(17).
6. *Яровой Д.О.* Развитие трансграничного банкротства в рамках в рамках евразийского экономического союза (ЕАЭС) / Д.О. Яровой, Д.В. Гладков // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2019. — № 7(214).

Чернов Максим Леонидович,
аспирант Факультета национальной безопасности
ИПиНБ РАНХиГС

Позиция России по «курильскому вопросу»: политико-экономическое обоснование

Аннотация: *В статье рассматривается территориальный спор между Японией и Россией по поводу южных Курильских островов. Кратко анализируется правовая, военно-стратегическая и экономическая роль южных Курильских островов в обеспечении национальной безопасности России. Автор рассматривает актуальность данного вопроса, учитывая поправки к Конституции России, вступившие в силу 4 июля 2020 года и предлагает способ решения «Курильского вопроса» экономическим путем.*

Ключевые слова: *Курильские острова, территориальный спор, национальная безопасность, экономическая безопасность, правовая безопасность, военно-стратегическая безопасность, международные отношения, Конституция России, Россия, Япония.*

Maxim L. Chernov*,*
postgraduate student of the Faculty of National Security ILNS of RANEPA

Position of Russia on the «kuril issue»: political and economical reasoning

Abstract: *Present article examines the territorial dispute between Japan and Russia over the southern Kuril Islands. Current article proposes brief analysis of the legal, military, strategic and economic role of the southern Kuril Islands in ensuring the national security of Russia. The author considers the relevance of this issue, taking into account the amendments to the Constitution of Russia, which entered into force on July 4, 2020, and suggests a way to solve the «Kuril issue» by economic means.*

Keywords: *Kuril Islands, territorial dispute, national security, economic security, legal security, military security, strategic security, international relations, Constitution of Russia, Russia, Japan.*

В российско-японских двусторонних отношениях XXI века ключевую роль играет так называемый «Курильский вопрос» или Проблема государственной принадлежности южных Курильских островов. Данная проблема выражается в территориальном споре между Россией и Японией относительно островов Шикотан, Кунашир, Итуруп и гряды Хабомаи. Каждая из сторон предлагает варианты решения данного вопроса, сообразуясь со своими внешнеполитическими и

национальными интересами, при этом не придавая существенного значения интересам своего оппонента, в связи с чем процесс урегулирования данного вопроса находится в состоянии стагнации.

Основными аргументами России по решению «Курильского вопроса» являются:

1. Курильские острова являются законной, суверенной территорией России, полученной СССР в результате итогов Второй мировой войны и впоследствии — полученной Россией в результате правопреемства после распада СССР.

2. Российский суверенитет над южными Курильскими островами не подлежит оспариванию в соответствии с международно-правовыми нормами [1].

В то же время Японская сторона предлагает следующие принципиальные аргументы:

1. Южные Курильские острова являются исконной территорией Японии, находящейся под незаконной оккупацией России и подлежащей возврату Японии.

2. Для подписания договора об окончании Второй мировой войны и укрепления Российско-Японских отношений России необходимо передать южные Курильские острова Японии [2].

Таким образом, главным способом урегулирования данного спора и перехода к новому этапу Российско-Японских отношений Япония видит передачу южных Курильских островов под свою юрисдикцию. Однако Россия, сообразуясь со своими интересами, не имеет намерения передавать данные территории Японии.

В статье приводится разъяснение, почему позиция России в отношении данного вопроса является обоснованной и сообразующейся с национальными интересами, а также предлагается способ разрешения данного спора.

В соответствии с пунктом 4 статьи 2 Устава ООН, каждое государство имеет право на неприкосновенность своей территории и территориальную целостность [3]. В соответствии с данным международно-правовым принципом Россия осуществляет свой суверенитет над южными Курильскими островами на полностью законных основаниях.

Помимо этого, в соответствии с Меморандумом главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 от 29 января 1946 г. южные Курильские острова не являются

законной территорией Японии [4]. Следовательно, притязания Японии относительно данных островов являются необоснованными с правовой точки зрения.

Также в соответствии с Сан-Францисским мирным договором от 8 сентября 1951 года Япония отказалась от всех претензий на Курильские острова, приобретенные ею по Портсмутскому Договору от 5 сентября 1905 года [5].

При рассмотрении внутреннего законодательства России, имеющего отношение к данной тематике, можно утверждать, что в соответствии с пунктом 30 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года [6], обеспечение государственной и территориальной целостности является национальным интересом и стратегическим приоритетом России на долгосрочную перспективу. Следовательно, передача южных Курильских островов Японии будет противоречить данному правовому акту.

Примечательно, что в соответствии с поправками к Конституции России, вступившими в силу 4 июля 2020 года [7] в результате общенародного голосования, Россия закрепила в своем Основном Законе некоторые положения относительно суверенитета и территориальной целостности.

В частности, статья 67 Конституции была дополнена пунктом 2.1, провозглашающим факты того, что Россия обеспечивает защиту своего суверенитета и что действия, направленные на отчуждение части территории России, а также призывы к подобным действиям недопустимы. Из данного положения следует прямой вывод, что передача южных Курильских островов Японии будет противоречить Основному Закону России. Также в обновленную Конституцию России была введена статья 67.1, которая устанавливает факт правопреемства России от СССР относительно границ своей территории, а также факт правопреемства России относительно участия в международных договорах. Исходя из данного положения, можно утверждать, что, следуя раннее заключенным международным соглашениям, имеющим отношение к государственной принадлежности южных Курильских островов, Россия соблюдает положения своей Конституции и сохраняет как международную, так и свою внутригосударственную законность. Помимо данного положения, нововведенная статья 67.1 Конституции России содержит в себе пункт 2, устанавливающий факт

того, что Россия признает исторически сложившееся государственное единство своей территории. Опираясь на данный пункт, можно утверждать, что в случае передачи южных Курильских островов Японии, Россия нарушит данное положение своего Основного закона, тем самым опровергнет утверждение о том, что она признает свое государственное единство.

Таким образом, можно сделать вывод, что сохранение Россией суверенитета над Курильскими островами соответствует как международно-правовым нормам, так и внутренним правовым нормам России и, следовательно, укрепляет правовую стабильность в данном регионе.

Не менее важным аспектом данной проблемы является военно-стратегическое значение южных Курильских островов. Курильская гряда исполняет роль своеобразного «природного барьера», защищающего Охотское море. Курильские острова расположены таким образом, что они существенно затрудняют доступ иностранных судов, как гражданских, так и военных в Охотское море. Также южные Курильские острова, в частности острова Кунашир и Итуруп, являются удобным плацдармом для размещения на них вооруженных сил [8]. Следовательно, можно утверждать, что в случае передачи Россией Японии южных Курильских островов, на них незамедлительно начнется создание военной инфраструктуры, наращивание военного присутствия и потенциала как Японией, так и ее военно-политическими союзниками, в частности США, а также наращивание численности военно-морского флота перечисленных государств в Охотском море ввиду того, что доступ к морю будет существенно упрощен.

Опираясь на данные заключения, можно сделать вывод, что передача островов повлечет за собой эскалацию военной напряженности в данном регионе, так как в ответ на такие меры со стороны Японии и США Россия незамедлительно ответит увеличением численности и активности своих вооруженных сил в Дальневосточном регионе.

Вышеописанная модель развития ситуации, безусловно, полностью противоречит национальным интересам России, в связи с чем высшему руководству России необходимо принять все необходимые меры, чтобы не допустить подобной ситуации.

Рассматривая экономическое значение Курильских островов, можно представить следующие факты. Регион южных Курильских островов чрезвычайно богат как биологическими, так и ископаемыми

ресурсами [9, с. 106-124]. Говоря о морских биологических ресурсах, следует отметить, что общая биомасса обитающих в акватории Курильских островов промысловых морских биологических ресурсов (МБР) составляет более 6,3 млн т. В частности, в 2018 г. в Южно-Курильской зоне было выловлено более 248 тыс. т МБР [10]. Упоминая металлические полезные ископаемые, следует в первую очередь отметить одно из крупнейших в мире месторождений Рения, находящееся на о. Итуруп. В результате геологической разведки было выявлено, что данный металл присутствует на острове в объеме 2,7 тонн. Следует отметить, что Рений является чрезвычайно ценным металлом для таких областей промышленности, как авиастроение, приборостроение, ракетостроение и других [11]. Помимо Рения на островах Кунашир и Итуруп были разведаны месторождения рудного золота и серебра. Данные металлы также представляют большое значение для экономики России. Помимо металлических полезных ископаемых в Срединно-Курильском прогибе, простирающемся от Кунашира и Шикотана до острова Симушир, обнаружены крупные залежи нефтегазовых ресурсов. Согласно прогнозам, здесь залегает около 386 млн т условного топлива в соотношении нефть/газ (36/64%) [12].

Таким образом, южные Курильские острова представляют огромную ценность для экономического развития России и, в случае передачи данных островов Японии, Россия утратит возможность распоряжаться подавляющей частью всех вышеперечисленных ресурсов.

Подводя итог, можно утверждать, что «Курильский вопрос» имеет первостепенную важность как для Российско-Японских отношений, так и для экономической, политической, военно-стратегической и правовой безопасности России. Нет сомнений, что окончательное решение данного вопроса продвинет на новый уровень и укрепит отношения России и Японии, однако при решении данного вопроса Россия должна согласовываться со своими национальными интересами, установленными как Стратегией национальной безопасности России, так и обновленной Конституцией России, и не идти на территориальные уступки в отношении Японии.

В этой связи предлагается следующий способ решения данной проблемы: России следует предпринимать попытки предложения Японии не территориального, а экономического пути решения данного вопроса. В частности, можно пойти на определенный компромисс

и предложить японским правительственным и частным организациям осуществлять мирную экономическую деятельность на южных Курильских островах с предоставлением последним льготных условий, при этом сделав оговорки, что территориальная принадлежность островов остается неоспоримой и что повышение военной эскалации в данном регионе исключено.

Литература

1. Как Россия и Япония планируют решать Курильский вопрос. — Текст: электронный // — URL: https://www.amic.ru/voprosdnya/427923/
2. *Овсянников Е.А.* Влияние территориальных споров вокруг Курильских островов на российско-японские отношения. — Текст: электронный // — URL: https://sci-article.ru/stat.php?i=1550410654
3. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // ООН [сайт]. — URL: https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html
4. Меморандум главнокомандующего союзных держав японскому императорскому правительству № 677 29 января 1946 г. — Текст: электронный // — URL: http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19460129jap.php
5. Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года. — Текст: электронный // — URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
7. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // — URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/
8. *Зеризер Е.К.* Проблема территориальной принадлежности Курильских островов: истоки русско-японского конфликта и возможные варианты решения. — Текст: электронный // — URL: http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/problema-territorialnoj-prinadlezhnosti-kurilskih-ostrovov-istoki-russko-yaponskogo-konflikta-i-vozmozhnye-varianty-resheniya-8701
9. *Алексеев Д.Ю.* «Курильская проблема» и национальные интересы России // Вестник Тихоокеанского государственного экономического университета. — 2005. — № 4.
10. *Великанов А.Я.* Краткий анализ вылова морских и прибрежных биологических ресурсов в Сахалино-Курильском регионе в 2018 г. — Текст: электронный // — URL: https://yuzhno-sakhalinsk.fishretail.ru/news/kratkiy-analiz-vilova-morskih-i-pribregnih-399528/
11. Применение рения в высокотехнологичных областях промышленности. — Текст: электронный // — URL: https://www.metotech.ru /art_reniy_2.htm
12. Природные ресурсы Курильских островов. — Текст: электронный // — URL: http://rareearth.ru/ru/pub/20161206/02745.html

Шибанова Екатерина Павловна,
студент Юридического факультета
им. М.М. Сперанского ИПиНБ РАНХиГС

Актуальные вопросы эксплуатации беспилотных транспортных средств

Аннотация: *Статья посвящена исследованию правового регулирования беспилотных транспортных средств. Рассматривается вопрос установления понятия «беспилотное транспортное средство», анализируется законодательное регулирование эксплуатации беспилотников, обозреваются современные проблемы наступления ответственности при участии беспилотников.*

Ключевые слова: *беспилотные автомобили, эксплуатация, безопасность, ответственность, автоматизация.*

Ekaterina Pavlovna Shibanova,
student of the M.M. Speransky Faculty of Law, ILNS of RANEPA

Current issues of operation of unmanned vehicles

Abstract: *This article is devoted to the study of the legal regulation of unmanned vehicles. The article discusses the issue of establishing the concept of «unmanned vehicles», analyzes the legislative regulation of the operation of unmanned vehicles, examines the modern problems of the onset of responsibility with the participation of unmanned vehicles.*

Keywords: *unmanned vehicles, operation, safety, responsibility, automation.*

Пока весь мир следит за новостями распространения коронавирусной инфекции COVID-19, крупнейшие автопроизводители и IT-гиганты инвестируют миллиарды долларов в развитие беспилотных транспортных средств (далее — БТС). Примечательно, что Россия не собирается отставать в этой гонке промышленной революции. Так, 25 марта 2020 года утверждена Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования (далее — Концепция) [1]. Документ был разработан в целях повышения безопасности дорожного движения, повышения качества жизни граждан путем всестороннего удовлетворения потребностей в транспортной мобильности, улучшения экологической обстановки и повышения конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке. В Концепции отмечается, что внедрение автономного транспорта позволит снизить потребление топлива на 19-22%, улуч-

шить мобильность отдельных групп граждан, уменьшить текущие затраты автотранспортных организаций на 25-33%. Несмотря на ряд положительных аспектов, в ходе эксплуатации автоматизированного транспортного средства в условиях реального дорожного движения, возникает множество вопросов. Что такое беспилотное транспортное средство? Какие требования устанавливаются к автоматизированным транспортным средствам? На кого возлагается ответственность за вред, причиненный БТС? Рассмотрим эти вопросы в настоящей статье.

В доктрине содержатся разные определения термина «беспилотное средство». Так, С.В. Фетисов, Л.М. Неугодникова, В.В. Адамовский и Р.А. Красноперов характеризуют беспилотник, как «…искусственный мобильный объект многоразового или условно-многоразового использования, не имеющий на борту экипажа (человека-пилота) и способный самостоятельно целенаправленно перемещаться в пространстве для выполнения различных функций в автономном режиме (с помощью собственной управляющей программы) или посредством дистанционного управления (осуществляемого человеком-оператором или диспетчерским центром)» [2]. В зарубежной литературе БТС определяется через термины «automated vehicles», «self-driving vehicles», «unmanned vehicle» [3]. В основе всех этих определений заложена идея о том, что беспилотные средства способны выполнять определенные действия без участия человека. Аналогичный подход содержится и в Концепции, согласно которой БТС представляет собой высоко- или полностью автоматизированное транспортное средство, функционирующее без вмешательства человека (в беспилотном режиме).

Переходя к рассмотрению практической стороны вопроса эксплуатации беспилотников, важно отметить, что они должны соответствовать определенным требованиям. Одним из первых законодательных актов, в котором были рассмотрены вопросы внедрения БТС на дорогах общего пользования, стал Закон «Self Drive Act», принятый в США в 2017 году [4]. В 4 разделе Закона «Self Drive Act» указаны стандарты безопасности автомобилей беспилотников. Обязательным требованием является предоставление сертификатов с четким описанием результатов испытаний транспортных средств. Отдельными актами органов государственной власти США уста-

навливаются стандарты производительности, человеко-машинный интерфейс, требования для программного обеспечения. Кроме того, эксплуатация любого автоматизированного транспортного средства возможна лишь при разработке плана кибербезопасности. Данный план включает следующие положения: процесс выявления уязвимостей в результате кибератак; процесс принятия превентивных мер для уменьшения уязвимостей; определение должностного лица (изготовителя), ответственного за управление кибербезопасностью; процесс обучения сотрудников для поддержания политики и процедур кибербезопасности.

В законодательстве России отсутствует закон, устанавливающий обязательные требования для БТС. Однако в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования содержатся следующие требования. Автоматизированные системы вождения должны обеспечивать соблюдения правил дорожного движения; реагировать на непредвиденные ситуации на дороге так, чтобы свести до минимума опасность для участников дорожного движения; действовать только в пределах разрешенной штатной эксплуатации и др. В настоящее время автоматизированные транспортные средства считаются инновационными и требования к ним устанавливаются в порядке, предусмотренном Техническим регламентом Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств». До того момента, пока в указанный регламент не будут внесены единые стандарты для автомобильных автоматизированных транспортных средств, использование стандартов из других отраслей (авиация, космос) не рекомендуется.

Помимо установления нормативных требований, транспортное средство должно пройти компьютерное моделирование и виртуальные испытания. Следующим шагом для допуска автоматизированного транспортного средства к эксплуатации на дорогах общего пользования является тестирование на автополигонах. Этот этап является наиболее интересным, поскольку создаются разные критические ситуации, которые являются репрезентативными для реального дорожного движения. Они показывают соответствие транспортного средства требованиям безопасности. Заключительным этапом является тестирование транспорта в реальных дорожных условиях.

Одним из востребованных в сфере тестирования БТС является Европейский комитет по проведению независимых краш-тестов Euro NCAP (The European New Car Assessment Programme) [5]. В 2018 году Euro NCAP впервые испытал 10 автомобилей беспилотников. Наиболее высокую оценку (4 балла из 5) получили Mercedes-Benz GLE, BMW 3 Series и Audi Q8. Автомобиль Tesla Model 3 был оценен в два балла, т.к. систему автопилота электрокара назвали авторитарной [6].

Рассмотрим вопрос об ответственности с участием беспилотника. Как следует из вышеназванной Концепции, уровень ответственности участников дорожного движения в случае дорожных происшествий будет зависеть от уровня автономности транспортных средств. В настоящее время существует пять уровней автоматизации. При первом уровне автоматизации управление автомобилем осуществляет водитель. Последний (пятый уровень) часто сравнивают с космическими технологиями. Это обуславливается тем, что автоматизированная система вождения способна справиться с любыми ситуациями на дорогах всех категорий, во всех диапазонах скоростей и условиях окружающей среды. При этом необходимость участия водителя в управлении транспортным средством отсутствует. Однако дифференциация уровней ответственности находится на стадии разработки и в Концепции не отражена. В настоящее время в случае ДТП ответственность несет владелец источника повышенной опасности — компания-разработчик. На практике уже существуют такие примеры. Так, беспилотник Общества «Яндекс» столкнулся с легковым автомобилем, в результате чего компания была признана виновной [7].

Таким образом, беспилотное транспортное средство представляет собой, высоко- или полностью автоматизированный объект, который может управляться как при помощи человека, так и в его отсутствии (дистанционно при помощи программы). В настоящее время требования к беспилотникам законодательно не установлены, в Концепции перечислены общие положения: соответствие международным техническим регламентам, обязательное прохождение краш-тестов как реальных, так и виртуальных. Вопрос ответственности также не урегулирован и является одним из наиболее актуальных.

В заключение отметим следующие способы решения вышеперечисленных проблем: 1) комплексную проработку правоотношений

в сфере эксплуатации беспилотников на законодательном уровне, возможно принятие отдельного федерального закона; 2) четкое установление понятийного аппарата; 3) разработку и установление технических требований к беспилотникам (с учетом международной практики); 4) всестороннее и полное рассмотрение вопроса об ответственности, как через призму гражданского права, так и уголовного, административного.

Литература

1. Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования: Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
2. *Фетисов С.В.* Беспилотная авиация. Терминология, классификация, современное состояние / С.В. Фетисов, Л.М. Неугодникова, В.В. Адамовский и Р.А. Красноперов. — Уфа: PHOTON, 2014. — 216 с.
3. *Jeffrey K.* Gurney. Sue my car not me: products liability and accidents involving autonomous vehicles // Journal of law, technology and policy. — 2013. — Vol. 2013. — № 2. — Pp. 247–277.
4. SELF DRIVE Act, June 9, 2017. — Текст: электронный // — URL: https://www.congress.gov/bill/ 115th-congress/ house-bill/3388/actions (дата обращения: 25.11.2020).
5. Комитет Euro NCAP [Официальный сайт]. — URL: https://www.euroncap.com/ru (дата обращения: 26.11.2020).
6. *Руссов К.* Euro NCAP забраковала «автопилот» Tesla. У «немцев» он оказался лучше. — Текст: электронный // Российская газета. — URL: https://rg.ru/2020/10/02/euro-ncap-zabrakovala-avtopilot-tesla-u-nemcev-on-okazalsia-luchshe.html (дата обращения: 25.11.2020).
7. *Алпатова И.* Аварийный вывод. Разработчики беспилотных авто понесут ответственность за ДТП — Текст: электронный // Российская газета. — URL: https://rg.ru/2020/09/17/razrabotchiki-bespilotnyh-avto-budut-nesti-otvetstvennost-za-dtp.html (дата обращения: 26.11.2020).

Шлапак Марта Дмитриевна,
студент Юридического факультета МГУ им. Ломоносова

Перспективы введения международного принципа исчерпания прав и легализации параллельного импорта в России

Аннотация: *Статья посвящена изучению проблемы введения международного принципа исчерпания прав и легализации параллельного импорта в России. В статье приводятся экономические и правовые последствия легализации параллельного импорта, показана их неоднозначность. Выделены основные сферы, в которых введение международного принципа исчерпания права было бы наиболее эффективным. На основе этого делаются определенные выводы, предлагается путь решения выделенной проблемы.*

Ключевые слова: *параллельный импорт, легализация параллельного импорта, исчерпание прав, международный и национальный принцип исчерпания прав.*

Marta Dmitrievna Shlapak,
student of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University

Prospects for the introduction of the international principle of exhaustion of rights and legalization of parallel import in Russia

Abstract: *This article is devoted to the study of the problem of introducing the international principle of exhaustion of rights and legalization of parallel import in Russia. The article presents the economic and legal consequences of the legalization of parallel import, and shows their ambiguity. The article highlights the principal areas in which the introduction of the international principle of exhaustion of law would be most effective are highlighted. On the basis of this, certain conclusions are drawn, and a way to solve the selected problem is proposed.*

Keywords: *parallel import, legalization of parallel import, exhaustion of rights, international and national principle of exhaustion of rights.*

Развитие торговых отношений порождает ряд вопросов и вытекающих из них практических проблем в правовом регулировании предпринимательской деятельности, в частности, в сфере интеллектуальных прав. Ключевым является вопрос о том, является ли повторный импорт товара для последующей перепродажи в ту или иную страну после его продажи правообладателем на определённом экспортном рынке нарушением исключительных прав данного правообладателя?

Вопрос о возможности параллельного импорта напрямую зависит от выбранного законодателем принципа исчерпания исключительных прав. Принцип исчерпания исключительных прав рассматривается в качестве пределов осуществления исключительных прав, иными словами как механизм, обеспечивающий согласование разнонаправленных интересов носителей исключительных прав.

Механизм, заложенный в данном принципе формализует положение о том, что после правомерного введения результата интеллектуальной деятельности в гражданский оборот его изначальный правообладатель реализует предоставляемые ему законом возможности, связанные с получением выгоды от него.

Исчерпание исключительного права может быть международным, региональным и национальным [1]. Именно с международным принципом исчерпания права связывают возможность существования параллельного импорта как легального института.

Национальный принцип исчерпания исключительных прав связывает исчерпание права только в случае введения экземпляра (товара) во внутригосударственный гражданский оборот («принцип первой продажи»). Несмотря на неоднократную реализацию легально введенного экземпляра за пределами страны, для его ввоза в страну с действующим национальным принципом исчерпания прав требуется согласие правообладателя. Например, действующее законодательство таких стран, как Россия и США предусматривает национальный принцип исчерпания прав (ст. 1272, 1325 ГК РФ) [2].

Региональный принцип связывает исчерпание прав с момента правомерного введения товара в гражданский оборот не только внутри страны, но и в определенном регионе, объединяющем ряд суверенных государств. Такой режим установлен, например, в странах Европейского союза.

Для международного режима территория, на которой был впервые введен в оборот охраняемый объект, не имеет значения. Важен сам факт «первой продажи» вне территориальных рамок. То есть, если правообладатель ввел в гражданский оборот результат интеллектуальной деятельности посредством заключения договора он уже не сможет защитить свое право на данный объект, так как он уже реализовал предоставленные законом возможности по распоряжению на охраняемый объект. Данный принцип отражен, например, в законодательстве Китая.

Обращаясь к правовому регулированию национального принципа исчерпания права в российском гражданском законодательстве, можно выделить ряд определяющих данный принцип признаков.

Во-первых, исчерпание права имеет место, когда речь идет о реализации прав *посредством продажи* или иного вида отчуждения (пп. 2 п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

Во-вторых, введение в гражданский оборот должно быть *первым*.

В-третьих, оно является *правомерным* [3], то есть произошло с согласия правообладателя (есть намерение лица совершить сделку) и при соблюдении установленных законодательством требований (соблюдение требований к совершению сделки: форма сделки).

В-четвертых, из оборота должны быть *исключены контрафактные экземпляры*, воспроизведенные как самим нарушителем, так и приобретенные у третьих лиц [4]. Контрафактными следует признавать такие экземпляры произведений, изготовление, распространение или иное использование которых влечет нарушение авторских прав (п. 4 ст. 1252 ГК РФ). Так, к контрафактным можно отнести экземпляры произведений, которые были изготовлены, а в дальнейшем распространены с нарушением существенных условий договора о передаче исключительных прав. Или, например, использование наряду с правомерно используемыми объектами авторского права воспроизведенных неправомерно: использование заимствованной главы в книге или статьи в сборнике.

В-пятых, ограничено территориально — должно быть произведено *на территории РФ* (ст. 1272, пп. 4 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) [5].

Следовательно, принцип исчерпания права имеет место в ситуациях, когда продукт на легальных основаниях впервые выводится на рынок. В данном случае права на этот продукт «исчерпываются», т.е. правообладатель объекта интеллектуальной собственности утрачивает свое право осуществлять защиту своих прав в отношении этого объекта.

Конституционный Суд РФ определил параллельный импорт как «возможность импорта продукции независимо от согласия производителя товара или его официального дистрибьютора» [6].

В соответствии с ГК РФ параллельный импорт считается нарушением исключительных прав на охраняемый объект. На практике это закрепляет за дистрибьюторами обязанность получать разрешение

на закупку и последующую продажу продукции в форме заключения лицензионных договоров (ст. 1236 ГК РФ) или договоров об отчуждении исключительного права (ст. 1234 ГК РФ).

Однако подобное правовое регулирование параллельного импорта является предметом бурных дискуссий: идут споры о возможности частичной или даже полной легализации параллельного импорта в нашей стране. В 2011 году Федеральная антимонопольная служба в своем ежегодном докладе предложила заменить национальный принцип исчерпания права на международный [7]. Данная инициатива связана с тем, что в некоторых отраслях экономики правообладатель злоупотребляет своим исключительным правом, устанавливая слишком высокие цены на оригинальный товар, а также препятствует ее ввозу, не заключая лицензионные договоры с потенциальными дистрибьюторами, то есть монополизирует национальный рынок. Таким образом, легализацию параллельного импорта предлагают распространить на отдельные группы товаров, недоступные на внутреннем рынке, дефицитные или продающиеся по завышенным ценам.

Такая проблема остро стоит, например, в фармацевтической сфере, когда на то или иное востребованное и не имеющее аналогов лекарственное средство производитель устанавливает монопольно высокие цены для потребителя. При попытке ввоза на территорию страны такого товара для последующей перепродажи без разрешения правообладателя данная продукция будет признана контрафактной и конфискована Федеральной таможенной службой, а лицо, занимающееся такой деятельностью, понесёт в соответствии со статьями 1301, 1515 ГК РФ гражданско-правовую ответственность, а в случаях, предусмотренных законом, уголовно-правовую ответственность (ч. 2 ст. 146 УК РФ).

Безусловно, легализация параллельного импорта отразится на национальном рынке и повлияет на сами возможности потребителя. На мой взгляд, легализация данного института позволит решить ряд проблем, а именно ценовую, качественную и ассортиментную дискриминацию.

Проблема ценовой и качественной дискриминации решится за счет ликвидации монопольного положения правообладателя, создастся ситуация совершенствования рыночной структуры, ее «оздоровления», в результате которой отпадут препятствия для развития «здоро-

вых» конкурентных отношений на национальном рынке. Вероятнее всего, в результате рыночной конкуренции появятся более выгодные предложения со стороны новых поставщиков, которые будут заинтересованы в привлечении потребителей на свою сторону, поэтому каждая компания-поставщик будет стремиться к снижению цены и повышению качества продаваемой продукции. Так, например, «по оценке PwC, параллельный импорт повысит маржинальность сервиса дилеров и снизит розничные цены» [8].

Более того, подобное нововведение может положительно «сыграть» и в сложившейся внешнеполитической ситуации, когда многие страны накладывают ограничительные меры на импорт и экспорт продукции в отношениях с Россией. Параллельный импорт, как уже было отмечено, происходит через использование так называемых «альтернативных» каналов в обход официального дистрибьютора или же самого правообладателя, поэтому данный институт можно рассматривать в качестве выхода из «санкционного положения» России.

Вдобавок, вместе с легализацией параллельного импорта появляются дополнительные возможности для ведения малого и среднего бизнеса в ранее закрытом для деятельности секторе и, как результат, появление новых рабочих мест, что безусловно благоприятно скажется на решении вопроса, связанного с безработицей, и в более крупном масштабе положительно отразится на развитии национальной экономики в целом.

Однако существует и негативная сторона легализации параллельного импорта на законодательном уровне, которую необходимо учесть, чтобы разобраться в целесообразности столь значимого возможного нововведения.

Прежде всего, самой очевидной, на мой взгляд, проблемой является рост теневого сектора экономики. С легализацией параллельного импорта многие налоговые отчисления в государственную казну, которые могло бы получить государство, будут просто «утекать» от него, так как таможенный контроль будет значительно ослаблен, поэтому при замене национального режима на международный необходимо детально проработать сам механизм параллельного импорта и создать эффективную нормативно-правовую базу, которая сможет обеспечить необходимый баланс между интересами дистрибьютеров и самого государства.

Кроме того, национальная экономика также может значительно пострадать, так как есть большая вероятность, что параллельный импорт станет более привлекательным для продавцов, которые занимаются перепродажей, чем для самих конкурирующих производителей, занимающихся деятельностью, направленной на производство качественного национального товара, иными словами заинтересованность отечественного производителя в изготовлении продукции снизится. Как следствие, политика импортозамещения резко пойдет на спад. Такой расклад повысит зависимость национальной экономики от импортных товаров, которые будут вливаться на национальный рынок с помощью «альтернативных» каналов, то есть путем перепродажи. Такого мнения придерживается и ряд экспертов, которые полагают, что «условия для развития ряда отраслей в экономики страны будут испорчены» [8].

Отметим также, что, казалось бы, решенная с легализацией параллельного импорта проблема, связанная с качественной дискриминацией, может приобрести совсем другой окрас. Возникает опасность увеличения количества контрафактных товаров с низким качеством. Разрешение параллельного импорта напрямую приведет к ослаблению таможенного контроля и, как результат, появлению на рынке большого количества контрафактной продукции низкого качества из-за затруднений, связанных с большим числом компаний, осуществляющих импорт товара и при этом не являющихся официальными поставщиками.

Кажется, что возможное низкое качество товара есть закономерная черта любого рынка, однако в обсуждениях речь опять же идет о фармацевтике, то есть о лекарственных препаратах и медицинских изделиях, низкое качество которых может привести к крайне негативным последствиям. Тем более параллельный импорт в первую очередь коснется как раз тех лекарственных средств, которые являются жизненно-необходимыми для людей, так как именно на них, как правило, вследствие технической сложности изготовления создаются монополии производителей. В настоящее же время официальные дистрибьюторы контролируют качество выпускаемых лекарственных препаратов, хотя даже сейчас наблюдаются случаи выявления контрафакта в области фармацевтики.

И, наконец, когда мы говорим о параллельном импорте и появлении новых лиц на национальном рынке, речь не идет о появлении

аналогичных товаров, речь идет о той же самой продукции, реализуемой другими продавцами. То есть в данной ситуации мы видим конкуренцию продавцов, а не конкуренцию товаров, что не делает ассортимент на рынке более разнообразным, хотя и решает в определенной степени ценовую проблему.

Таким образом, вопрос о замене национального принципа исчерпания права на международный на законодательном уровне является дискуссионным и требует большого внимания. Появляющаяся вследствие этого перспектива легализации параллельного импорта имеет двойственный характер, поэтому необходимо более детально изучить все «плюсы» и «минусы» данного изменения и оценить возможные риски.

На мой взгляд, рассматривать возможность легализации параллельного импорта необходимо исключительно в рамках отдельных категорий товаров, разрешение параллельного импорта в отношении которых обоснованно и действительно необходимо, например, таких как рынок автозапчастей или фармацевтики. В противном же случае с введением международного принципа исчерпания права и «сплошного» параллельного импорта на территории нашей страны создастся негативная для народного хозяйства ситуация, связанная с ростом «теневой экономики» и повышением зависимости национальной экономики от импортной составляющей.

Литература

1. Гражданское право: Учебник: в 4 т. /отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 2. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019.
2. *Michael V. Sardina,* Exhaustion and First Sale in Intellectual Property, Santa Clara Law Review, 2011. — Текст: электронный // — URL: https://digitalcommons.law.scu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1030&context=lawreview (дата обращения 28.11.2020).
3. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 мая 2017 г. № С01-384/2017 по делу № А40-165085/2015 и Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10 ноября 2016 г. № С01-800/2016 по делу № А67-6484/2015 — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16 марта 2015 г. № С01-186/2014 по делу № А60-10411/2013 и Постановление Суда по интеллектуальным правам от 06 августа 2014 г. № С01-710/2014 по делу № А41-23205/2013 — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
5. О применении части четвертой ГК РФ: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 февраля 2018 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 ГК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»» // Собр. законодательства РФ. — 2018. — № 9, ст. 1435. 26 февраля.
7. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации (за 2011 год), озвученный И.Ю. Артемьевым на заседании Правительства Российской Федерации 14 июня 2012 года. — Текст: электронный // — URL: https://fas.gov.ru/documents/596467 (дата обращения: 30 сентября 2020 г.)
8. *Циноева Я.* Параллельный импорт подходит к границе. — Текст: электронный // Коммерсантъ. — 2017. — №139. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/3373050 (дата обращения: 30.11.2020).

***Щупакова Мария Евгеньевна*,**
студент МГУ имени М.В. Ломоносова

К вопросу о понятии неосторожности в рамках договорной ответственности

Аннотация: *Статья посвящена исследованию понятия неосторожности при нарушении договорного обязательства. Проанализировано, как с течением времени менялось понимание неосторожности в отечественной доктрине. Исследованы основные подходы к пониманию вины, на основе норм Гражданского кодекса Российской Федерации и теоретических и сравнительно-правовых аргументов сделан вывод, что приоритет должен иметь объективный подход. Констатируется, что соотношение простой и грубой неосторожности и умысла и грубой неосторожности недостаточно ясно определено.*

Ключевые слова: *вина, неосторожность, простая неосторожность, грубая неосторожность.*

***Maria E. Shchupakova*,**
student of Lomonosov Moscow State University

On the issue of the concept of negligence within the framework of contractual liability

Abstract: *The article is devoted to the research of the concept of negligence in violation of a contractual obligation. It is analyzed how the understanding of negligence in the Russian doctrine has changed. The main approaches to the understanding of guilt are investigated and it is concluded that an objective approach should have priority on the basis of the Civil Code of the Russian Federation and theoretical and comparative legal arguments. It is stated that the correlation of ordinary and gross negligence and intent and gross negligence is not clearly defined enough.*

Keywords: *guilt; negligence; ordinary negligence; gross negligence.*

Содержание ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) не дает достаточной ясности в вопросе о понятии неосторожности. Вместе с тем, из текста ГК РФ очевидно, что при определении виновности лица, в том числе и в форме неосторожности, должен применяться объективный критерий — поведение нарушителя сравнивается с тем, как должен был бы себя вести любой должник в процессе исполнения обязательства.

Зачастую в научной литературе речь идет о вине без разделения ее на умысел и неосторожность [1]. Для большинства случаев привлечения к ответственности разделение вины на умысел и неосторожность действительно не имеет значения, но, по нашему мнению, нужно уделять внимание вине именно в форме неосторожности из-за, как минимум, трех причин: большинство случаев неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства происходит неумышленно, поэтому особое значение приобретает разграничение случая и неосторожности; неосторожность со стороны кредитора влияет на размер ответственности должника, причем, в отличие от деликтного права, любая неосторожность, не только грубая [2, с. 98]; наконец, в некоторых случаях закон прямо указывает на необходимость разграничения умысла и разных форм неосторожности, например, по договору безвозмездного пользования ссудодатель отвечает за недостатки вещи, которые он умышленно или по грубой неосторожности не оговорил при заключении договора безвозмездного пользования.

В дореволюционном праве закон не устанавливал зависимости между ответственностью должника и его виной. Так, согласно ст. 1536 Общих правил об исполнении договоров, «договоры должны быть исполняемы по точному оных разуму, не уважая побочных обстоятельств». К.Н. Анненков отмечает, что эти правила слишком безусловны, они не учитывают даже и внешних обстоятельств, не зависящих от воли должника, не говоря уже о вине [3, с. 133–135].

Большинство цивилистов разделяет его точку зрения, говоря о невозможности возложения на должника безусловной ответственности за нарушение обязательства. Например, К.П. Победоносцев утверждает, что, если сторона, обязанная к исполнению, уклоняется от исполнения, она виновна, и может быть привлечена к ответственности [4, с. 149–150]. Н.Л. Дювернуа пишет, что пределы ответственности могут быть ограничены следующим образом: обязанное лицо должно

проявить такую долю бдительности, какую оно являет в своих собственных делах [5, с. 369].

В советское время понятие неосторожности в гражданском праве изучалось более подробно. Нельзя недооценить исследование Г.К. Матвеева, посвященное вине. Он характеризовал неосторожность с точки зрения субъективного подхода — как ситуацию, когда человек не предвидит вредных последствий своих действий (хотя и должен их предвидеть), а потому и не желает этих последствий, либо же предвидит, но легкомысленно надеется предотвратить их [6, с. 269]. По мнению Г.К. Матвеева, в понятие неосторожности входит как воля, так и сознание нарушителя, которые составляют психологическое содержание вины. Порочность воли и сознания состоит в их недостаточной направленности и интенсивности, т.е. нарушитель проявляет недопустимую пассивность, имея возможность действовать иначе.

М.М. Агарков отмечает, что установление наличия или отсутствие неосторожности зависит от выяснения возможности исполнения обязательства для конкретного должника [7, с. 330]. С этим сложно спорить, но возникает вопрос, достаточно ли этого для разграничения вины и случая?

По мнению Л.А. Лунца, критерием оценки поведения должника должна быть объективная мера заботливости, которую можно ожидать от любого субъекта в конкретных обстоятельствах [7, с. 330–331].

Таким образом, вопрос об уяснении содержания неосторожности сводится к тому, какой критерий следует применять для оценки действий должника как неосторожных или невиновных: субъективный или объективный?

В немецкой доктрине уже почти 50 лет предметом обсуждения является теория объективной оценки неосмотрительности, предложенная Э. Крамером [8, с. 251–260].

Автор, обосновывая необходимость объективного подхода к неосторожным деяниям, пишет, что волеизъявление должно толковаться контрагентом в том значении, в котором его воспринял бы любой разумный контрагент. Мерка для такого вменения волеизъявления — разумный человек (reasonable man), который проявляет разумную осмотрительность, психологические элементы не должны влиять на юридические последствия волеизъявления. Таким образом, лицо не

может быть освобождено от ответственности только на том основании, что лично оно не способно к поведению, ожидаемому от любого разумного человека.

Нужно вспомнить о теориях, объясняющих природу сделки. В некоторых случаях внутренняя воля имеет значение для достижения правовых последствий, но она должна проявляться во внешних действиях, должна быть выражена вовне. Ф. фон Савиньи писал, что «под волеизъявлениями или юридическими сделками следует понимать такие юридические факты, которые являются не просто свободными действиями, но в которых воля действующего лица направлена непосредственно на возникновение или прекращение правоотношений. Три момента их необходимо по отдельности принимать здесь во внимание: саму волю, изъявление воли и согласие между волей и волеизъявлением» [9, с. 197]. Вряд ли можно не согласиться с тем, что волеизъявление служит средством для объективации воли, оно является посредником между субъектами, без изъявления воли один не поймет другого.

Возвращаясь к теории объективной оценки неосмотрительности, отметим, что именно для договорного права важно исходить из приоритета воли или волеизъявления при толковании действия контрагента. Полагаем, что приведенные аргументы подтверждают приоритет волеизъявления, воля в силу своей психологической природы не может быть воспринята другим субъектом и, следовательно, до момента проявления во внешних действиях не может иметь значение для оборота [10, с. 61].

Это не означает, что подход к толкованию волеизъявления является полностью унифицированным. Приниматься во внимание должно именно то значение изъявления, с которым его связывает разумный человек в конкретной ситуации заключения договора, толкование одновременно является «нормативным и индивидуализированным» [8, с. 258]. Так, каждый субъект должен иметь возможность без всяких вредных последствий для себя предполагать наличие определенных типичных качеств у любого контрагента. Соответственно, каждый должен применять те среднестатистические, типичные опыт и знания, которых конкретная ситуация требует от любого разумного субъекта, невыполнение данной обязанности может повлечь негативные последствия.

Таково в общих чертах содержание теории Э. Крамера. На наш взгляд, данная теория весьма убедительна и имеет множество достоинств. Однако она рассматривает ситуацию, которая не так часто встречается на практике — когда вся ответственность лежит на причинителе вреда. Это в большей степени подходит для умышленного причинения вреда, тогда как в случае неосторожности не во всех случаях можно возложить полную ответственность на причинителя вреда, это может привести к трудностям при осуществлении инновационной деятельности, для которой нет еще предсказуемых последствий, и критерий «разумного человека» мало чем здесь поможет. Если такая деятельность осуществляется не владельцем источника повышенной опасности, это остро ставит вопрос об ответственности.

В российском гражданском праве понимание вины в гражданском праве испытывало достаточно сильное влияние уголовного права, в котором вина рассматривается как психическое отношение лица к совершенному деянию и его последствиям. Несмотря на то, что законодательство отошло от субъективной концепции вины и перешло к объективной, переведя категорию вины «в область объективно возможного поведения участников имущественных отношений с определенным масштабом должного поведения» [11, с. 608], определенное влияние уголовного права все еще ощущается в силу того, что в уголовном праве категории вины, умысла и неосторожности разработаны более подобно, им уделялось более пристальное внимание.

В отечественной литературе полный отход от субъективного понимания вины подвергается сомнению. Например, Т.В. Шепель объясняет свои возражения, во-первых, самим использованием терминов «умысел» и «неосторожность», что свойственно психологическому пониманию вины, во-вторых, тем, что внимательность и заботливость относятся к сфере субъективной реальности [12, с. 35]. Относительно второго аргумента можно возразить, что оценка действий как внимательных и заботливых в любом случае зависит от конкретной ситуации, а не полностью объективирована. Невозможно для каждой ситуации прописать, какие действия будут внимательными и заботливыми, а какие — нет. Что касается использования категорий «умысел» и «неосторожность», отметим, что объективный подход не

вполне совместим именно с умышленной формой вины, тогда как в случае с неосторожностью таких проблем не возникает. Определение умысла все равно в той или иной степени предполагает учет психологических элементов.

Законодательство не упоминает напрямую о видах неосторожности, но из многих статей ГК РФ следует, что существует простая и грубая неосторожность. Грубую неосторожность обычно определяют, как нарушение элементарных, минимальных мер заботливости и осмотрительности [13], но грань между простой и грубой неосторожностью очень тонкая и зависит от ситуации, на что указывал и Конституционный Суд РФ [14]. В свою очередь, грань между умыслом и грубой неосторожностью тоже очень тонкая, даже, возможно, вообще неопределенная. Так, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства [15]. То есть, если проявлена минимальная степень заботливости и осмотрительности, это уже не умысел. Но по сути это также означает и отсутствие грубой неосторожности [16, с. 701].

Некоторые ученые предлагают законодательно закрепить понятие грубой неосторожности, например, М.Ю. Старчиков [17], но это вряд ли поможет, так как в любом случае определение того, что значит нарушение минимальных требований осмотрительности, зависит от ситуации. Относительно умысла и грубой неосторожности, возможно, следует обдумать вопрос о целесообразности сохранения этих двух категорий.

Подводя итог, отметим, что господствующее положение должно занимать объективное начало неосторожности, потому что право не может учитывать всевозможные личностные особенности при привлечении к гражданско-правовой ответственности. В качестве дополнительного аргумента можно отметить, что именно такое понимание неосторожности поддерживается в Германии, Австрии, Швейцарии, Франции, Италии [8, с. 246-248]. Хотя ситуация, когда абсолютно во

всех казусах будет всегда применяться только один подход (объективный или субъективный), невозможна. В каких-то случаях важнее личность должника, в каких-то — поведение, ожидаемое от среднего участника оборота. Применение унифицированного подхода не всегда будет справедливым и не всегда позволит максимальным образом учесть интересы контрагентов.

ГК РФ не устанавливает содержания понятий «простая неосторожность» и «грубая неосторожность», но этого и не требуется, так как решение зависит от конкретной ситуации. Но необходимость этого разграничения не вызывает сомнений, учитывая, что в некоторых случаях ответственность ограничена только умыслом и грубой неосторожностью. Вопрос о разграничении умысла и грубой неосторожности более сложный и, возможно, нет смысла пытаться на него ответить, тем более что понятие умысла не вполне сочетается с объективным подходом к вине.

Литература

1. *Синцов Г.В.* К вопросу о значении вины при нарушении обязательств в гражданском праве // Юрист. — 2015. — № 22. — С. 23–25.
2. *Сударев Г.А.* Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего // Вестник гражданского права. — 2020. — № 3. — С. 83–135.
3. *Анненков К.Н.* Система русского гражданского права. Т. 3. Права обязательственные. — Санкт-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. — 490 с.
4. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договор и обязательство. — М.: Статут, 2003. — 563 с.
5. *Дювернуа Н.Л.* Конспект лекций по русскому гражданскому праву (издание студентов, исправленное и дополненное). — С.-Петербург, типография М.М. Стасюлевича, 1897 г. — 423 с.
6. *Матвеев Г.К.* Вина в советском гражданском праве / Под ред. К.П. Николаева. — Киев: Киевский гос. ун-т, 1955. — 306. с
7. Общее учение об обязательстве / И.Б. Новицкий, Л.А. Лунц. — М.: Гос. изд-во юридической лит., 1950. — 416 с.
8. *Крамер Э.А.* Начало общего всем вменения в деликтном и договорном праве // Вестник гражданского права. — 2020. — № 1. — С. 236–262.
9. *Манигк А.* Развитие и критика учения о волеизъявлении // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4. — С. 192-215.
10. *Панов А.А.* К вопросу о категориях воли, волеизъявления и порока воли в теории юридической сделки // Вестник гражданского права. — 2011. — № 1. — С. 52–81.
11. Гражданское право: Учеб.: В 4 т. Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов. — М.: Волтерс Клувер, 2004. — С. 608.

12. *Шепель Т.В.* О легальном определении понятия вины в гражданском праве // Современное право. — 2006. — № 7.
13. *Розина С.В.* Основания возникновения обязательств из причинения вреда: законодательство, комментарии, судебная практика // СПС КонсультантПлюс. 2019.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О. — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.
15. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 // Российская газета. — 2016. — № 70. 4 апреля.
16. *Байбак В.В.* Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. — М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. — 1120 с.
17. *Старчиков М.Ю.* Вина медицинской организации и случаи ее безвиновной гражданско-правовой ответственности: о нерешенных вопросах правового регулирования — Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. — Текст: электронный.

Научное издание

СПЕРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей VI Международной научной конференции студентов и аспирантов

Редактор-составитель Людмила Евгеньевна Лаптева

Подписано в печать 02.11.2021 г. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 17,75. Тираж 100 экз. Заказ 379.

Отпечатано в ООО «Издательство «Проспект».

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Институт права и национальной безопасности

СПЕРАНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей VI Международной научной конференции студентов и аспирантов

г. Москва, 8 декабря 2020 г.

В сборнике представлены статьи студентов, магистрантов и аспирантов — участников VI Международной научной конференции «Сперанские чтения», состоявшейся в Институте права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 8 декабря 2020 г. В статьях отражен широкий спектр профессиональных интересов молодых исследователей в области права, национальной и экономической безопасности, государственного управления.

ПРОСПЕКТ

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 651-62-62
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

9 785985 974881